

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.111
ББК 81.1

В. А. Безруков

МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ, РЕАЛИЗУЕМЫХ В СОСТОЯНИИ СИЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Предлагается классификация невербальных компонентов коммуникации, реализуемых в состоянии сильного эмоционального напряжения на основе анализа средств их номинации в авторских ремарках драматургических произведений. Автор описывает варианты использования данной классификации в методике преподавания иностранных языков, а также делает предположения об ее возможном применении в других сферах науки и практики.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, невербальные средства коммуникации, сильное эмоциональное напряжение, классификация, косвенная номинация, драматургические ремарки.

Для методики преподавания иностранных языков наибольший интерес представляют три аспекта изучения невербальных компонентов коммуникации (далее НКК), реализуемых в состоянии сильного эмоционального напряжения.

Во-первых, НКК являются не только надежным индикатором степени напряженности/раскованности, которые испытывает говорящий в процессе иноязычного общения. Психологами установлено, что при сильном эмоциональном напряжении деградации и распаду на отдельные действия подвержены в первую очередь наименее сформированные навыки и умения [28]. Таким образом, присутствие в невербальном поведении индивидуума, например, во время экзамена большого количества некоммуникативных жестов может свидетельствовать не только о переживаемом состоянии сильного эмоционального напряжения, но и о низкой степени сформированности коммуникативной навыков общения на иностранном языке.

Во-вторых, не секрет, что опытные ораторы нередко строят свое выступление по законам аффективной речи [25]. Важной частью аффективного поведения, которое преследует цель осознанного воздействия на целевую аудиторию, является, безусловно, невербальная коммуникация. Выбор методик обучения, влияющих на эмоциональную сферу и способствующих быстрой и эффективной автоматизации навыков и умений обучаемых, подбор тональности общения, при которой отрицательный эффект сильного эмоционального напряжения

может быть снят и заменен состоянием эмоциональной активации, стимулирующей интеллектуальные процессы, – вот только несколько возможных сфер применения невербальной коммуникации, осознанно имитирующей закономерности эмоционально окрашенного поведения. Данные навыки могут быть включены в портфель профессиональных компетенции преподавателя.

Наконец, особенности невербального поведения преподавателя/студента/абитуриента в условиях стрессогенной ситуации могут служить важным критерием профессиональной пригодности педагога и поводом для коррекции и самокоррекции его профессионального поведения.

Таким образом, создание классификации, которая позволяла бы идентифицировать состояние сильного эмоционального напряжения по внешним, легко наблюдаемым признакам, является важной задачей. Поскольку изучаемое явление многомерно, то создание подобной классификации должно базироваться на его одновременном изучении сразу в нескольких плоскостях, а именно: (1) психологии и психофизиологии, (2) лингвистики и (3) невербальной коммуникации.

1. В настоящий момент установлено, что сильное эмоциональное напряжение оказывает генерализирующее воздействие на психофизиологию индивидуума, определяя особенности его вербального и невербального поведения. Генерализирующее воздействие проявляет-

ся разнопланово: оно может оказывать как деструктивное (состояние **дистресса**), так и стимулирующее, положительное воздействие на поведение человека (состояние **эвстресса**). Промежуточное положение между ними занимает особое **поисковое состояние**, цель которого – нахождение оптимальных путей выхода из острой стрессогенной ситуации. Анализ практического языкового материала показывает, что выделение трех базовых состояний не позволяет описать уникальный набор НКК (и их комбинаций), на основе которых возможно создать классификацию, определяющую с достаточной степенью надежности тип воздействия сильного эмоционального возбуждения на индивидуума. Исследования, проведенные психологами, психиатрами и психофизиологами, показывают, что в основе реализации каждого из этих состояний лежат психофизиологические механизмы, определяющие модели поведения, реализуемые в состоянии дистресса, эвстресса и поискового состояния [20; 24].

В настоящий момент можно говорить о том, что в основе возникновения состояния **дистресса**, оказывающего дестабилизирующий характер на речемыслительные процессы и поведение в целом, лежат такие психофизиологические механизмы, как *торможение действий и движений* (общая иммобильность субъекта), *регресс сложной модели поведения* (стереотипный характер деятельности, негибкость поведения), *пассивно-оборонительная реакция* (гипермобильные действия, направленные на неосознанный разрыв контакта с собеседником), *резкое снижение организованности поведения* (бесцельная, хаотическая гипермобилизация).

Возникновение **поискового состояния** обусловлено следующими механизмами: *ориентировочная реакция* (гипермобильность в сочетании с внезапностью действия), *превентивная адаптация* (наличие нарушений при реализации ответа на стрессогенный фактор, например, заикание, пошатывание, тремор), *собственно реакция адаптации* (ритмичные, повторяющиеся действия).

Наконец, в основе состояния **эвстресса** лежат два психофизиологических механизма, а именно: *активно-оборонительная реакция* (наступательные действия субъекта гиперкинетического характера) и *локализованная тоническая реакция симпатического отдела центральной нервной системы*. Последний психофизиологический механизм отвечает за появление двух моделей поведения человека,

переживающего сильное эмоциональное напряжение: демонстративной и контактообусловленной. В последнем случае коммуникативной целью может быть как разрыв, так и установление контакта (контактопрерывающее и контактоустанавливающее взаимодействие).

2. Привлечение лингвистики к созданию классификации объясняется тем фактом, что материал, доступный для наблюдения, фиксирования и исследования, сильно ограничен. Одним из важнейших источников о невербальном поведении человека, однако, может служить литературное произведение, даже несмотря на тот факт, что номинация поведения индивидуума в нем может иметь ряд особенностей. Это тем не менее не снижает ценности сообщений о НКК, но накладывает некоторые ограничения на изучаемый материал и побуждают искать описания невербального поведения, в которых экспликация действия была бы максимальна. Такими описаниями являются авторские ремарки, задача которых – служить инструкцией для режиссера и актера.

Материалом для анализа в данной статье послужили свыше 500 ремарок выделенных методом сплошной выборки из 35 драматургических произведений англоязычных (британских и американских) авторов XX в. Все ремарки содержат **косвенный** способ номинации (нередко называемый «изобразительным» [6] или «кинематическим речением» [5]), который заключается в изображении особенностей невербального поведения человека, то есть в фиксации НКК языковыми средствами.

3. Сопоставление результатов исследований НКК, анализ источников по психологии измененных состояний сознания и драматургических ремарок позволили выделить девять групп невербальных компонентов коммуникации, отражающих особенности поведения человека в состоянии сильного эмоционального напряжения, а именно: *мимику, жесты, позы, локомоции (перемещение в пространстве), голосовые характеристики, такесику (тактильный контакт), окулесику (визуальное взаимодействие), манипуляции с предметами и вегетативные симптомы*.

Под **мимикой** в работе понимаются движения мышц лица, объективирующие эмоциональное состояние человека. Несмотря на то, что в зарубежной и отечественной науке были предприняты успешные попытки идентификации эмоции по мимическому выражению всего лица или его части (см., например, об-

зор В. П. Трусова [27]), работы, посвященные описанию и интерпретации мимики в состоянии сильного эмоционального напряжения, единичны. В отечественной науке следует отметить труды Л. М. Сухаребского, изучавшего мимические расстройства, вызванные сильным эмоциональным напряжением [26]. В его исследованиях содержатся описания многочисленных мимических дисфункций: таких, например, как «маска страха».

В настоящее время существует большое количество работ, содержащих классификации **жестов** [11; 16; 30; 31]. Однако до сих пор дискуссионным остается вопрос о границах понятия «жест». Вслед за Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, под жестом понимаются не только движения рук и кистей рук [2; 13], но и элементы пантомимики (то есть значимых телодвижений) [5]. Согласно данному подходу, ремарки типа «топает ногой (от злости) – *stamps his foot*» относятся к средствам косвенной номинации жестов.

Одной из основных трудностей, возникающих при классификации **поз** человека, является отсутствие однозначной интерпретации данного компонента невербального поведения как динамического или статического. Одни авторы рассматривают позу только как статическое явление [2; 5; 10], другие включают в определение позы элемент динамичности [13; 21]. Так, например, Л. С. Рубинштейн определяет позу как «*движения мышечного аппарата* (так называемые статические рефлексy), обеспечивающие поддержание и *изменение* [выделено нами. – В. Б.] позы тела, что достигается путем активной тонической напряженности мышц» [21. С. 250]. Некоторые исследователи НКК вообще избегают точных формулировок, определяя позу как нечто «более статичное, чем, например, жесты рук или ног» [12. С. 188].

Представляется целесообразным рассматривать позу как статичный элемент, то есть положение тела, сохраняемое в течение некоторого времени. Статика позы является основным критерием, дифференцирующим рассматриваемый компонент невербальной коммуникации человека от различного рода движений и перемещений, приводящих к изменению позы (например, наклонов).

Под **локомоцией** в психологии традиционно понимается движение, приводящее к перемещению в пространстве. В работах по невербальному поведению человека изучение локомоций ограничивается, как правило, рас-

смотрением особенностей походки человека, то есть манеры движения при перемещении. При этом исследователей чаще всего интересует зависимость между особенностями походки человека и перманентными качествами личности, то есть физиогномический подход к изучению данного НКК [13], а эмоционально информативная сторона походки и перемещений в целом нередко игнорируются. С другой стороны, в ряде работ перемещение в пространстве признается значимым компонентом эмоционально обусловленного поведения (см., например, [15]), что не позволяет исключить данный компонент из рассмотрения.

Анализ номинации локомоций человека, реализуемых в измененном состоянии сознания, показал, что значимыми признаками для выявления качественных различий между различными типами психологических состояний являются: а) осознанный/неосознанный характер движения; б) его направление и в) интенсивность перемещения.

Голосовые характеристики включают НКК двух типов: интонационные (просодические) и экстралингвистические.

К *просодическим характеристикам* высказывания традиционно относятся такие элементы, как мелодика, ритм, темп, интонационный тембр, интенсивность речи, пауза [14]. Необходимо отметить, что, во-первых, не все из перечисленных просодических характеристик находят отражение в авторских ремарках. Как правило, в ремарке номинируются такие характеристики, как темп, интонационный тембр и интенсивность (громкость) речи. Во-вторых, отличительной особенностью реализации перечисленных элементов в ИСС является крайне низкая или высокая степень интенсивности их проявления.

Темп высказывания представлен такими характеристиками, как быстрый (*quickly, rapidly*) / медленный (*slowly, dully*). Так же, как и темп, *интенсивность* высказывания, воспринимаемая слушателем как громкость [8], в ИСС находит выражение в таких признаках, как повышенный (кричит, визжит – *cries out, screams, screeches*), либо пониженный (шепчет, говорит едва слышно – *whispers, barely audible*) регистры громкости.

Самым распространенным способом описания психологического состояния персонажа по его голосовым характеристикам является номинация особенностей *интонационного тембра*, который определяется как «специфическая

сверхсегментная окраска речи, придающая ей те или другие экспрессивно-эмоциональные свойства» [1. С. 472]. Данная группа номинации не является однородной. Во-первых, в нее входят номинации, соотносящие тембральные характеристики высказывания с определенным типом эмоционального состояния (*joyfully, rapturously, frantically*), во-вторых, номинации собственно тембральных характеристик, такие как «говорить мрачно, весело, презрительно и т. п.» (*gloomily, happily, scornfully*). Наконец, к тембральным характеристикам в статье относятся те номинации смеха, которые так же, как и собственно тембр, придают речи специфическую экспрессивно-эмоциональную окраску – «смеется горько, весело, рассерженно» (*laughs bitterly/happily/exasperatedly*) (о других видах смеха см. ниже). Как видим, формальным языковым признаком, указывающим в авторской ремарке на номинацию тембральных характеристик, является суффикс наречия – *ly*.

Кроме собственно просодических элементов, в состав голосовых характеристик входят такие *экстралингвистические компоненты*, как пауза, кашель, вздох, смех, плач [13; 18]. Кашель, вздох, плач, истерический смех были отнесены нами к вегетативным проявлениям. Причиной этого является то, что в измененных состояниях сознания они проявляются крайне интенсивно – спазматический кашель (*a fit of coughing*), удушье (*choking, gasping*), рыдания (*weeping, sobbing*) – что вынуждает рассматривать их как самодостаточные психофизиологические сигналы, свидетельствующие о переживании персонажем ИСС, а не источник дополнительной информации о высказывании.

Неоднозначным является статус такого элемента, как *пауза*. С одной стороны, пауза является важнейшим компонентом интонации [14] и представляет собой не факультативный элемент, а имманентную характеристику любого высказывания, в том числе нейтрального. С другой стороны, исследования синтаксиса ненейтральной речи показали, что пауза может служить сигналом о переживании говорящим ИСС. Об этом свидетельствуют, например, паузы, связанные с разрегулией в работе органов порождения речи (артикуляторная пауза), затруднениями при поиске адекватной целям коммуникации формы высказывания (пауза хезитации) и т. п. (подробно классификацию пауз аффективной речи см. в: [23]). Общим признаком такой паузы является ее более длительный характер в сравнении с паузой как просодиче-

ской характеристикой высказывания, что находит отражение в ремарках типа *silence, long silence, after a long pause*.

Единую природу с артикуляторными паузами имеет такое характерное для аффективной речи явление, как заикание (*stammering, stuttering, faltering*). Заикание также вызывается разрегулией в работе органов порождения речи, которая проявляется, однако, менее интенсивно и не является причиной временной блокировки речевого потока говорящего.

Схожий механизм имеет также нервный смех (*laughs nervously, giggles*), который, наслаиваясь на речь говорящего, является причиной появления в высказывании многочисленных кратковременных пауз.

Как видим, артикуляторные затруднения (паузы различной природы, заикание, нервный смех) влияют, прежде всего, на такую характеристику, как *плавность речи*, и могут быть объединены по этому признаку в одну группу.

К такому признаку, как *плавность речи*, не могут быть отнесены истерический смех (*laughs hysterically*) и обрывы речевого потока. Анализ материала показал, что истерический смех свидетельствует не столько о разрегулией в работе органов порождения речи и артикуляторных затруднениях, сколько о полной блокировке механизмов речепорождения. Доказательством этому служит, в том числе, речь персонажа, характерной чертой которой являются многочисленные персерверации и повторы. Наряду с кашлем, вздохом и плачем, истерический смех является самодостаточным психофизиологическим сигналом и отнесен к вегетативным проявлениям.

Обрыв не относится к голосовым характеристикам, поскольку механизмом его возникновения служит конвульсивное сокращение мышц, отвечающих за осуществление дыхательной функции организма: человеку не хватает воздуха для продолжения речепорождения. На этом основании ремарки, номинирующие обрывы (*speechless, breaks off, freezes mid-sentence*), отнесены к вегетативным проявлениям.

К экстралингвистическим голосовым характеристикам можно отнести внезапный переход на диалект или ранее усвоенный язык (*storming into dialect, with an Italian curse*). Хотя, безусловно, данный признак находит отражение не только в замене одной фонологической системы на другую: для слушающего и в значительной мере читающего (при помощи графиче-

ских средств) он предстает, прежде всего, как звучащая характеристика речи, что позволяет рассматривать переход на диалект или другой язык как голосовую характеристику.

Таким образом, объектом классифицирования при анализе способов номинации голосовых характеристик, реализуемых в ИСС, являются пять элементов: темп, тембр, громкость, плавность (включающая артикуляторные затруднения типа пауз, заикания, нервного смеха) и переход на диалект/другой язык.

Под **такесикой** традиционно понимается тактильное взаимодействие. Как правило, в такесике выделяют две группы прикосновений: динамические (поглаживание, похлопывание) и статические (рукопожатие, поцелуй) [13]. Отличительной чертой данных элементов в ИСС является высокая интенсивность их реализации.

Объектом изучения **окулесики** является взгляд как движение (визуальное действие), совершаемое в направлении лица другого человека, а также взаимный взгляд (визуальное взаимодействие) [12]. Предметом изучения окулесики являются такие параметры визуального действия/контакта, как его частота, направление движения глаз, длина паузы между двумя визуальными взаимодействиями [17].

Включение **манипуляций с предметами** в состав НКК не является традиционной точкой зрения на компонентный состав данной системы. При традиционном подходе манипуляции с любыми предметами интересуют исследователя с точки зрения не собственно действия, а результата такого действия, обычно представленного определенным звуком (стуком, скрипом, грохотом и т. п.) [13].

Значительно большее внимание рассматриваемому компоненту НКК уделяется в работах, посвященных изучению поведения человека в состоянии сильного эмоционального напряжения. Так, например, Л. Ф. Величко, исследуя паралингвистические характеристики устной монологической речи на иностранном языке, отмечает, что при низком уровне владения языком для невербального поведения человека, наряду с другими специфическими НКК, характерны такие манипуляции с предметами, как бесцельное вращение в руках карандаша, листка бумаги и т. п. [4].

Необходимо отметить, однако, что большое количество манипуляций не является надежным критерием определения ИСС в целом, а тем более его типа. Большая или меньшая

интенсивность манипуляций может быть осознанно сымитирована, а в некоторых случаях более быстрый ритм действий определяется другими факторами, например, недостатком времени для выполнения манипуляции.

Более значимым признаком является то, как именно выполняется действие с предметом, а именно: наличие цели у выполняемой манипуляции или ее хаотичность; успешное выполнение манипуляции или наличие затруднений, наконец, использование предмета не по назначению. Так, прямое применение метлы является прагматическим действием, не несущим никакой дополнительной информации об эмоциональном состоянии субъекта. Тот же предмет, использованный для избияния человека или других агрессивных действий, сигнализирует не только о наличии сильного эмоционального напряжения, но также и о некоторых качественных сторонах поведения человека в стрессогенной ситуации.

Статус **вегетативных проявлений** в настоящий момент является дискуссионным вопросом. Ряд исследователей (Н. И. Горелов, Т. М. Николаева), исключая вегетативные проявления из системы элементов невербальной коммуникации, приводят следующие аргументы. Во-первых, центры регуляции вегетативных (висцеральных) проявлений локализованы в подкорке и в значительной степени автономны, то есть слабо поддаются сознательному контролю и регуляции. Во-вторых, симпатический (отвечающий за активизацию вегетативных проявлений) и парасимпатический (вызывающий замедление основных систем жизнедеятельности) отделы вегетативной нервной системы оказывают противоположное воздействие на организм человека [28]. Поэтому одно и то же эмоциональное состояние у разных людей может быть выражено антагонистическими физиологическими симптомами (обильным слюноотделением/пересыханием во рту, замедлением/учащением сердцебиения, покраснением/бледностью и т. п.). Наконец, вегетативные реакции (наряду с антагонистическим характером внешних проявлений) передают лишь количественные (интенсивность), а не качественные характеристики эмоционального состояния [22; 28].

Тем не менее в лингвистике и психолингвистике преобладает точка зрения, согласно которой вегетативные реакции, проявляющиеся уже при небольшом эмоциональном напряжении и сопровождающие эмоцию, являются,

безусловно, средством ее внешнего выражения. Специалисты в области психолингвистики говорят в данном случае о признаковой коммуникации (А. Н. Портнов); лингвисты, изучающие невербальную коммуникацию, – о симптомах эмоционального состояния (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) или элементах экстралингвистики (В. А. Лабунская). При этом как первые, так и вторые подчеркивают немаловажную роль вегетативных проявлений в процессе общения.

Традиционно в системе вегетативных симптомов человека выделяют следующие группы: *изменение ритма дыхания* (тяжело/прерывисто дышит), *изменение сердечной деятельности* (сердце замирает/усиленно бьется), *изменение кровоснабжения отдельных частей организма* (человек краснеет/бледнеет), *нарушение функций секреторных желез* (слезы, пересыхание во рту и так далее) [7]. Наряду с перечисленными группами вегетативных проявлений ряд исследователей выделяют также признак «непроизвольные колебательные движения/тремор» (см., например, работу И. А. Васильева [3]). Основанием для включения тремора в группу вегетативных проявлений является то, что он имеет следующие общие признаки с другими вегетативными реакциями человека: (1) практически не поддается сознательному контролю; (2) проявляется уже при небольшом эмоциональном напряжении и является одним из средств его внешнего выражения. Таким образом, все пять групп признаков могут служить сигналами психологического состояния говорящего.

Необходимо упомянуть также о том, что изменение ритма дыхания тесно связано с механизмами речепорождения человека. Нарушение дыхательной функции как следствие регуляции механизмов «вегетативного мозга» может привести не только к временной остановке звучащей речи (*pauses for breath*), но и к ее полной блокировке (*speechless, breaks off*). Основной причиной прерывания речевого потока как в первом, так и во втором случае выступает необходимость восстановления нормального ритма дыхания.

Такой элемент невербальной коммуникации, как *смех*, некоторые авторы относят к экстралингвистическим голосовым характеристикам высказывания [13; 15]. Анализ материала показал тем не менее, что в некоторых случаях смех является отражением вегетативных симптомов человека. Первый тип смеха – истери-

ческий смех – сочетает в своей внешней реализации несколько вегетативных симптомов: изменения ритма дыхания и непроизвольных колебательных движений тела.

Отнесение к вегетативным признакам номинаций смеха типа *half laughing, half crying* обусловлено в том числе тем, что в ремарке они всегда сочетаются с номинацией такого вегетативного симптома, как плач.

Анализ фактического материала показывает, однако, что не все вегетативные реакции находят отражение в драматургических ремарках. Таким признаком, например, является *изменение сердечной активности* – непосредственно не наблюдаемый вегетативный синдром.

Такой признак, как *нарушение кровообращения*, иногда (в массиве примеров выявлено всего 8 случаев) используется авторами для изображения сильного эмоционального напряжения. Номинации типа *blanched, flushes, growing pale, white*, встречающиеся в текстах ремарок, позволяют сделать вывод о том, что драматурги адекватно отображают объективно существующие особенности внешнего выражения эмоциональных состояний. Редкое использование данного признака, по-видимому, объясняется тем, что драматурги стремятся дать в ремарках описание специфики невербального поведения индивидуума, переживающего сильное напряжение, а не просто обозначить его как таковое (как уже говорилось, факт покраснения или побледнения не служит средством дифференциации качественно разных эмоциональных реакций). Такой подход скорее типичен для художественных произведений других жанров. Драматург фактически дает детальную, дифференцированную (и, как мы убеждаемся, вполне профессиональную) информацию актеру или режиссеру об особенностях протекания тех или иных эмоциональных процессов. То, что этот прием используется крайне редко, свидетельствует, по-видимому, о том, что драматурги (пусть и интуитивно) знают, что качественные изменения вегетативного признака (покраснение/побледнение) не соотносятся с качественными характеристиками эмоциональной реакции и зависят в основном от индивидуальных психофизиологических особенностей человека. Косвенным подтверждением сказанного является то, что номинация данного типа висцеральных проявлений сопровождается в авторской ремарке, как правило, изображением других невербальных признаков или прямой номинацией. Немногочисленность

случаев использования признака и, главным образом, неспособность изменения цвета кожных покровов служить идентификатором типа психологического состояния свидетельствуют о нецелесообразности его включения в общую классификационную схему косвенных средств номинации. Таким образом, объектом класси-

фицирования являются номинации четырех типов вегетативных проявлений: нарушение функций секреторных желез, изменение ритма дыхания, произвольные колебательные движения тела, смех.

В результате были получены следующие результаты:

Таблица 1

Особенности реализации невербальных компонентов коммуникации в состоянии дистресса

Название психо-физиологической модели / НКК	Торможение действий и движений	Регресс деятельности	Пассивно-оборонительная реакция	Резкое снижение организованности поведения (хаотическая модель поведения)
1. Мимика	Лицо неподвижно (похоже на маску), искривлено (по лицу проходит судорога); глаза широко раскрыты (выпучены) / полностью закрыты; изменения в нижней части лица (челюсть отваливается).	-	-	-
2. Жест	Руки обхватывают голову, кулак прижимается к голове, руки сомкнуты / безвольно висят; голова закидывается назад / наклоняется вперед.	Поднимает руки вверх, крестится.	Закрывает/прячет руками часть собственного тела (лицо, голову, сердце, живот и так далее).	Отчаянно жестикулирует (многократно и бесцельно размахивает руками), заламывает руки.
3. Поза	Стоит (останавливается) / сидит неподвижно в оцепенении / глубокой апатии.	Стоит на коленях, простирает руки к небу (просит пощады).	-	-
4. Локомоции	Падает на стул/ кровать/ступеньки/ пол и т. п.; падает на колени (от изнеможения); наклоняется вперед/назад (откидывается на стул / наклоняется на стол прислоняется к стене/спинке).	-	Быстро поднимается/садится в кровати; бросается к выходу/наверх/в свою комнату; уклоняется (отступает) от кого-либо; отворачивается от собеседника (неосознанно).	Бегает по комнате, мечется в разные стороны; наталкивается на предметы
5. Голосовые характеристики	Говорит тихо, сдавленно, шепчет; начинает говорить медленно и обрывает фразу.	Переходит на родной (ранее усвоенный) язык/диалект; ругается.	Упрашивает, хныкает, говорит с отчаянием, беспомощно плачет/смеется, стонет, всхлипывает; протестует, говорит с отвращением.	Бессвязно повторяет звуки, слоги, слова предложения; говорит тихо/кричит, визжит (+ повторы в речи).

Окончание таблицы

6. Такесика	-	-	Прячет лицо на чьей-либо груди/в руках/на плече; хватает чью-то руку и целует; отталкивает и убегает.	Внезапно хватает, долго и с большой силой трясет/поднимает над полом; бьет с невероятной силой.
7. Окулесика	Долго и пристально (неосознанно) смотрит; фиксированный взгляд (на предмете или собеседнике).	-	-	Смотрит по сторонам/вверх и вниз; бросает безумный взгляд.
8. Манипуляции с предметами	(Предмет) падает, выпускает из рук / роняет (не может удержать).	Механически пытается собрать листы бумаги, совместить осколки вазы и т. п.	Открывает/закрывает дверь; хлопает дверью (при побеге); набрасывается на еду.	Открывает/закрывает окна, раскидывает вещи по комнате, выкидывает вещи из ящиков (действия реализуются совместно); колотит руками по предмету (столу, книге и т. п.), разбивает предмет; совершает манипуляции с воображаемыми предметами.
9. Вегетативные проявления	Делает очень длинную паузу, обрывает речь; молчит (как следствие дыхательных нарушений), задыхается; издает хриплые звуки, сипит; спазматический кашель; рыдает.	-	-	Трясется всем телом; истерически смеется.

Таблица 2

**Особенности реализации невербальных компонентов коммуникации
в поисковом состоянии**

Название психофизиологической модели / НКК	Ориентировочная реакция / Декомпенсация / Привыкание	Превентивная адаптация	Собственно адаптация (поисково-настроочная модель поведения)
1. Мимика	-	Лицо искажается (от ярости/злости), подергивается.	Лицо зажигается/сияет (найденно решение).

Окончание таблицы

2. Жест	Закрывает рот (от изумления), однократно и внезапно хлопает в ладоши; плечи/руки приподнимаются (по направлению к голове), вскидывает руку (при осознании чего-либо).	-	Сжимает и разжимает руки (ладони); потирает подбородок; жестикуляцией изображает объект, номинация которого вербальными средствами вызывает затруднения (описательный жест).
3. Поза	-	-	Стоит/сидит некоторое время (размышляя); тело становится напряженным / «сжимается».
4. Локомоции	Вскакивает, резко встает/садится (из положения лежа); поворачивается в сторону раздражителя (услышав звук).	Передвигается/встает с трудом, шатается; спотыкается.	Ходит по кругу, осторожно идет по направлению к кому-либо.
5. Голосовые характеристики	Фраза вырывается; импульсивно повторяет (выкрикивает) последнее слова собеседника; испуганно смеется.	Говорит с трудом/неразборчиво/невнятно (артикуляторные нарушения), заикается.	Делает много пауз; говорит неуверенно, нервно смеется, хихикает; темп речи замедляется; говорит робко, раздраженно, возбужденно, нервно, растерянно, недоверчиво.
6. Такесика	-	-	-
7. Окулесика	Вскидывает взгляд, устанавливая визуальный контакт с новым раздражителем.	-	Долго и пристально смотрит (в удивлении); осматривается/переводит взгляд с одного объекта/человека на другой(ого).
8. Манипуляции с предметами	-	-	Приспосабливает предмет (для последующих действий), хватается за предмет; использует какой-либо предмет по назначению (как фоновое действие по отношению к доминантным мыслительным процессам).
9. Вегетативные проявления	Вздрагивает; делает глубокий вдох, задерживает дыхание; смеется и плачет одновременно.	-	Трясется голова, дрожит; делает вдох; справляется с дыхательным спазмом; в слезах, почти рыдая.

Таблица 3

Особенности реализации невербальных компонентов коммуникации в состоянии эвстресса

Название психофизиологической модели / НКК	Активно-оборонительная реакция	Локализованная тоническая реакция симпатического отдела ЦНС (демонстративная модель поведения)	Локализованная тоническая реакция симпатического отдела ЦНС (контактообусловленная модель поведения)
1. Мимика	Лицо темнеет (от ярости), на лице появляется маска гнева; кусает губы (от злости), поднимает брови, хмурится.	Глаза широко открыты/сужаются (произвольно)	-
2. Жест	Сжимает кулаки, трясет кулаками.	Указывает пальцем (с отвращением, обвиняя кого-либо); с негодованием трясет головой, триумфально поднимает голову, потрясает кулаками в воздухе, топает ногой, демонстративно закрывает уши ладонями и так далее.	Открывает объятия; убирает/отдергивает руки.
3. Поза	Стоит над собеседником; готов вскочить и ударить (кулаки сжаты).	-	-
4. Локомоции	Бросается на... / движется угрожающе по направлению к человеку.	Садится на стул; отворачивается, падает на колени (демонстративно).	Поворачивается всем телом к собеседнику, стремительно поднимается навстречу; отворачивается
5. Голосовые характеристики	Угрожает; набрасывается со словами...; злобно кричит на...; говорит сквозь зубы, злобно, жестко, агрессивно, свирепо, неистово, грубо, взбешенно, угрожая.	Кричит (истерично)/шепчет (осознанная имитация признака); говорит медленно; смеется очень громко, горько, весело, счастливо, неестественно с негодованием, оскорбительно; говорит с негодованием, оскорбительно, ликуя и так далее.	Говорит кому-либо с ненавистью, кричит на кого-либо; перебивает, вмешивается в разговор.
6. Такесика	Трясет; толкает/отталкивает, ударяет по (в), пинает.	Целует, обнимает, хлопывает по спине/руке собеседника, прижимает, обнимает.	Берет за руку, плечи, сжимает, обнимает; отталкивает (без пассивно-оборонительной локомоции), стряхивает, пытается освободиться от объятий.

Окончание таблицы

7. Окулесика	Смотрит злобно, агрессивно.	Разрывает визуальный контакт с собеседником при сохранении контакта вербального (поднимает глаза к небу/потолку); смотрит восхищенно/с презрением/отвращением и т. п.	Смотрит/бросает взгляд на кого-либо (вниз/вверх).
8. Манипуляции с предметами	Угрожает, бьет предметом, кидает предмет; хватает оружие, наводит пистолет и т. п.	Вешает трубку (яростно), трясет зонтом, хлопает дверью (демонстративно).	-
9. Вегетативные проявления	Тяжело дышит / задыхается от ярости; сдерживает слезы; брызжет слюной (от ярости).	Многозначительно вздыхает; начинает плакать, рыдает (с последующим установлением тактильного контакта), плюет с отвращением; трясутся руки (при выполнении действия).	-

Обобщая сказанное, можно утверждать, что описанные характеристики невербального поведения индивидуума в состоянии сильного эмоционального напряжения могут не только служить источником важной информации о состоянии обучаемого в ходе занятия, публичного выступления, экзамена, но имеют методическую ценность для целого ряда дисциплин. Так, например, известно, что идентификация состояния аффекта, вызываемого сильным

эмоциональным напряжением, базируется в том числе на ретроспективном анализе показаний свидетелей, который заключается в изучении описаний внешности, действий, походки, голосовых и других невербальных характеристик поведения обвиняемого во время и после совершения противоправного деяния. Разработанная классификация, таким образом, может войти в содержание курсов и справочных пособий по криминалистике.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1969. – 607 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 1998. – 1536 с.
3. Васильев, И. А. К вопросу об индикаторах эмоциональных состояний / А. И. Васильев // Психологические исследования. – М., 1973. – Вып. 4. – С. 35–40.
4. Величко, Л. Ф. Методический аспект паралингвистических характеристик устной иноязычной речи : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. Ф. Величко. – М., 1982. – 22 с.
5. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1983. – 268 с.
6. Вольф, Е. М. Эмоциональные состояния и способы их описания (на материале португальского языка) / Е. М. Вольф, А. А. Силин // Романские языки: семантика, прагматика, социолингвистика. – Л., 1990. – Вып. 4. – С. 127–135.
7. Геллерштейн, С. Г. Выразительные движения / С. Г. Геллерштейн // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1971. – Т. 5. – 640 с.
8. Глинских, Г. В. Фонетика современного русского литературного языка / Г. В. Глинских. – Нижний Новгород, 2006. – 150 с.
9. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М., 1980. – 104 с.
10. Климов, Е. А. Общая психология: общеобразовательный курс / Е. А. Климов. – М., 1999. – 511 с.

11. Красильникова, Е. В. Жест и языковые фразеологизмы (к соотношению вербального и невербального кодов) / Е. В. Красильникова // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. – М., 1977. – С. 58–67.
12. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин. – М., 2001. – 592 с.
13. Лабунская, В. А. Невербальное поведение / В. А. Лабунская. – Ростов, 1986. – 136 с.
14. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М., 1987. – 272 с.
15. Николаева, Т. М. Языкознание и паралингвистика / Т. М. Николаева, Б. А. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М., 1966. – С. 63–74.
16. Николаева, Т. М. Жест и мимика в лекции / Т. М. Николаева. – М., 1972. – 40 с.
17. Нэпп, М. Невербальное общение / М. Нэпп, Д. Холл. – СПб., 2004. – 256 с.
18. Поваляева, М. А. Невербальные средства общения / М. А. Поваляева. – Ростов-на-Дону, 2004. – 352 с.
19. Портнов, А. Н. Язык, мышление, сознание (психолингвистические аспекты) / А. Н. Портнов. – Иваново, 1988. – 90 с.
20. Ротенберг, В. С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский. – М., 1984. – 192 с.
21. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М., 1989. – Т. 2. – 328 с.
22. Русалова, М. Н. Сравнительный анализ мимических и вегетативных компонентов эмоционального состояния человека / М. Н. Русалова, К. Е. Изард, П. В. Симонов // Журн. высш. нерв. деятельности. – 1976. – Т. 26, вып. 3. – С. 643–646.
23. Синеокова, Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Синеокова. – М., 2004. – 374 с.
24. Спивак, Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания : дис. ... д-ра филол. и психол. наук / Д. Л. Спивак. – СПб., 1998. – 351 с.
25. Сулова, М. М. Синтаксические конструкции аффекта в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Сулова. – М., 1997. – 16 с.
26. Сухарбский, Л. М. Клиника мимических расстройств / Л. М. Сухарбский. – М., 1966. – 396 с.
27. Трусов, В. П. Выражение эмоций на лице (по материалам работ П. Экмана) / В. П. Трусов // Вопр. психологии. – 1982. – № 5. – С. 144–147.
28. Фресс, П. Эмоции / П. Фресс // Эксперимент. психология. – М., 1975. – Вып. 5. – С. 112–195.
29. Шаховский, В. И. Категоризация эмоции в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 190 с.
30. Birdwhistell, R. L. Kinesics and context: Essays on Body-motion Coommunication / R. L. Birdwhistell. – Harmondsworth, 1973. – 338 p.
31. Leonhard, K. Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonik / K. Leonhard. – Leipzig, 1976. – 310 s.

Сведения об авторе

Безруков Вадим Аркадьевич – кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

tomegek-uruk@mail.ru, vbezrukov@hse.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 7–20.*

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF NONVERBAL COMPONENTS OF COMMUNICATION IMPLEMENTED IN A STATE OF EXTREME EMOTIONAL STRESS

V. A. Bezroukov

Higher School of Economics, Moscow. vbezroukov@hse.ru

The article offers the classification of nonverbal means of communication which are realized under extreme emotional stress. The classification takes into account three dimensions of the phenomenon: psychology, linguistics, i. e. the analysis of the means of nomination of psychological states under study in stage directions, and paralinguistics or nonverbal means of communication. The author speculates about the possible implementation of the classification for the methods of teaching foreign languages, as well as other fields of science and praxis.

Keywords: *methods of teaching foreign languages, non-verbal means of communication, intense emotional tension, classification, direct means of nomination, stage directions.*

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1969. 607 p. (In Russ.).
2. Kuznetsova S.A. (ed.) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A great thesaurus of the Russian Language]. Saint Petersburg, 1998. 1536 p. (In Russ.).
3. Vasil'ev I.A. K voprosu ob indikatorakh emotsional'nykh sostoyanii [On the question of indicators of emotional states]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Pedagogical Research], iss. 4. Moscow, 1973. Pp. 35–40. (In Russ.).
4. Velichko L.F. *Metodicheskii aspekt paralingvisticheskikh kharakteristik ustnoi inoyazychnoi rechi* [The methodical aspect of paralinguistic characteristics of oral speech in a foreign language]. Moscow, 1982. (In Russ.).
5. Vereshchagin E.M, Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: country studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1983. 268 p. (In Russ.).
6. Vol'f E.M. Emotsional'nye sostoyaniya i sposoby ikh opisaniya (na materiale portugal'skogo yazyka) [Emotional states and methods of their description (based on the material of the Portuguese language)]. *Romanskie yazyki: semantika, pragmatika, sotsiolingvistika* [Roman languages: semantics, pragmatics, sociolinguistics], iss. 4. Leningrad, 1990. Pp. 127–135. (In Russ.).
7. Gellershtein S.G. Vyrizitel'nye dvizheniya [Expressive movements]. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], vol. 5. Moscow, 1971. 640 p. (In Russ.).
8. Glinskikh G.V. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: uchebnyk* [The phonetics of modern Russian language: a text-book]. Nizhny Novgorod, 2006. 150 p. (In Russ.).
9. Gorelov I.N. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Nonverbal component of communication]. Moscow, 1980. 104 p. (In Russ.).
10. Klimov E.A. *Obshchaya psikhologiya: obshcheobrazovatel'nyi kurs* [General Psychology: General Education Course]. Moscow, 1999. 511 p. (In Russ.).
11. Krasil'nikova E.V. Zhest i yazykovye frazeologizmy (k sootnosheniyu verbal'nogo i neverbal'nogo kodov) [Gesture and language idioms (the relation of verbal and nonverbal codes)]. *Iz opyta sozdaniya lingvostranovedcheskikh posobii po russkomu yazyku* [From the experience of creating manuals on Russian country studies]. Moscow, 1977. Pp. 58–67. (In Russ.).
12. Kreidlin G.E. *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. Moscow, 2001. 592 p. (In Russ.).
13. Labunskaya V.A. *Neverbal'noe povedenie* [Nonverbal behaviour]. Rostov, 1986. 136 p. (In Russ.).

14. Maslov Yu.S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, 1987. 272 p. (In Russ.).
15. Nikolaeva T.M., Uspenskii B.A. *Yazykoznanie i paralingvistika* [Linguistics and paralinguistics]. *Lingvisticheskie issledovaniya po obshchei i slavyanskoj tipologii* [Linguistic research in general and Slavic typology]. Moscow, 1966. Pp. 63–74. (In Russ.).
16. Nikolaeva T.M. *Zhest i mimika v leksii* [Gesture and mimics in a lecture]. Moscow, 1972. 40 p. (In Russ.).
17. Nepp M., Khol D. *Neverbal'noe obshchenie* [Nonverbal communication]. Saint Petersburg, 2004. 256 p. (In Russ.).
18. Povalyaeva M.A. *Neverbal'nye sredstva obshcheniya* [Non-verbal means of communication]. Rostov-on-Don, 2004. 352 p. (In Russ.).
19. Portnov A.N. *Yazyk, myshlenie, soznanie (psikholingvisticheskie aspekty)* [Language, thought, consciousness (psycholinguistic aspects)]. Ivanovo, 1988. 90 p. (In Russ.).
20. Rotenberg V.S., Arshavskij V.V. *Poiskovaya aktivnost' i adaptacija* [The searching activity and adaptation]. Moscow, 1984. 192 p. (In Russ.).
21. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii v 2-kh tomakh* [Fundamentals of general psychology in 2 volumes], vol. 2. Moscow, 1989. 328 p. (In Russ.).
22. Rusalova M.N., Izard K.E., Simonov P.V. *Sravnitel'nyi analiz mimicheskikh i vegetativnykh komponentov emotsional'nogo sostoyaniya cheloveka* [The comparative analysis of facial and autonomic components of emotional state]. *Zhurnal vysshej nervnoi deyatel'nosti* [Journal of Higher Nervous Activity], vol. 26, iss. 3, 1976, pp. 643–646. (In Russ.).
23. Sineokova T.N. *Paradigmatika emotsional'nogo sintaksisa (na materiale angliiskogo yazyka)* [Paradigmatics of emotional syntax (on the material of the English language)]. Moscow, 2004. (In Russ.).
24. Spivak D.L. *Lingvistika izmenennykh sostoyanii soznaniya* [Linguistics altered states of consciousness]. Saint Petersburg, 1998. (In Russ.).
25. Suslova M.M. *Sintaksicheskie konstruksii affekta v sovremennom angliiskom yazyke* [The syntactic structure of affect in modern English]. Moscow, 1997. (In Russ.).
26. Sukharebskii L.M. *Klinika mimicheskikh rasstrojstv* [The clinic of facial disorders]. Moscow, 1966. 396 p. (In Russ.).
27. Trusov V.P. *Vyrazhenie emotsii na litse (po materialam rabot P. Ekmana)* [The expression of emotion on the face (based on the works of P. Ekman)]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 1982, no 5, pp. 144–147. (In Russ.).
28. Fress P. *Emotsii* [Emotions]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], iss. 5. Moscow, 1975. Pp. 112–195. (In Russ.).
29. Shakhovskii V.I. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [The Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Voronezh, 1987. 190 p. (In Russ.).
30. Birdwhistell R.L. *Kinesics and context: Essays on Body-motion Communication*. Harmondsworth, 1973. 338 p.
31. Leonhard K. *Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonik*. Leipzig, 1976. 310 s. (In German).

УДК 81'373.217(23)
ББК 81.003

Г. И. Берестнев, И. Б. Васильева

ЭМОТИВНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ОТ ТИПОЛОГИИ НОМИНАЦИЙ К КОГНИТИВНЫМ УСТАНОВКАМ

Предложена типологическая матрица эмотивных интенсификаторов английского и русского языков с когнитивных позиций. Оба языка проявили значительное сходство мотивирующей семантики интенсификаторов. Это позволяет утверждать, что эмотивные интенсификаторы имеют единые когнитивные основания. Установлено, что по мотивирующему основанию интенсификаторы в обоих языках восходят к представлению о «силе», по-разному проявляющей себя на поверхностно-концептуальном уровне языка.

Ключевые слова: грамматика, наречия, семантика, когнитивная лингвистика, функционально-семантическая типология, эмотивность, интенсификаторы, русский язык, английский язык, корпус.

Одну из важнейших задач, стоящих перед современной когнитивной лингвистикой, составляет поиск новых объектов, показывающих когнитивные стратегии и тактики, к которым носитель языка обращается в различных коммуникативных условиях. К числу таковых, несомненно, относятся интенсификаторы и собственно когнитивные механизмы выделения семантики тех или иных слов в языке. Частный аспект данной проблемы – когнитивные механизмы выражения аффективных состояний говорящего в его вербальном поведении. Когнитивно-языковая проблематика в этом случае выходит в область языковой коммуникации и показывает особую теоретическую глубину.

Одним из первых лингвистов, обратившихся к изучению явления усиления семантики и способов ее реализации в языке, был В. Лабов [11]. Для обозначения данного явления им был использован термин *интенсивность* (*intensity*), который определяется как «эмоциональное выражение социальной ориентации [говорящего. – И. В.] к пропозиции, выраженной средствами языка» [11. С. 43–44] [здесь и далее перевод Васильевой. – И. В.]. Иными словами, интенсификация семантики связана с выражением различных характеристик эмоционального спектра, проявление которых говорящий считает важным для своего сообщения и поэтому стремится донести до собеседника. Именно поэтому средства языковой интенсификации, по мнению автора, «лежат в основе социального и эмоционального выражения» [11. С. 43] говорящего.

При этом В. Лабов определял интенсификацию как скалярную характеристику, величины которой располагаются на шкале градаций между двумя полюсами – положительным [+ интенсивность; увеличение интенсивности] и отрицательным [– интенсивность; снижение интенсивности]. Между этими полюсами находится исходная «нулевая величина», то есть немаркированный языковой элемент, семантика которого нейтральна и не была усилена или ослаблена [11]. Следует особо отметить, что интенсивность семантики у В. Лабова ассоциируется с положительными значениями на данной шкале, в то время как отрицательные значения связаны со снижением интенсивности семантики или *деинтенсификацией*. Он подчеркивал также, что для интенсификации семантики чаще всего используются *периферийные* системы языка различного уровня, обладающие способностью к вариативности, и поэтому средства реализации интенсификации в языке довольно разнообразны. К ним, помимо интонационно-просодических компонентов высказывания, можно отнести морфологические и лексические языковые средства.

В языках существует особый класс наречий, функция которых состоит именно в усилении интенсивности семантики единиц языка, с которыми они синтаксически связаны. Такие наречия, вслед за В. Лабовым, принято называть *интенсификаторами*. При этом в концепции, разработанной В. Лабовым, в качестве средств интенсификации выступали различные языковые средства, способные усиливать семанти-

ку слова или всего высказывания. Вследствие этого термин *интенсификатор* (*intensifier*) может выражать родовое понятие, которое обозначает языковые единицы разного грамматического уровня (например, совершенный вид глагола, превосходная степень сравнения прилагательного, слова-кванторы и так далее) но объединенные присущей им функцией усиления семантики высказывания в целом или его отдельного элемента.

Иногда же в грамматике английского языка встречается и противоположная точка зрения, согласно которой под *интенсификаторами* понимается узко ограниченный класс слов, формально тождественный наречиям, но выделенный, наряду с предлогами, артиклями, местоимениями и вспомогательными глаголами, в группу служебных частей речи [6]. Основанием для отнесения подобных «псевдонаречий» (*very, so, more, most, etc.*) к классу служебных слов служат два критерия: функциональный и морфо-синтаксический. На основании первого критерия подобные слова объединены в единую группу по своей служебной функции усиления семантики синтаксически связанных с ними лексических единиц. На основании второго они разделяют общие формальные морфо-синтаксические свойства: в отличие от обычных наречий, они не образуют степеней сравнения, не определяются другими наречиями и не обладают синтаксической гибкостью (при изменении порядка слов). Именно такая закрытая группа «псевдонаречий» определяется как *интенсификаторы* в отличие от подлинных наречий, составляющих класс знаменательных частей речи.

Исходя из этого, в последние десятилетия в справочных грамматиках английского языка закрепился термин *интенсификатор*. Он приобрел более специализированное значение и стал применяться для обозначения отдельной семантической группы наречий [4; 12].

Важно определиться с содержанием понятия интенсификации. В грамматике Р. Кверка и др. под интенсификацией понимается как усиление, так и ослабление семантики прилагательного, охватывающее весь диапазон возможных градаций от минимальной до максимальной степени определяемой характеристики [12]. В соответствии с этим под *интенсификаторами* понимается группа наречий, показывающих, что признак или качество, выраженные прилагательным или адъективированным причастием, имеет большую или меньшую степень проявленности относительно

предполагаемого или ожидаемого стандарта [12]. Иными словами, понятие «интенсификация» этими авторами определяется как родовое по отношению к характеристикам усиления или ослабления семантики слов.

Д. Байбер и др. занимают несколько иные позиции во взглядах на данное явление. В своей семантической классификации наречий, они выделяют группу *наречий степени*, которая включает в себя две подгруппы: с одной стороны, наречия смягчающие, а с другой – усиливающие [4]. Таким образом, эти авторы определяют понятие «интенсификация», вслед за Лабовым, как видовое, связанное лишь с усилением семантики.

Следуя далее своей терминологической логике, для обозначения наречий, усиливающих семантику прилагательного или причастия, Байбер и др. используют термин *интенсификатор* [4], в то время как Кверк и др. используют для обозначения той же группы наречий термин *амплификатор*, чтобы избежать терминологического дублирования [12]. Как представляется, более корректной является все же терминология, принятая Д. Байбером и др., – она не только находится в соответствии с трактовкой Лабова, но и получила широкое распространение в современной научной литературе. Благодаря ей категориально определяется собственно усиление семантики прилагательных и причастий и вне рассмотрения остаются случаи ее смягчения.

Подобно грамматикам английского языка, грамматика русского языка также выделяет в отдельную семантическую группу *наречия степени*, которые используются «для обозначения степени проявления признака» [3. С. 704]. При этом в грамматике не предлагаются дополнительные термины для разграничения усиливающих наречий (*очень, крайне, чересчур* и др.) и наречий, снижающих степень присутствия признака (*немного, несколько*). В грамматиках же английского языка такие термины предлагаются. Так, например, для усиливающих наречий степени используется термин *интенсификатор* (*intensifier*) или *амплификатор* (*amplifier*), а для смягчающих наречий степени – *даунтонер* (*downtoner*) или *диминишер* (*diminisher*) [4; 12].

Исходя из этого, *интенсификаторами* в самом общем плане следует считать наречия степени, синтаксически связанные с градуальными прилагательными или адъективированными причастиями и усиливающие степень выраженного ими признака или качества. Также представляется оправданным не выделять интенсифи-

фикаторы в отдельный класс служебных слов, а их функция усиления семантики и синтаксические свойства считать достаточным основанием для помещения этих наречий в класс усиливающих наречий, не выводя их за рамки знаменательных частей речи. Именно эта позиция позволяет избежать как излишнего усложнения системы грамматических классов в языке, так и возникающих в этом плане противоречий.

Важно отметить далее, что в грамматическом плане как в русском, так и в английском языках интенсификаторы образуют два класса: 1) закрытый класс, включающий в себя конвенциональные лексические единицы, функционирующие исключительно как служебные слова (англ. *very, too, so*; рус. *очень, так*); 2) открытый класс формально более разнообразных слов, постоянно пополняемый новыми лексическими единицами. Они составляют результат живых словообразовательных процессов и поэтому более отчетливо показывают свою концептуальную специфику и мотивацию (рус. *ужасно, изумительно, беспредельно*; англ. *terribly, awesomely, dreadfully*). По своей словообразовательной структуре первый класс наречий принято называть немотивированными, в то время как второй класс – мотивированными [3].

Выявление когнитивных оснований наречий подобного рода предполагает обращение, прежде всего, к *мотивированным* интенсификаторам открытого класса, также называемым *эмотивными интенсификаторами* [9]. Основание для этого составляет тот факт, что они обычно образуются суффиксальным способом от эмотивного прилагательного или адъективированного причастия. Четко просматривающаяся при этом словообразовательная логика, демонстрирующая их мотивацию, а также ориентированность на эмоциональную сферу человека, позволяют наиболее точно и оперативно проследить лежащие в их основе когнитивные тактики и механизмы.

Ниже приводятся некоторые примеры подобных эмотивных интенсификаторов в русском и английском языках.

Английский язык	Русский язык
<i>stunningly</i> beautiful valleys	явно фантастические идеи
an <i>extraordinarily</i> high risk	ангельски чистая душа
<i>ludicrously</i> banal opening phrase	блестяще одаренный мальчик
<i>hideously</i> expensive restaurants	умопомрачительно красивая актриса

Эти и подобные им примеры показывают, что функция эмотивных интенсификаторов в дискурсе достаточно сложна и состоит не просто в указании на высокую степень признака или качества соответствующего прилагательного. Интенсификаторы выполняют также прагматическую аффективную функцию – позволяют говорящему адекватно выразить, с одной стороны, мысль о своем эмоциональном состоянии, а с другой – продемонстрировать эмоциональное отношение к сообщению. Наконец, интенсификаторы такого рода составляют особое средство выражения стилевой эмфазы, которая задается их новизной, оригинальностью мотивировки и связью с прагматическими установками говорящего [10]. Таким образом, связь *интенсификации* в языке с *оценочностью* и *прагматическими моментами* обусловлена множеством факторов, имеет многоаспектный и многоплановый характер.

Обращаясь к рассмотрению интенсификаторов, важно иметь в виду еще одно обстоятельство. Эмотивные интенсификаторы как таковые занимают двойственное положение в системе языка. С одной стороны, все они представляют собой грамматически устоявшиеся единицы, синтаксически связанные с прилагательными или причастиями и выполняющие по отношению к ним служебную функцию. С другой стороны, они близки знаменательным словам, поскольку процесс их делексистализации еще не полностью завершился, их собственная лексическая семантика полностью не «выветрилась». Оба эти момента, собственно, и обеспечивают относительно свободный доступ в их глубинную функциональную природу.

Эмотивные интенсификаторы обнаруживают две важные характеристики. Первая касается общего лексического разнообразия и способа пополнения их группы, вторая – функционального потенциала единиц такого рода. Лексическое разнообразие эмотивных интенсификаторов весьма заметно и объясняется тем, что они достаточно легко образуются в результате распространенных словообразовательных процессов. Примеры такого рода, образованные от эмоционально-окрашенных прилагательных с помощью добавления соответствующих наречных суффиксов в русском и английском языках, приведены ниже:

Английский язык	Русский язык
awful + ly → awfully	фантастическ(ий)+ и → фантастически
dreadful + ly → dreadfully	колоссальн(ый) + о → колоссально
fabulous + ly → fabulously	ужасающ(ий) + е → ужасающе

Важно отметить, однако, что в группу интенсификаторов могут переходить и наречия, имеющие иную, не собственно «эмотивную» семантику. В случаях такого рода исходные наречия переосмысляются метафорически. При этом сохраняет свою актуальность общий принцип семантических преобразований в когнитивной метафоре: область-источник имеет более конкретную семантику по сравнению с областью-целью. В данном случае конкретность состоит в тесной связи этих слов с действительностью, а абстрактность – как утрата этой связи и сохранение ими лишь функционально-грамматических свойств. Так, английское наречие образа действия *perfectly* может функционировать как интенсификатор:

perfectly

<i>Наречие образа действия</i>	And Melissa understands this and realizes that this perfectly illustrates that little kids should not be out walking alone. (COCA, Spoken)
<i>Интенсификатор</i>	But I'm perfectly glad to look at the clients that I worked with when I was there. (COCA, Spoken)

Примером подобного функционального преобразования исходного слова в русском языке может служить слово *действительно* с эпистемической семантикой. В одних синтаксических условиях оно ориентируется на область внеязыковой действительности, выражает соответствующую лексическую семантику и является вводным словом, а в других – утрачивает эту лексическую семантику, функционально преобразуется и осуществляет лишь грамматическое усиление семантики прилагательного:

действительно

<i>Эпистемическое вводное слово</i>	Действительно , / в тех документах, / которые поступят экспертам, / будут указаны все контактные лица / (НКРЯ, Устный)
<i>Интенсификатор</i>	Это просто за счет действительно большой концентрации энергии в малом объеме начинают уже проявляться статистические закономерности / (НКРЯ, Устный)

Что же касается функционального потенциала интенсификаторов, то в этом плане английский и русский языки обнаруживают в целом значительную близость. Как правило, их эквиваленты в аспекте мотивирующей семантики определяются регулярно – ср.: англ. *horribly* – рус. *ужасно*, англ. *insanely* – рус. *безумно*, англ. *devilishly* – рус. *дьявольски*, англ. *stunningly* – рус. *ошеломительно* и так далее. Вместе с тем иногда в подобных условиях наблюдаются функциональные лакуны. Например, семантическими эквивалентами английских наречий *perfectly*, *severely* и *badly* в русском языке являются наречия *совершенно*, *сурово* и *плохо*. Однако наречие *perfectly* может функционировать и как обстоятельство образа действия, если синтаксически соотносится с глаголом, и как интенсификатор, если синтаксически зависит от прилагательного (таблица 1). Семантически эквивалентное ему русское наречие *совершенно* функционирует в качестве оператора коррекции семантики прилагательного и не используется в качестве обстоятельства образа действия.

Таблица 1

Синтаксические функции наречий *perfectly* и *совершенно*

perfectly	совершенно
<i>Наречие образа действия в функции обстоятельства образа действия</i>	
[...] we know, for example, that our democratic system doesn't always operate perfectly , even though I think all Americans basically support it. (COCA, Spoken)	–
<i>Интенсификатор в функции определения существительного</i>	
Government tests show, the seafood is perfectly safe to eat. (COCA, Spoken)	Это совершенно нормальный процесс, / он для нас характерен, / и ничего удивительного здесь я не вижу. (НКРЯ, Устный)

Английские наречия *severely* и *badly* функционируют аналогично наречию *perfectly*. Русские эквиваленты этих наречий – *сурово* и *плохо* – не функционируют в качестве интенсификатора семантики прилагательного (таблица 2 и 3). В связи с этим при переводе на русский язык английских интенсификаторов *perfectly*, *severely* и *badly* зачастую приходится подби-

рать синонимичные единицы, обеспечивающие их функциональное тождество.

Таблица 2
Синтаксические функции наречий *severely*
и *сурово*

severely	сурово
<i>Наречие образа действия в функции обстоятельства образа действия</i>	
They were reduced in rank and they were severely punished for their behavior. (COCA, Spoken)	Надеюсь, / к вашей жене вы относились не столь сурово . (НКРЯ, устный)
<i>Интенсификатор в функции определения существительного</i>	
The U. N. says almost a third of Nigerian young children are moderately to severely underweight. (COCA, Spoken)	—

Таблица 3
Синтаксические функции наречий *badly*
и *плохо*

badly	плохо
<i>Наречие образа действия в функции обстоятельства образа действия</i>	
And so he decided it was gonna end badly so he tried to remove himself from the situation. (COCA, Spoken)	Не одни мы считаем, / что правительство плохо работает – / на “троечку” или кто на сколько. (НКРЯ, устный)
<i>Интенсификатор в функции определения существительного</i>	
But it turned out, much of the evidence was badly contaminated by the only witness to the crime: Jennifer’s cat. (COCA, Spoken)	—

Для типологизации подобных наречий, имеющих разную семантическую мотивацию, важно иметь надежную объектную базу. В данном случае источники для выделения интенсификаторов составили электронные корпуса: Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Corpus of Contemporary American English (COCA). На основе метода сплошной выборки было выявлено в целом 129 эмотив-

ных интенсификаторов: 65 примеров в английском языке и 64 – в русском. Это количество, безусловно, не является исчерпывающим, учитывая открытость группы эмотивных интенсификаторов. Однако, как представляется, оно является достаточным для предварительных типологических обобщений в данной области, а полученная матрица типологических классов может быть использована как основа при аналогичном рассмотрении интенсификаторов в других языках.

Конкретно выборка интенсификаторов осуществлялась следующим образом. Сначала была выделена группа слов на основе сравнительно небольшого специализированного корпуса текстов полуформального коммуникативного регистра на английском языке, которая затем была подтверждена и дополнена в результате поиска в двух «он-лайн» корпусах: русского и английского (в американском варианте). Чтобы оставаться в рамках исходно принятого стилевого регистра, поиск интенсификаторов осуществлялся преимущественно в устных подразделах обоих корпусов. Если устный корпус не выявлял случаев употребления исследуемых интенсификаторов, то проводился дополнительный поиск в газетном и журнальном подразделах, поскольку в них включены тексты полуформального регистра.

Примеры, полученные в результате поиска в двух указанных корпусах, позволили осуществить их систематизацию с точки зрения мотивирующих оснований и на этой основе выявить когнитивные опоры и операции, которые языковой субъект осуществляет при усилении признаковой семантики слов в условиях дискурса.

В матрице интенсификаторов, разработанной с точки зрения их мотивирующей семантики определились 10 классов (таблица 4). В основу этой матрицы была положена классификация интенсификаторов английского языка, представленная ранее в работе [2].

Представленной картине может быть дана многоаспектная интерпретация. Прежде всего – с точки зрения общих идейных оснований выделенных типов. В этом плане обнаружилось, что одни мотивирующие признаки интенсификаторов достаточно явно восходят к семантическому прототипу «сила», у других связь с этим прототипом как будто бы не прослеживается. Так, эмотивные интенсификаторы 1, 2 и 3 типов связаны с идеей психологического, физиологического и физического воздействия. Интенсификаторы 4 и 5 типов

Таблица 4

Семантические типы эмотивных интенсификаторов русского и английского языка

Английский язык	Русский язык
1. Психологическое воздействие (аффект)	
<i>1.1. Страх, ужас</i>	
hideously, horribly, terrifyingly, terribly, dreadfully, awfully, awesomely, eerily, uncannily, tremendously	кошмарно, ужасающе, страшно, жутко, ужасно
<i>1.2. Сильное удивление, глубокое впечатление</i>	
amazingly, stunningly, incredibly, surprisingly, stupendously, dramatically, monstrously	удивительно, поразительно, изумительно, замечательно, ошеломительно, потрясающе, умопомрачительно, чудовищно, необыкновенно, невероятно, необычайно, невыразимо, несказанно, неслыханно
<i>1.3. Чувство жалости</i>	
pathetically	—
<i>1.4. Чувство стыда</i>	
shamefully, shamelessly	бесстыдно
<i>1.5. Смех</i>	
ridiculously, ludicrously	смехотворно
2. Физиологическое воздействие	
refreshingly, brilliantly, nauseously, nauseatingly	блестяще, больно, мучительно, тошнотворно, ослепительно
3. Воздействие физической силы	
intensely	сильно
4. Большой размер, большое пространство	
vastly, plain, massively, gigantically	колоссально
5. Большое количество	
doubly, lavishly, totally, astronomically, cosmically	астрономически, вдвойне, втройне
6. Предел	
dead, downright, absolutely, perfectly, murderously, unbearably, intolerably	предельно, максимально, крайне, абсолютно, совершенно, смертельно, весьма, невыносимо, нестерпимо
7. Нарушение физических границ и границ реальности	
overly, extra, extraordinarily, increasingly, fantastically, fabulously, unbelievably	беспредельно, фантастически, нереально, сказочно, парадоксально, невероятно, бесконечно, безмерно, сверхъестественно
8. Стихийная сила	
<i>8.1. Неконтролируемая сила</i>	
insanely, insatiably, wildly, crazily	безумно, бешено, дико, нечеловечески, зверски
<i>8.2. Метафизическая сила («нечистая»)</i>	
fiendishly, devilishly, hellishly, sinfully	чертовски, дьявольски, сатанински, адски
<i>8.3. Метафизическая сила («Божественная»)</i>	
divinely	божественно, ангельски
<i>8.4. Реальность, как сила воздействия на человека</i>	
really, truly	действительно, поистине
9. Явность, очевидность, заметность	
blatantly, notoriously	явно, очевидно
10. Отрицательные последствия (результат) воздействия	
badly, severely	—

связаны с представлением о чем-то большом – в концептуальном плане это большое количество, большие размеры или большое пространство, причем сама идея больших размеров восходит к представлению о силе [1]. Классы 6 и 7 связаны с мыслью о достижении некоего предела и вместе с тем о выходе за границы реальности или физического мира. Интенсификаторы 8 класса соотнесены с воздействием неподконтрольной человеку стихийной силы, которая может иметь психофизиологическую, «сверхъестественную» или просто не контролируемую человеком природу. Классы 9 и 10 связаны с идеями очевидности и абстрактных негативных последствий соответственно.

Разработанные таким путем положения перекликаются с мнением, высказанным ранее исследователями, изучавшими отдельные аспекты данного вопроса. Прежде всего, это касается интенсификаторов, семантической мотивацией которых послужили различные аффективные состояния человека: страх, удивление, стыд и так далее [9]. На основании анализа аффективно мотивированных интенсификаторов Ж. Джинг-Шмидт полагает, что в основе их возникновения лежит взаимодействие двух когнитивных процессов: метонимии и метафоры. Что касается метафоры, то подобный механизм образования интенсификаторов реализуется путем переноса содержания из сферы *эмоций* в сферу языковой *семантики*, причем во всех случаях этот перенос затрагивает не все понятие («страх», «испуг» и так далее), а его отдельный признак «интенсивность/сила», который отчетливо представлен в содержательной структуре эмоционального состояния, но который проявляет себя и в функциональном плане – в усилении семантики языкового элемента. Таким образом, заключает автор, когнитивные механизмы формирования эмотивных интенсификаторов сводятся к сложному взаимодействию метафорических и метонимических преобразований смыслов, которое лежит в основе «переноса из сферы эмоциональной интенсивности в сферу семантической интенсивности» [9. С. 433].

Сформулированный Ж. Джинг-Шмидт тезис справедлив для интенсификаторов, в которых очевидно прослеживается связь с соответствующими эмоциональными переживаниями (страх, удивление и так далее). Однако представленная выше типологическая матрица обнаруживает и иные мотивирующие основания для образования эмотивных интенсифи-

каторов – к ним относятся «большой размер» или «большое пространство», «большое количество», «достижение предела» или «выход за пределы границ», «явность» или «очевидность», а также «отрицательные последствия некоторых событий». Общая связь усиливающей функции таких интенсификаторов с их семантикой прослеживается уже на поверхностном уровне словообразовательных связей, но выявление глубинных механизмов формирования этой функции требует более глубокого анализа.

Эта ситуация ставит перед исследователями ряд вопросов, касающихся происхождения категорий в человеческой ментальности и их функционирования. Прежде всего, действительно ли мысли о пределе, внешней очевидности, негативных последствиях и др. восходят к содержательному прототипу «силы»? И если в качестве способа осуществления этой связи выступает метафора, то каковы условия соответствующих метафорических преобразований?

Представленная матрица позволяет увидеть, что для ряда позиций в английском и русском языках отсутствуют прямые соответствия. Имеющиеся лакуны могут быть истолкованы двояким образом. С одной стороны, в них можно увидеть проявление разных возможностей языка в дополнительном усилении семантики признаков слов. Английский язык в этом плане показывает себя как несколько более гибкий по сравнению с русским языком. С другой стороны, и сами подобные несоответствия, и их количественные показатели могут отражать специфику лингвокультурных представлений, закрепившихся в языке. Так, в русском лингвокультурном сознании несколько более активным по сравнению с английским является обращение к идеям удивления, предела, нечистой силы для усиления признаковой семантики слов.

Обращают на себя внимание и две другие особенности интенсификаторов в английском и в русском языках. Первая – относительная многочисленность и прозрачность примеров в первой группе, связанной с идеей психологического воздействия. При этом в этой группе отчетливо выделяются две подгруппы, которые семантически основываются на сильных переживаниях страха и удивления. Вторая особенность – отчетливая отрицательная оценочность эмотивных интенсификаторов, выраженная либо непосредственно на уровне лексиче-

ской семантики (рус. *кошмарно, ужасно*, англ. *terribly, hideously*), либо на морфологическом уровне путем отрицания нейтрального или положительного качества (рус. *безумно, нереально, невыносимо*, англ. *insanely, unbelievably, unbearably*). Стоит отметить при этом, что, несмотря на отрицательную оценку исходного слова, семантика эмотивного интенсификатора может приобрести положительную оценочную окраску – особенно если интенсификатор определяет прилагательное, также несущее положительную оценку. Примерами интенсификаторов с «обратной» оценочностью могут служить англ. *awesomely* и рус. *умопомрачительно*.

awesomely

From our safe perch up with the eagles, the water appears *awesomely* beautiful, a great sapphire sea-river in an almighty hurry. (COCA, Magazine).

умопомрачительно

Сцена с уже играющими музыкантами уже спустилась из-под потолка, а сам Робби возник из небольшой клетки: в *умопомрачительно* элегантном черном костюме и черной же рубашке, с сигарой в зубах. (НКРЯ, Газетный).

Важно отметить, что указанная тенденция к преобладанию отрицательной оценки в семантической структуре интенсификаторов уже привлекала внимание исследователей. Признавая конкретный факт относительно того, что «обработка аффективной информации неизбежно должна отражаться в языке» [9. С. 417], исследователи приходят к более общему положению, согласно которому языковая деятельность человека неразрывно связана, с одной стороны, с его когнитивной деятельностью, а с другой – с протекающими в его психике аффективными процессами.

В этом плане показательны и междисциплинарные данные, проясняющие некоторые механизмы интенсификации. Работающие в сфере когнитивной проблематики психологи установили, что негативное внешнее воздействие или негативные объекты оказывают на человека более глубокое, разнообразное и продолжительное психологическое воздействие по сравнению с положительными стимулами. Переживание страха или испуга не ограничивается просто эмоциональным состоянием, а неразрывно связано со специфическими физиологическими реакциями организма как у животных, так и у человека: мышечным напряжением, повышением температуры, учащением сердцебиения и дыхания, холодным потом

и так далее. Кроме того, психологи считают чувство страха одной из базовых эмоциональных реакций, которая с эволюционной точки зрения видится как адаптивное поведение, обеспечивающее выживание биологического вида и его отдельных представителей [9]. Подчеркивая значимость чувства страха как защитной системы любого живого организма, ЛеДу отметил: «Что касается распознавания и ответной реакции на опасность, то мозг не сильно изменился. В некотором смысле, мы – эмоциональные ящеры» [9. С. 421].

Это обстоятельство предопределяет существование так называемой тенденции *преобладания отрицательных значений в языке (negativity bias)* и, скорее всего, объясняет тот факт, что именно отрицательная оценочность эмотивных интенсификаторов столь заметна исследователям уже при первом приближении. Анализ распространенных эмотивных интенсификаторов английского, немецкого и китайского языков в сопоставительном аспекте позволил Ж. Джинг-Шмидт установить, что когнитивные процессы и механизмы, ведущие к возникновению исследуемых интенсификаторов в указанных языках, ассоциируются с первичными отрицательными эмоциями – *страхом, злостью и отвращением* [9].

Представляется, однако, что в этом смысле картина намного сложнее. Нет сомнений в том, что лексические единицы, называющие негативные эмоции, являются «первыми кандидатами» на роль языковых элементов, которые служат материалом для образования языковых средств, усиливающих семантику других слов. Но все же едва ли можно безоговорочно согласиться с положением о том, что «обусловленные угрозой негативные эмоции более, чем какие-либо другие эмоции, преобладают в процессе интенсификации» [9. С. 426]. Напротив, представленные в широких системных связях интенсификаторы не ограничены лишь страхом или другими негативными эмоциями. Они могут быть связаны и с эмоциями иного плана, например, удивлением, нелепостью и смехом. Это обстоятельство вновь показывает, что для интенсификации важна не столько негативная оценка чего-либо как таковая, сколько именно имплицитная семантика «силы», выражающаяся, с одной стороны, в значительности воздействия на физическую или интеллектуальную сферы языкового субъекта, а с другой – в интенсивности его эмоционального переживания по поводу такого воздействия. Связанные

с такими воздействиями события не просто воспринимаются органами чувств человека (*brilliantly, intensely, блестяще, сильно*), но и психологически оцениваются в его воображении с точки зрения отношения к действительности (*fantastically, fabulously, unbelievably, фантастически, невероятно*) или в сфере нуминозных представлений (*fiendishly, divinely, дьявольски, божественно*). Это наблюдение может служить еще одним подтверждением той важной роли, которую выполняет семантический прототип «силы» в образовании эмотивных интенсификаторов.

Что касается положения о том, что чувство страха составляет стимул для преимущественно отрицательных эмоций, которые, в свою очередь, обусловили преобладание отрицательных оценочных значений в языке, то оно легко поддается критике. С эволюционной точки зрения страх не может считаться единственным решающим фактором и поэтому не может играть определяющую роль в формировании тактики усиления в языке. Не менее важной эволюционной стратегией выживания *Homo Sapiens Sapiens* стало выживание в группах, что составляет вообще довольно распространенную стратегию в природе [7]. Существует ряд гипотез, которые связывают возникновение языка у людей с социальными факторами, к числу которых относится необходимость поддержания порядка и единства в группе [8]. В свою очередь, объединение социальной группы невозможно без установления дружеских, доверительных отношений внутри нее, и это не могло не найти своего отражения в функциях языка и собственно в его лексике и грамматике. Поэтому выражение позитивных значений в языке представляется столь же важным. Так, теория вежливости в прагматике подчеркивает роль интенсификаторов как единиц языка, сигнализирующих об установлении дружеских отношений между коммуникантами и способствующих реализации стратегий положительной вежливости [5].

Сама Ж. Джинг-Шмидт отмечает, что принцип негативности (*negativity bias*) в языке уравновешивается действием принципа Поллианны, который обуславливает тенденцию к более частому употреблению слов с положительной оценкой, отражая оптимистический взгляд на мир [9]. Эти два принципа видятся автором как явления двух различных уровней: использование слов с отрицательной оценкой представляется как явление, глубоко укорененное в нас на

нейрологическом уровне, в то время как более частое употребление слов с положительной оценкой обусловлено использованием языка как особой символической системы в социуме и представляется способом создания реальности, более комфортной в социальном отношении [9]. Она подчеркивает, что принцип Поллианны является комплементарным по отношению к принципу негативности и «должен рассматриваться как производный принцип, который невозможно объяснить без принципа негативности» [9. С. 424–425], но не продолжает эту линию рассуждения. Здесь возникает возможность противопоставления биологических и социальных факторов (*nature vs. nurture*) при решении проблемы соотношения положительных и отрицательных смыслов в языке.

Выявленный Ж. Джинг-Шмидт механизм возникновения усиливающей функции некоторых эмотивных интенсификаторов, несомненно, действует в языковом сознании носителей языка и складывающаяся в этом случае когнитивная модель представляется вполне обоснованной. Эта модель доказывает, что процесс возникновения эмотивных интенсификаторов в различных языках действительно имеет единые когнитивные основания и связан с переживаемыми человеком «первичными» эмоциями.

Очевидно, однако, что данная модель имеет ограниченный характер и «работает» лишь в отношении некоторых (хоть и весьма распространенных) интенсификаторов. На самом деле она представляет собой лишь «отправной пункт» для более масштабных исследований в данной сфере. И главный их вектор задается вопросами: какие глубинные познавательные условия определяют, с одной стороны, лексическую «открытость» группы эмотивных интенсификаторов, а с другой – взаимное соответствие их в разных языках и нарушение таких соответствий.

Приведенная выше матрица и показывает со всей очевидностью, что далеко не все интенсификаторы образуются в связи с аффективными состояниями языкового субъекта. Более того, разнообразие переживаемых человеком эмоций не может быть сведено к примитивным негативным автоматическим нейрологическим реакциям. Наконец, отнюдь не все из первичных эмоций в ряду «страх, злость, отвращение» составили основу для интенсификации признаковой семантики в языке, и вместе с тем иные эмоции – такие как удивление или нарушение границ – такую основу, наоборот, составили. В

роли подобной основы выступили и иные концептуальные образования.

В настоящей работе предложена иная концепция когнитивных оснований интенсификации содержаний в языке (по сути, она не противоречит концепции, выдвинутой Ж. Джинг-Шмидт). В основе каждого из выдвинутых семантических типов интенсификаторов предлагается видеть глубинный познавательный прототип «сила», по-разному проявляющий себя на поверхностно-концептуальном уровне языка. В одних случаях (таких как аффект, воздействие физической силы, стихийная сила)

он просматривается достаточно отчетливо в семантических структурах соответствующих концептов. В других случаях (предел, нарушение границ, очевидность и др.) имеет потенциальный характер, оценивается интуитивно и требует дополнительных усилий для их актуализации, выведения на уровень аргументированного осознания. Работы, направленные на анализ этих процессов, будут весьма ценны для когнитивной науки, поскольку позволят внести дополнительную ясность в понимание семантической архитектуры человеческой психики.

Список литературы

1. Берестнев, Г. И. В поисках семантических универсалий / Г. И. Берестнев. – Калининград, 2010. – 256 с.
2. Васильева, И. Б. Pathetically easy или downright difficult: аспекты проблемы наречий интенсификаторов в английском языке / И. Б. Васильева // Когнітологія в системі гуманітарних наук : зб. наук. праць. – Полтава, 2013. – С. 5–13.
3. Плотникова, В. А. Наречие / В. А. Плотникова // Русская грамматика. – М., 2005. – Т. 1. – С. 703–705.
4. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – Pearson Education Limited, 1999. – 1204 p.
5. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
6. Delahanty, G. P. The English language: from sound to sense / G. P. Delahunty, J. J. Garvey. – The WAC Clearinghouse and Parlor Press, 2010. – 467 p.
7. Dunbar, R. I. M. Grooming, gossip and the evolution of language / R. I. M. Dunbar. – Cambridge, Massachusetts, 1996. – 230 p.
8. Dunbar, R. I. M. The origin and subsequent evolution of language / R. I. M. Dunbar // Language evolution. – Oxford University Press, 2003. – P. 219–234.
9. Jing-Schmidt, Zh. Negativity bias in language: a cognitive affective model of emotive intensifiers / Zh. Jing-Schmidt // Cognitive linguistics. – 2007. – Vol. 18, no. 3. – P. 417–443.
10. Ito, R. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: layering and recycling in English intensifiers / R. Ito, S. Tagliamonte // Language in society. – 2003. – Vol. 32, no. 2. – P. 257–279.
11. Labov, W. Intensity / W. Labov // D. Schiffirin (ed.). Meaning, form and use in context: linguistic applications. – Washington D.C., 1984. – P. 43–70.
12. Quirk, R. A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London, 1995. – 1779 p.

Источники

13. Национальный Корпус Русского Языка (НКРЯ). – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
14. Corpus of Contemporary American English (COCA). – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.

Сведения об авторах

Берестнев Геннадий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русской филологии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград.

berest-gen@mail.ru

Васильева Инга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института социально-гуманитарных технологий и коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград.

inga_vassilieva@hotmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).

Philology Sciences. Issue 99. Pp. 21–32.

ENGLISH AND RUSSIAN EMOTIVE INTENSIFIERS: FROM TYPOLOGY OF NAMING TO COGNITIVE PATTERNS

G. I. Berestnev

I. Kant Baltic Federal University. berest-gen@mail.ru

I. B. Vasilieva

I. Kant Baltic Federal University. inga_vassilieva@hotmail.com

The article explores the issue of intensification using data from English and Russian corpora. More specifically, it addresses the problems of the theoretical interpretation of the phenomenon in question as well as the grammatical status of adverbs referred to as intensifiers whose function is to reinforce the meaning of related adjectives. It examines the correlation between intensity and emotivity and suggests a classification of English and Russian emotive intensifiers.

Special focus is placed on similarities and differences between English and Russian intensifying adverbs in terms of their ability to function as intensifiers and on searching for common bases for coining semantically motivated intensifiers in both languages. In this respect, 10 types of intensifiers related to the following conceptual frameworks have been identified: 1) psychological impact (affect) including conceptual subtypes of fear/horror, strong surprise or deep impression, sense of pity, shame or laughter; 2) physiological impact; 3) impact of a physical force; 4) large space and size; 5) large amount; 6) borders, limits; 7) transcendence of physical borders or borders of reality; 8) spontaneous force including unmanageable force, metaphysical force (demonic/Divine power) as well as reality as a force impacting humans; 9) patency, obviousness; 10) negative consequences of impacting force.

The picture that emerges complements and elaborates on the premises proposed by Jing-Schmidt (2007), who claims that the realization of intensification in language is based on metaphoric and metonymic re-analyses of such affective states as fear, anger and disgust.

The classification of English and Russian intensifiers proposed by the authors of the article enables us to infer deeper cognitive patterns for the linguistic expression of intensification of meaning. The article substantiates the idea that at the base of each identified type of intensifier is an underlying cognitive prototype of “force/power” which is actualized in a variety of ways at the surface-conceptual level of language. In some cases this prototype can be clearly visible in the semantic structure of the intensifiers (e. g. classes of affect, impact of physical force, spontaneous force), while in other cases additional analytical effort is required in order to elicit the prototype from the meaning of an intensifier and bring it to the level of reasoned awareness (e. g. classes of limits, transcendence of limits, patency). The authors conclude that work focusing on these cognitive mechanisms may prove to be valuable for cognitive science since they can shed more light on understanding the semantic architectonics of human cognition.

Keywords: *grammar, adverbs, semantics, cognitive linguistics, functional and semantic typology, emotive meaning, intensifiers, Russian, English, corpus.*

References

1. Berestnev G.I. *V poiskakh semanticheskikh universalii* [In search of semantic universals]. Kaliningrad, 2010. 256 p. (In Russ.).
2. Vasilieva I.B. ‘Pathetically easy’ ili ‘downright difficult’: aspekty problemy narechiy intensifikatorov v anglyiskom yazyke [‘Pathetically easy’ or ‘downright difficult’: aspects of intensifying adverbs

in English]. *Kognitologiya v sisteme gumanitarnykh nauk*. [Cognotology in the system of humanities]. Poltava, 2013. Pp. 5–13. (In Russ.).

3. Plotnikova V.A. Narechiye [Adverb]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar], vol. 1. Moscow, 2005. Pp. 703–705. (In Russ.).

4. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.

5. Brown P., Levinson S. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge University Press, 1987. 345 p.

6. Delahanty G.P., Garvey J.J. *The English language: from sound to sense*. The WAC Clearinghouse and Parlor Press, 2010. 467 p.

7. Dunbar R.I.M. *Grooming, gossip and the evolution of language*. Cambridge, Massachusetts, 1996. 230 p.

8. Dunbar, R.I.M. The origin and subsequent evolution of language. *Language evolution*. M.H. Christiansen, S. Kirby (eds.). Oxford University Press, 2003. Pp. 219–234.

9. Jing-Schmidt Zh. Negativity bias in language: a cognitive affective model of emotive intensifiers. *Cognitive linguistics*, 2007, vol. 18, no. 3, pp. 417–443.

10. Ito R., Tagliamonte S. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: layering and recycling in English intensifiers. *Language in society*, 2003, vol. 32, no. 2, pp. 257–279.

11. Labov W. Intensity. *Meaning, form and use in context: linguistic applications*. Washington D.C., 1984. Pp. 43–70.

12. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A comprehensive grammar of the English language*. London, 1995. 1779 p.

Sources

13. *Nacional'nyj Korpus Russkogo Jazyka (NKRJa)* [The Russian National Corpus (NKRYA)]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.).

14. Corpus of Contemporary American English (COCA). Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/>.

УДК 82:801.6; 398:801.6
ББК 80

М. А. Галиева

ПОЭМА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОПЫТКА КОМНАТЫ»: «РОД ЗАНЯТИЙ КОРИДОРНЫЙ». ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭТИКЕ

Рассматривается функционирование фольклорной традиции в поэме М. И. Цветаевой «Попытка комнаты». Фольклорная традиция выразилась латентно, метафорический строй поэмы генетически восходит к поэтике волшебной сказки. Большое внимание уделяется мотиву «киного царства». Рассмотрение данной поэмы в свете фольклорной традиции позволяет выявить онтологическую символику произведения.

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, Цветаева, поэтика, «иное царство».

Поздние поэмы М. И. Цветаевой представляются достаточно сложными, требующими имманентного восприятия. Так, интересующая нас в данной статье поэма «Попытка комнаты» входит в лирический триптих, составленный еще из двух поэм: «С моря» и «Новогоднее». По замечанию специалистов, в этих поэмах выразился весь душевный надрыв, лирическая исповедь поэта, так как 1926 г. был во многом знаменательным для Цветаевой: переписка с Б. Пастернаком и Р. Рильке [4].

В «Попытке комнаты» исследователями отмечался и мотив сна, и мотив несбывшейся встречи, и мотив творчества. Однако, как нам кажется, подобная мотивная структура перекликается с фольклорной, с поэтикой волшебной сказки, а, может быть, в данном случае и восходит к ней. Цветаева в последние годы жизни особенно дорожила двумя книгами: мифологическим немецким сборником и сказками А. Н. Афанасьева [1]. Последние оказали значительное влияние на поэзное творчество. На первый взгляд, в «Попытке комнаты» нет ничего фольклорного, поэма видится интимно-лирическим переживанием *невстречи двух*. Но примечателен сам сюжет, вернее, модель, в которую вписано это событие. Комната не достроена, четвертая стена – это коридор:

Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины

За роялем. Еще – столом
Письменным, а еще – прибором
Бритвенным (у стены – прием –
Этой – делаться коридором

В зеркале. *Перенес* – взглянул.
Пустоты переносный стул) [8. С. 114].

Коридор – куда? Прояснить вопрос помогут следующие детали. Во-первых, обращает на себя внимание переход стены в *метафизическое* – в зеркало. Зеркало в фольклоре так или иначе связано с миром умерших, с «тем светом». Через зеркало осуществляется связь с *иномиром*. «В славянских народных представлениях зеркало воспринимается прежде всего как граница между земным и потусторонним миром» [6. С. 112].

Во-вторых, комната не достроена, потому что выводит героиню из профанного, косного за *грань*, с чего собственно и начинается поэма:

Стены косности сочтены
До меня. Но – заскок? случайность? –
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь. [8. С. 114].

Стены косности – с самого начала в поэме заявлено противоборство с мешанством, с которым, заметим, борется и героиня лирического цикла «Провода» (1923 г.): *мечь за четвертое измерение*, за лирику, за бытие [5]. Но что противопоставлено стенам косности? Четвертая стена, которой как бы и вовсе нет. Однако именно это отсутствие (стены) становится роковым:

Стул для всех, кому не войти –
Дверью, – *чуток порог к подошвам!*
Та стена, из которой *ты*
Вырос – поторопилась с прошлым –
[8. С. 114].

Не войти дверью значит не пойти обычной дорогой.

Цветаевой дано пороговое состояние («чуток порог к подошвам»), ее героиня на грани быта и метафизики, отдавая предпочтение явно последнему. Обращаясь к волшебной сказке, отметим, что ее поэтика строится главным образом на мотиве посещения героя «того света». Этот мотив обусловлен целями героя: добыть вещь, чудесную невесту, получить знания, посмотреть жизнь на «том свете» [3]. Возможно также то, что сказка не просто включает в себя такую мотивную структуру, а полностью представляет собой сюжет путешествия в страну первопредков. Последним она схожа с бывальщиной, если вообще генетически из нее не выходит. Так или иначе, спуск/подъем в иное царство связан с временной смертью, расставанием с миром живых, но и при этом с профанным миром.

Героиня поэмы, возвращаясь к четвертой стене, как бы неожиданно обращается к теме смерти, и здесь же возникает «тот свет»:

«Ну, а пол –
 Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»
 Был. – Не всем. – На качель, на ствол,
 На коня, на канат, на шабаш, –

Выше!..
 Всем нам на «*тем свету*»
 С пустотою срывать пятю
 Тяготенную. [8. С. 115].

Однако в контексте ритуальной логики становится понятным, что речь идет об иномирном путешествии, в которое пускается героиня ради встречи с любимым – пусть не здесь, а там:

Всеми – теми – кому и кол
 Не препятствие ночью майской!
 Три стены, потолок и пол.
 Все, как будто? Теперь – являйся! [8. С. 116].

Кроме того, именно в этой части поэмы возникает мотив творчества: комната как бы придумана, написана:

Комната наспех составлена,
 Белесоватым по серу –
 В черновике набросана. [8. С. 116].

Здесь также подтверждается наше положение об иномирном пространстве:

Три стены, потолок и пол.
 Все, как будто? Теперь – являйся!

Оповестит ли ставнею? [8. С. 116].

Гость, которого ждет лирическая героиня, должен явиться не просто через дверь или вообще не через дверь, а через окно – ставни хлопают. Духи первопредков, силы «того света» всегда врываются в этот мир с шумом, свистом, хлопанием, но только в особом состоянии человек их может увидеть. Все это проявления народной антропологии, в которой возможна материализация души на том свете и взаимопроникновение двух миров, то есть их пронизанность друг другом, что выражается в шуме и прикосновениях, зримом облике души, приходящей к живым [2]. Обычно контакт происходит через сон, сон как *коридор в неведомое*.

Примечательно, что в поэме Цветаевой сном является сама стена:

Не штукатур, не кровельщик –
 Сон. На путях беспроводных
 Страж. В пропастях под веками
 Некий нашедший некую. [8. С. 116].

В этой связи обращает на себя внимание название поэмы. «Попытка комнаты» в *ритуальном контексте* воспринимается как жест комнаты, ее шаг вместе с героиней за пределы возможного. Нет комнаты в строгом смысле слова, поэтому и четвертой стены нет, вместо нее сон, стул для гостя, порог, спина – что угодно, но только не стена (косности). Комната, ее топос, преобразуется в *топику**, так как «среди комнаты» появился стих:

Только ветер поэту дорог!
 В чем уверена – в коридорах.
 Прохождение – вот армий база.
 Должно долго идти, чтоб сразу

Середь комнаты, с видом бога-
 Лиродержца...
 – *Стиха дорога!* [8. С. 117].

На первый взгляд, само совмещение не-реально, оксюморонно – комната (как нечто предметное, вещественное) и стих (как Логос), но они не противоречат друг другу, так как комната не комната, а *предел*, который преодо-

* Вслед за А. М. Панченко топику понимаем как соединение реальной и космической действительностей. См.: Панченко, А. М. Топика и культурная дистанция / А. М. Панченко // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 237.

леват героиня и из которого тянется коридор. И сам поэт уверен лишь в коридорах:

Только ветер поэту дорог!
В чем уверена – в коридорах. [8. С. 117].

Итак, мы выяснили, что коридор, несуществующая четвертая стена указывают на *переходную обрядность*. Но в этом случае важно то, что коридоры ведут не просто в иной мир («тот свет», как прямо сказано в поэме), а еще и в прошлое, в воспоминанья детства:

В детской памяти, струнной, донной –
Даль с ручным багажом, даль – бонной...

Не сболтнувшая нам (даль в модах)
Что там тащится на подводах...

Доведенная до пенала...
Коридоры: домов каналы. [8. С. 117].

Мотив возвращения в детство в целом характерен для поэм Цветаевой. В поэме «Автобус» героиня возвращается в «девичество, в жар тот щечный», а вместе с тем автобус ее мчит не за город вовсе, а за календарь*. Так, и в поэме «Попытка комнаты» коридор ведет

* Этот мотив в поэме «Автобус» связан с космическим годовым циклом, с инициатическим путем героя. Подробный фольклористический комментарий см.: Галиева, М. А. Поэма М. И. Цветаевой «Автобус» в пространстве мировой литературы и культуры / М. А. Галиева // ZBIÓR RAPORTÓW NAUKOWYCH: Międzynarodowa konferencja naukowa wumianu osiągnięć naukowych. – Poznań, 2014. – С. 22–32.

не в другую комнату, а являет собой *прорыв* от тьмы, бытовой косности – к свету:

Друг, гляди! Как в письме, как в сне том –
Это я на тебя *просветом!*

В первом сне, когда веки спустишь –
Это я на тебя предчувствьем

Света. В крайнюю точку срока
Это я – *световое око*. [8. С. 119].

Прорыв «от тьмы к свету» актуален именно для волшебной сказки. По замечанию Е. Н. Трубецкого, читавшего в начале XX в. лекции о русской культуре, о поэтике волшебной сказки в том числе, «иное царство» необходимо русскому человеку как неведомая солнечная земля, где осуществляется прорыв от тьмы к свету: «Одни удовлетворяют потребности в «новой земле» естественными житейскими способами. Другие, напротив, преисполняются отвращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному» [7. С. 20].

Поэма «Попытка комнаты» – это поэма о попытке героини выйти из лиминальности, поэма о встрече со своим возлюбленным в ином мире, но смерть при этом не воспринимается как завершение, конечная инстанция, а лишь как *разрешение* проблемы *невстречи*. Отсюда и род занятий – *коридорный*, то есть весь смысл поэмы укладывается в переход, в *инициатический путь*, за которым кроется метафизическое (пол плыл, потолок пел) и эйдология запредельного.

Список литературы

1. Горелов, А. А. Заметки о фольклоризме М. И. Цветаевой (статья 1) / А. А. Горелов // Русский фольклор. – СПб., 2011. – Т. XXXIV.
2. Душа // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. – М., 2012. – Т. 2.
3. Елеонская, Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции / Е. Н. Елеонская // Елеонская, Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России / Е. Н. Елеонская. – М., 1994.
4. Спесивцева, Л. В. Мотивно-образная система в лирическом триптихе М. Цветаевой «С моря», «Попытка комнаты», «Новогоднее» / Л. В. Спесивцева, М. А. Степанищева // Гуманитар. исслед. – 2013. – № 4. – С. 87–94.
5. Сухова, А. В. Безмерность мира поэта в идиостиле М. И. Цветаевой / А. В. Сухова // Актуальная Цветаева 2012 – к 120-летию со дня рождения поэта. XVII Международная научно-тематическая конференция 8–10 октября 2012 г. – М., 2014.
6. Толстая, С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М., 1994.

7. Трубецкой, Е. Н. Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное / Е. Н. Трубецкой // Трубецкой, Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Н. Трубецкой. – М., 1922.

8. Цветаева, М. И. Попытка комнаты / М. И. Цветаева // Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. – М., 1994. – Т. 3.

Сведения об авторе

Галиева Марианна Андреевна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

marianna.galieva@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).

Philology Sciences. Issue 99. Pp. 33–36.

POEM BY M. I. TSVETAeva “TRYING ROOM”: “OCCUPATION OF THE CORRIDOR”. FOLKLORE TRADITION IN THE POETICS

M. A. Galieva

Moscow State University Lomonosov. marianna.galieva@yandex.ru

The article discusses the functioning of the folk tradition in the poem by M. I. Tsvetaeva “Trying room”. Folklore tradition expressed latently, metaphorical structure of the poem genetically traced back to the poetics of the fairy tale. Much attention is paid to the tune of “a kingdom.” Consideration of this poem in the light of the folk tradition reveals ontological symbolism works.

Keywords: *myth, folklore, literature, Tsvetaeva, poetics, “another kingdom”.*

References

1. Gorelov A.A. Zametki o fol’klorizme M.I. Cvetaevoj (stat’ja 1) [Notes folklorism MITsvetaeva (article 1)]. *Russkij fol’klor* [Russian folklore], vol. XXXIV. Saint Petersburg, 2011. (In Russ.).

2. Dusha [Soul]. *Narodnaja demonologija Poles’ja: Publikacii tekstov v zapisjah 80–90-h gg.* [People’s demonology in Polesje: publish the records of 80-90th.], vol. 2. Moscow, 2012. (In Russ.).

3. Eleonskaja E.N. Predstavlenie «togo sveta» v skazochnoj tradicii [Representation “of the world” in the tradition of fairy]. Eleonskaja E.N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* [Tale, conspiracy and witchcraft in Russian]. Moscow, 1994. (In Russ.).

4. Spesivceva L.V., Stepanishheva M.A. Motivno-obraznaja sistema v liricheskom triptihe M. Cvetaevoj «S morja», «Popytka komnaty», «Novogodnee» [Motivic-imaging system in a lyrical triptych M. Tsvetaeva “From the Sea”, “The attempt of the room”, “Christmas”]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian research], 2013, no. 4. Pp. 87–94. (In Russ.).

5. Suhova A.V. Bezmernost’ mira pojeta v idiostile M.I. Cvetaevoj [Immensity of the poet in the world idiostile M.I. Tsvetaeva]. *Aktual’naja Cvetaeva 2012 – k 120-letiju so dnja rozhdenija pojeta. XVII Mezhdunarodnaja nauchno-tematicheskaja konferencija 8–10 oktjabrja 2012 g.* [Current Tsvetaeva 2012 – the 120th anniversary of the poet. XVII International scientific and thematic conference on 8–10 October 2012]. Moscow, 2014. (In Russ.).

6. Tolstaja S.M. Zerkalo v tradicionnyh slavjanskih verovanijah i obrjadah [Mirror traditional Slavic beliefs and rituals]. *Slavjanskij i balkanskij fol’klor: Verovanija. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, 1994. (In Russ.).

7. Trubeckoj E.N. Pod#em v «inoe carstvo» i dal’nij put’ v zapredel’noe [Rise in “other realm” and the long journey into the beyond]. Trubeckoj E.N. *«Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke* [“Another kingdom” and seekers in the Russian folk tale]. Moscow, 1922. (In Russ.).

8. Cvetaeva M.I. Popytka komnaty [Trying room]. Cvetaeva M.I. *Sobranie sochinenij : v 7 t.* [Works : in 7 vol.], vol. 3. Moscow, 1994. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81–923

С. Н. Глазкова

ОТЫМЕННЫЙ ИТЕРАТИВНЫЙ СТАТИВ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Рассматривается процесс предикативации в целом и возникновение новых отыменных стативов. Доказывается, что транспозиция некоторых существительных – процесс для русского языка традиционный и актуальный. Анализируется отыменный итеративный статив, дается его характеристика, предлагается типология. Итеративность причисляется к основным категориям, присущим стативу.

Ключевые слова: итеративный статив, отыменный, категория состояния, экзистенциальность, директивность, предикативация.

Статья посвящена исследованию слов категории состояния. Эта часть речи вызывает у лингвистов споры. Между тем она уже вошла в традиционные массовые учебники русского языка (авторы В. В. Бабайцева, Т. А. Ладыженская, М. М. Разумовская), тем самым утвердив свой морфологический статус на уровне школьной программы. Это не сняло многие вопросы, дискутируемые в отечественном языкознании. Вот перечень некоторых из них:

1. Почему именно в русском языке возникла и широко распространилась данная часть речи?
2. Можно ли считать ее культурно-специфичной?
3. Затронули ли категорию состояния современные процессы трансформации языковой картины мира?
4. Какова динамика употребительности предикативов?
5. Чем объяснить появление/активизацию некоторых типов словообразования категории состояния, в частности, отыменного типа?

Все перечисленные вопросы требуют осмысления. Первые два были освещены в лингвистической дискуссии о категории состояния 50-х гг.: «Иностранный язык в школе» (1955, № 1); «Русский язык в школе» (1957, № 4); «Вопросы русского языкознания» (1960, № 4) и, конечно, «Вопросы языкознания» (1955, № 1, 2, 6; 1956, № 3; 1955, № 2; № 6). Славянская природа слов категории состояния обсуждалась лингвистами неоднократно, однако важность этого положения, как представляется, недооценивается. К особенно весомым в данном вопросе отнесем работу А. В. Исаченко [4].

Другие вопросы мы освещали в своих работах неоднократно. Поиск ответа на последний вопрос, скорее, постановка проблемы – таково

направление данного исследования. Предмет статьи – отыменная модель предикативации. Цель наших изысканий – прокомментировать актуализацию этой модели в наши дни.

Предикативация – один из многих общелингвистических транспозиционных процессов перехода одной части речи в другую. В процессе предикативации слова из различных частей речи переходят разряд слов категории состояния. В. В. Шигуров, исследуя процесс предикативации в современном русском языке, сделал точное обобщение: «Среди транспозиционных процессов в системе частей русского языка особое место занимает предикативация слов и словоформ разных частей речи: существительных в форме именительного падежа (пора, лень, охота и т. п.), кратких прилагательных и наречий на -о (весело, легко, далеко и т. п.), местоимений (некогда, негде, нечего и т. п.), а также глаголов в форме кратких страдательных причастий (накурено, проветрено, убрано и т. п.). Предикативация представляет собой очень сложный и не до конца изученный механизм частеречной транспозиции в русском языке» [12. С. 216].

Предикативация происходит на базе наличествующих в языке средств. В числе таких частей речи ученые традиционно называют существительные, краткие прилагательные и наречия на -о, краткие причастия, местоимения. По нашим наблюдениям, в современном русском языке актуализируется процесс предикативации существительных. Отмечается появление новых отыменных предикативов, пополнение их лексикона. Приведем примеры: *жара, жесьть, мрак, печалька* и так далее.

Название, которым мы пользуемся для номинации слов категории состояния, связано

семантикой данной словообразовательной модели. В термине «итеративный статив» оба слова значимы: итеративный – заключающий в себе значение повторяющегося действия, многократный; статив – то же, что категория состояния.

Термином «итеративный» мы обязаны О. Есперсену. Размышляя о глаголе в книге «Философии грамматики», он писал: «Действительная множественность глагола, это то, что в некоторых языках выражается так называемым фреквентативом или итеративом – иногда самостоятельной формой глагола, которая часто включается в систему времен или в систему видов конкретного языка» [3]. В современной лингвистике категория итеративности рассматривается как категория, присущая глаголу. Исследователи В. С. Храковский, И. А. Мельчук, Ю. С. Маслов, В. А. Плунгян характеризуют ее через оппозицию «множественность – единичность» [6; 9].

Под итеративностью понимают единое, расчлененное на неопределенное количество актов действие. При этом различают различное множество: дискретное и собирательное или «сращенное множество – непрерывное единство», не позволяющее вычленение отдельных компонентов [2].

Мы расширяем категорию и, снимая вербальное грамматическое ограничение, понимаем ее как категорию, характерную для обозначения длящегося, непрерывного действия-состояния, состоящего из отдельных, но неделимых актов внутреннего действия-состояния.

Статив определим как особую часть речи, имеющую свою уникальную морфологическую природу: грамматическое (неизменяемость, способность иметь степени сравнения и сочетаться и глаголом-связкой, и инфинитивом, создавая недискретные предикативные сочетания) и лексическое значение (номинация состояний человека и окружающей среды), играющую особую синтаксическую роль (быть предикатом безличного предложения). Термины «предикатив», «статив», «слово категории состояния», «предикативное наречие», «вербойд», «неглагольный предикатив», «безлично-предикативное слово» считаем дублетными синонимами, пренебрегая терминологическим отличием у разных лингвистов. В данной статье спорные вопросы терминологии, связанной со словом категории состояния, не затрагиваем. Таким образом, статив – это слово категории состояния (в терминологии Л. В. Щербы).

Учебник теоретической грамматики английского языка дает следующее определение стативу: «Among the words signifying properties of a nounal referent there is a lexemic set which claims to be recognized as a separate part of speech, a class of words different from the adjectives in its class-forming features. These are words built up by the prefix a- and denoting different states, mostly of temporary duration. Here belong lexemes like afraid, agog, adrift, ablaze. These are treated as predicative adjectives in traditional grammar. Scherbs and Vinogradov were the first to identify notional words signifying states and specially used as predicatives. They called the newly identified part of speech the “category of state” (Russian words: тепло, зябко, одиноко, радостно, жаль, лень). The term “words of the category of state” being rather cumbersome from the technical point of view was later changed into “stative words” or “statives”» [8].

Вербоцентризм синтаксиса канул в прошлое лингвистики, и именно тип предложения изучают, не подвергая сомнению его существование. Неморфологизированный предикат занял достойное место в описании синтаксической системы русского языка. Вопрос о стативе решился положительно: констатировано наличие его в системе современного русского языка как самостоятельной части речи. Статив рассматривают как синкретичную часть речи, у которой «глагольный признак окрашен процессуальностью» [10].

Анализ собранного лингвистического материала показал, что итеративный статив имеет два основных прагматических значения: директивное и экзистенциальное. Примером первого могут служить высказывания типа *нечего тут стоять* (статив + инфинитив, в общем виде: *не надо делать действие x*); примером второго – модель типа *зябко, жалко, совестно* (связка + статив); предикативно-инфинитивная модель типа *приятно сознавать, грустно бродить, некуда податься*.

Значение стативов второго типа приближено к общепропозициональному, к значению ситуации в целом, ее констатации, причем пролонгированный, не одномоментный характер ситуации налицо.

Интен-анализ итеративных стативов показывает, что зачастую они имеют интегративный смысл – не только ассертивный, но и директивный. Например, высказывание «*Нечему удивляться*» можно интерпретировать таким образом: 1) такое положение дел, при котором

констатируется состояния обыденности, отсутствия чего-то нового, типичности, привычности; 2) косвенное побуждение (*Не удивляйся!*).

Появление стативов (предикативация) происходит на базе наличествующих в языке средств. Отметим, что в языкознании представлены разные взгляды и на процесс предикативации. Так, например, В. В. Шигуров отказывает этому процессу в статусе полной и классической транспозиции. Мы не разделяем приведенное ниже мнение известного специалиста по проблеме предикативации: «Данный процесс, как представляется, не может рассматриваться в одном ряду с такими транспозиционными преобразованиями языковых единиц, как субстантивация, адъективация, прономинализация, адвербиализация, интеръективация и т. п., в результате которых они категориально «раздваиваются» и «отпочковавшиеся» от них словоформы переходят из одной части речи в другую. Предикативация – это принципиально иной тип транспозиции слов и словоформ, при котором языковые единицы не перерождаются в какую-то новую часть речи, а используются в речи, так сказать, “нестандартно” – в особой синтаксической функции предиката односоставного безличного предложения для передачи семантики состояния, утрачивая (или нейтрализуя) в этой позиции семантические, морфологические и синтаксические признаки исходных частей речи, избыточные для данного употребления» [12. С. 217]. Считаем процесс предикативации вполне сформировавшимся, развивающимся, устойчивым, узуальным для русского языка.

Таким образом, типология исследуемых моделей представлена, по нашим наблюдениям, двумя типами моделей: директивными и недирективными. Следует отметить, что чаще можно фиксировать третье – смешанное, директивно-экзистенциальное значение. Яркой лингвистической спецификой обладают именно последние стативы со смешанным значением. По нашим наблюдениям, модели со смешанной семантикой представлены тремя разновидностями в соответствии с той моделью, по которой они образованы: с модальным компонентом (*надо, необходимо, нужно, желательно, должно, нужно* сделать действие *x*), с отрицательно-местоименным (наречным) компонентом (*некуда, незачем, не в чем, не в кому* делать действие *x*), отыменные (*мрак, жесть* и пр.). Все модели традиционны для русского языка. Однако первые две практически непополняемы. Последняя модель, отыменная, активно пополняется.

Лингвистическим источником такой новации в первую очередь является сленг.

Морфолого-синтаксический способ образования новых предикативов является достаточно продуктивным. В отличие от дериватов категория состояния образуется морфолого-синтаксическим способом.

Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов определяют морфолого-синтаксический способ словообразования как «разновидность лексико-семантического способа», «образование новых лексических единиц в результате перехода слов одного грамматического класса в другой» и выделяют 2 подтипа: «лексикализацию отдельной грамматической формы» и «семантико-грамматическое переоформление целой парадигмы» [11]. Исследуемая модель представляет собой лексикализацию отдельной формы.

Перечислим некоторые из собранных примеров:

1. Предикативация существительных в именительном падеже $Cor_f N_1$: *бесперспективнаяк, фантастика, жестяк, жесть, грустняк, грустничка, облом, огонь, пушка, чума, жара, тухляк, улет, ништяк, зачет, супер, стрем, стремач, крутяк, нормуль, нормес, нормалек, норм, бодряк, полное ни о чем* (двойная трансформация: субстантивация, предикативация), *труба, отстой, швах, астрономия, астрал, поэма, песня, печалька, задница, хрень, абзац, пипец, копец, трендец* (и другие слова-заместители обценной лексики).

2. Предикативация существительных в косвенном падеже $Cor_f N_2$: *в ажуре, в шоколаде, в напряг, по фану, по приколу, по фигу, по барабану, по бороде*.

Многие примеры находятся, как видим, за гранью строгой литературной нормы. Часть примеров опущена по этой же причине. Из названных примеров видно, что в первую очередь становится источником пополнения лексикона отыменных предикативов сленг. Это объяснимо: для большинства сленговых речупотреблений характерны высокая экспрессия, эмотивность, аксиологичность. Однако тенденция показательна. Для пролонгированной динамичной характеристики положения дел используется итеративный статив – предикатив со значением динамического состояния.

Предвидим возражения. Аргументировано утверждение, что слова типа *супер* являются стативами, а не существительными. Необходимо сказать об омонимии названных предикативов. И особо следует отметить отличие от

модели $\text{Cor}_f N_1$, служащей для формирования номинативного типа односоставных предложений бытийственного типа, от высказывания со значением итеративного статива.

Примеры ниже взяты из Национального корпуса русского языка [5]. Соотнесем функционирование пары слов *жуть* (1–7) / *жутко* (8–9), так как функционирование лексемы *жутко* в качестве разных частей речи, в том числе и предикатива, лингвистами не оспаривается.

(1) – *О, Южная Родезия, – повторил Красноперов, – там беспокойно? – Еще как, – ответил негр, – просто жуть!* (Сергей Довлатов, «Иная жизнь»).

В данном примере лексема *жуть* является стативом. Предикативный контекстуальный синоним *беспокойно* подтверждает это.

(2) *Здание было разбито вдребезги, но этот кусок цел, и подвал под ним цел, народу набилось жуть, пройти негде, забрались сюда из разных частей те, кто имел право вздремнуть несколько часов.* (Анатолий Рыбаков, «Тяжелый песок»).

В примере (2) лексема *жуть* является неопределенно-количественным местоимением-числительным.

(3) *Я еще не знал, какое это время наступает и зачем ему надо наступать именно на меня, но вдруг ощутил такой холод, такую жуть, что у меня даже мурашки побежали по коже, и заломило под ногтями.* (Ю. О. Домбровский, «Хранитель древностей»).

Лексема *жуть* функционирует как имя существительное.

(4) *Как работа? – Жуть с ружьем и в шляпе... Нормально, я хотел сказать.* (Ярослав Кудлак, «Симбиоз»).

(5) *Жуть в том, что «бабский» коллектив – это и есть жуть.* (Коллективный, «Мужчина в школе»).

Присубстантивное определение (3, 4) свидетельствует о том, что лексема является именем существительным. Примыкание к лексеме согласованного определения *такой* и несогласованных определений *с ружьем и в шляпе* доказывает это. Синтаксическая роль подлежащего и сказуемого (5) свидетельствует о функционировании слова как существительного.

(6) *Я тоже любила школьную форму, у меня была на зиму коричневая, а на лето голубая, так коричневая была с юбочкой-шотландкой, вся в складку... обожала я ее жуть... а еще фартучки... всегда маму просила побольше рю-*

шек навесть... красота, ляпота Мариночка... спасибо за воспоминания... еще чего понуди плиззз. (Коллективный, «Школьная форма»).

Лексема *жуть* в контексте функционирует как наречие, примыкание к глаголу является косвенным подтверждением этому утверждению.

(7) *Зал свистел от восторга, все жутко хохотали.* (Людмила Петрушевская, «Маленькая волшебница»).

(8) *И это было так жутко, что он немедленно отвлеклся на все что угодно, только бы не думать об этом.* (Ирина Муравьева, «Мещанин во дворянстве»).

(9) *Стало ему жутко.* (И. Грекова, «Фазан»).

В примерах (7, 8, 9) лексема *жутко* выступает в трех традиционных для таких слов ипостасях: является наречием (7), кратким прилагательным (8), стативом (9). Корреляция омонимов *жуть* и *жутко* является аргументом для доказательства статуса слова *жуть* – быть отыменным стативом. Приведем данные Национального корпуса русского языка. Употребительность лексемы *жесть* увеличилась с 2000 по 2010 гг почти в 10 (!) раз, а употребительность лексемы *жестко* уменьшилась за этот же срок на ¼. Безусловно, вторая цифра включает в себя употребительность и грамматических омонимов, следовательно, выводы без дополнительных ручных подсчетов не могут считаться окончательными. Первая цифра, напротив, явно свидетельствует о всплеске употребительности именно статива, так как употребительность омонимичного существительного *жесть* была бы необъяснимой.

Семантика категории состояния – итеративность, то есть незавершенная длительность. Статив передает не процесс действия, а состояние как результат после какого-либо действия, итеративность предполагает цикличность/повторяемость действия, его внутреннюю динамику. Время, отраженное в стативе, обладает яркой спецификой.

Ю. С. Степанов, выявивший три типа времени: цикличное (кольцевое), линейное и разом данное – писал о последнем: «Мы обозначаем этим термином такое представление, когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в определенной его действительности» [7. С. 124]. Представим графически темпоральную семантику итеративного статива.

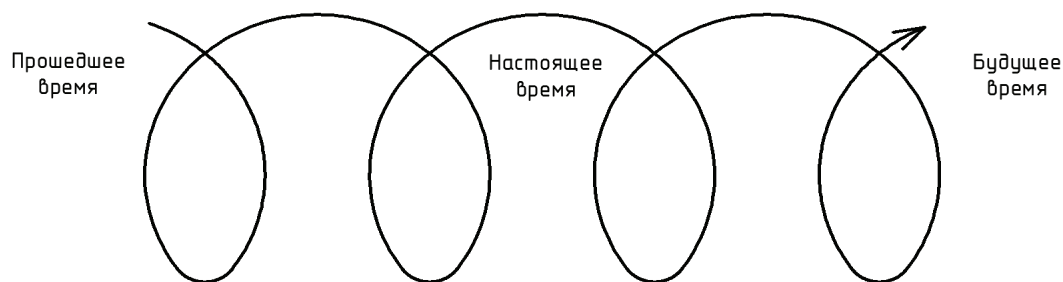

Рис. 1. Специфика времени в независимом стативе и предикативно-инфинитивной синтаксеме

Дадим некоторые пояснения рисунку. В какой-то момент времени возникает ситуация (это всегда в прошлом независимо от грамматической формы синтаксемы), и она сохраняется на момент речи, если морфологическое время настоящее, какое-то время в прошлом или какое-то время в будущем. Ситуация возникла до констатируемого момента и отличается длительностью. Таким образом, точка отсчета событий всегда в прошлом. Действие не точно на временной оси, а отрезочно. Рисунок 1 отражает поступательность и цикличность времени в итеративном стативе. Темпоральную этноспецифику статива можно определить как «единство исчезающего, пребывающего и появляющегося» [1].

Надграмматическая специфика такого времени в том, что оно экзистенциально. Внутренняя доминанта статива, неопределенность делает время круговым, цикличным, спиралевидным. Внутренняя динамика предикатива порождает настоящее экзистенциальное время. Экзистенциальным назовем такое время, в котором действие и состояние тождественны. Определяющее значение экзистенциального времени заключается в глубоком диалектическом единстве бесконечной потенциальности, бытийственности и конечной бессобытийности.

Итеративный статив содержит в себе семантику диффузности, процессуальности, континуальности, нерезультативности, непрерывности, экзистенциальности.

Статив является частью речи, характерной для многих славянских языков, однако особен-

но популярна данная часть речи в русском языке. Предикативация – явление славянское, но особенно ярко проявилось оно в русском языке. В итеративном стативе сосредоточено национально-культурное содержание: важность для русских состояния и оценки его, эмоциональное осмысление состояния, его динамический характер.

Начало процесса предикативации многих отыменных предикативов типа *время, пора, охота, грех, стыд, лень, жаль, позор, ужас* уходит корнями в глубокую древность. Такие стативы традиционны для русского языка. При транспозиции существительных в стативы имена теряют грамматическое значение рода, числа, падежа и лексическое значение предметности. Показатель потери рода у предикатива – возможность его сочетания со связкой *было* в среднем роде с существительным другого рода: *Нам лень было возвращаться*.

В современном русском языке актуализируется потенция существительных к предикативации, происходит наращивание лексической базы таких слов, расширяется спектр отыменных моделей.

Актуальность процесса предикативации в целом и предикативации новых субстантивов доказывает значимость данного типа транспозиции для современного русского языка. Неодинаковость подобных случаев убеждает, что процесс предикативации расширяется и укрепляется, является вполне живым в современном русском языке.

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Время и его преодоление / С. А. Аскольдов // Мысль. – 1922. – № 3. – С. 80–83.
2. Долинина, И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») / И. Б. Долинина // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 219–245.

3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/. – Дата обращения: 12.04.2015.
4. Исаченко, А. В. О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках / А. В. Исаченко // *Вопр. языкознания*. – 1955. – № 6. – С. 48–66.
5. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru>.
6. Плунгян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М., 2003. – 384 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
8. Теоретическая грамматика английского языка. – URL: www.ranez.ru/article/id/228. – Дата обращения: 10.12.2015.
9. Храковский, В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация / В. С. Храковский // *Типология итеративных конструкций*. – Л., 1989. – С. 5–53.
10. Шарандин, А. Л. Статив в аспекте динамической теории частей речи русского яз. / А. Л. Шарандин // *Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания»*. – № 4 (14). – URL: www.grani.vspu.ru. – Дата обращения: 14.04.2015.
11. Шанский, Н. М. Современный русский язык / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов // *Учебник для студентов педагогических институтов* : в 3 ч. – М., 1987. – Ч. 2. Словообразование. Морфология. – 256 с. – URL: <http://sci-book.com/yazyik-russkiy/sovremennyiy-russkiy-yazyik>. – Дата обращения: 12.04.2015.
12. Шигуров, В. В. О предикативации и модалации как особых типах транспозиции в системе частей речи русского языка / В. В. Шигуров // *Альманах современной науки и образования* : в 2 ч. – 2008. – № 8 (15). – Ч. II. – С. 216–218. – URL: www.gramota.net/materials. – Дата обращения: 10.04.2015.

Сведения об авторе

Глазкова Светлана Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет».
snglaz@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
 Philology Sciences. Issue 99. Pp. 37–43.*

DENOMINATIVE ITERATIVE STATIVE: TRADITIONS AND INNOVATIONS

S. N. Glazkova

Chelyabinsk State University. snglaz@rambler.ru

In the article predikativation process is considered. Specifics of a predikatives, and especially nouns which underwent transformation. The article considers the category of stative as being of many linguists interest. These words are combined into the one grammatical class – class of denominative iterative stative. It reveals an attempt to determine predicates peculiarities within the iteration.

Keywords: *category of state, predikativation, denominative, iterative stative, directivity.*

References

1. Askol'dov S.A. Vremja i ego preodolenie [Time and overcome it]. *Mysl'* [Idea], 1922, no. 3, pp. 80–83. (In Russ.).
2. Dolinina I.B. Kolichestvennost' v sfere predikatov (kategorija «glagol'noj mnozhestvennosti») [Quantitatively in the predicate (category “verbal multiplicity”)]. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: quality. Quantitatively]. Saint Petersburg, 1996. Pp. 219–245. (In Russ.).

3. Espersen O. *Filosofija grammatiki* [Philosophy of grammar]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/, accessed 12.04.2015. (In Russ.).
4. Isachenko A.V. O vozniknovenii i razvitii kategorii sostojanija v slavjanskih jazykah [On the origin and development of the category of state in the Slavic languages]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1955, no. 6, pp. 48–66. (In Russ.).
5. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru>. (In Russ.).
6. Plungjan V.A. *Obshhaja morfologija. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problems]. Moscow, 2003. 384 p. (In Russ.).
7. Stepanov Ju.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants. Dictionary of Russian culture. Previous studies]. Moscow, 1997. 824 p. (In Russ.).
8. *Teoreticheskaja grammatika anglijskogo jazyka* [Theoretical grammar of English]. Available at: www.ranez.ru/article/id/228, accessed 10.12.2015. (In Russ.).
9. Hrakovskij V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situacij i ih estestvennaja klassifikacija [Semantic types of the plurality of situations and their natural classification]. *Tipologija iterativnyh konstrukcij* [Typology of iterative structures]. Leningrad, 1989. Pp. 5–53. (In Russ.).
10. Sharandin A.L. Stativ v aspekte dinamičeskoj teorii častej reči russkogo jazyka [Stative in terms of the dynamic theory of parts of speech of Russian]. *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj žurnal VGPU «Grani poznanija»* [Electronic scientific and educational journal SGMP “Facets of knowledge”], no. 4 (14). Available at: www.grani.vspu.ru, accessed 14.04.2015. (In Russ.).
11. Shanskij N.M., Tihonov A.N. *Sovremennyj russkij jazyk* [Modern Russian]. *Učebnik dlja studentov pedagogičeskich institutov* [Textbook for students of pedagogical institutes]. Moscow, 1987, part 2. 256 p. Available at: <http://sci-book.com/yazyik-russkiy/sovremennyiy-russkiy-yazyik>, accessed 12.04.2015. (In Russ.).
12. Shigurov V.V. O predikativacii i modaljácii kak osobyh tipah transpozicii v sisteme častej reči russkogo jazyka [About predikativatsii and modaljatsii as a special type of transposition of parts of speech in the Russian language]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of modern science and education], 2008, no. 8 (15), part II, pp. 216–218. Available at: www.gramota.net/materials, accessed 10.04.2015. (In Russ.).

УДК 81'28:511.152.2
ББК 166.31

В. П. Гришунина, Н. Ф. Кабаева, М. З. Левина

СЛОВА-ДУБЛЕТЫ И ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ В ГОВОРАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Цель – показать лексику мокшанских говоров как систему, определить основные процессы развития и изменения диалектной лексики, выявить различия и сходства между говорами на лексическом уровне.

Обобщаются наблюдения над дублетностью и экспрессивно-эмоциональными синонимами в говорах мокшанского языка и выявляются причины появления дублетов и синонимов.

Делается вывод, что лексическая система каждого диалекта имеет свою специфику. В ее составе есть слова, общие для всех говоров, но вместе с тем обнаруживается целый ряд лексем, которыми отдельные говоры и диалекты отличаются друг от друга и от литературного языка. В то же время благодаря эмоционально-экспрессивным синонимам и словам-дублетам, имеющим общие значения с литературными соответствиями, отражается большая детализация явлений реальной действительности.

Ключевые слова: диалектизм, говор, синонимический ряд, семантический объем, литературный язык, смысловая структура.

Одной из актуальных задач в современном мордовском языкознании является изучение лексического богатства и диалектных особенностей языка, которое связано с проблемой исчезновения ряда мордовских говоров. Этим вопросам посвящено множество работ как ведущих лингвистов, так и современных исследователей мордовского языкознания [9; 10; 3; 4; 6].

Существование одинаковых по значению, но материально различных языковых единиц особенно активно проявляется в лексике (как наиболее пронизанном и подвижном уровне языка) [2].

«В говорах часто наблюдаются расхождения в самых употребительных, обыденных словах, раскрывающих своеобразие природных условий, хозяйственную деятельность и быт людей, в наименованиях окружающей среды» [10. С. 45]. Рассмотрим примеры лексической дублетности в говорах мокшанского языка: лит. *inži* – диал. *konak* «гость», лит. *narvaj* – диал. *tavačn'i – kotnaj* «наседка», лит. *kořka* – диал. *čuža – top(a)* – «мяч, мячик», *pakar'as – kaR'kä pr'ä – kaR'ke pula* «головастик», лит. *juvad'äms* – диал. *ut'kstäms – peřkädäms* «крикнуть», лит. *kr'osnava, kr'ostnaj t'äd'ä* – диал. *matka* «крестная мать», лит. *od t'äd'ä* – диал. *od ava* «мачеха», лит. *ušädäms* – диал. *uřt'äms – ustaväms – osnaväms* «начать (какое-нибудь дело)», лит. *mirt't'är'vat* «муж с женой», диал. *al'at-avat* «супруги» букв.

«мужчины-женщины», *pot'afa – pol'äsna* «бесстыдник, бессовестный»; лит. *kujä* «жир» – *potmä vaj* «жир»; *tona – kajna* «тот, та, то»; лит. *bajd'äk* – диал. *mända* «палка»; лит. *lama* – диал. *jasa* «много»; лит. *vaga – n'ava* «вот»; лит. *c'il'gä* – диал. *mukär var'ä* – «бородавка», лит. *vad'an'däms* – диал. *kavar'äms – päc'kams* «испачкать(ся)» и др. Синонимический ряд, состоящий из диалектных дублетов, нередко расширяется за счет введения в него общенародного, литературного слова: *al'n'aka – oc'u brat – pat'ä – d'ad'ka* «старший брат, дядя», *od t'äd'ä – afradnoj t'äd'ä – od ava* «мачеха», *t'užä pr'ä pančf – c'ec'e* «одуванчик», *är'vä – er'äj jalga – zakon jalga – vas'e-pola – kn'azda jalga* «жена», *är'vaks l'is'f – är'vaks tuf – är'vän'aks araf – ven'caf* «замужняя», *lätäms – usks'äväms – bralgäms* «шляться» и др. Следует отметить, что дублетность чаще всего возникает из заимствований (в основном из русского языка). Войдя в лексику мокшанских говоров, заимствования становятся синонимами литературного языка. Они органически входят в него и подчиняются его фонетическим, грамматическим и семантическим нормам. Например: *iL'täms – pärvažäms* «проводить»; *vas'ft'äms – str'ečäms* «встретить»; *r'iznäms / pičäd'äms – gor'aväms* «горевать, испытывать глубокую скорбь, тосковать»; *ar'säma – дума* «дума, мысль»; *vir' – l'es* «лес»; *tärva – guba* «губа», *pingä – vr'ema* «время», *s'uc'äms – krojäms* «материться, ру-

гаться нецензурными словами», ср. рус. *крыть* в значении «бранить, критиковать»; *šor'ams – mešams* «мешать, препятствовать», *mokšanda – klok* «кулак», *kaz'n'e – po(a)darka* «подарок», *štatol – svec'ä* «свеча, свечка», *s'en'bajgän'ä – kälakol'čik* «колокольчик», *ul'e – s'eraj* «серый», *sazər – s'estra* «сестра», *s'ava – kaza* «коза», *tolmar – kas't'or* «костер», *šaržu – s'edoj* «седой», *ruc'ä – šal'vaj / šal'ka* «платок, шаль», *jam – kaša* «каша», *oš – gorət* «город», *n'iksams – n'uħams* «нюхать», *t'evlav – l'oħkaj* «легкое (орган)», *är'askadəms – torapams* «спешить, торопиться», *ur – belka* «белка» и др. Подчинению фонетическим и грамматическим нормам мокшанского языка служит ряд причин: как языковых, так и неязыковых. Неязыковые причины – это результат торгово-экономических и общественно-политических отношений. При этом новое слово чаще всего приходит вместе с новой вещью или понятием. Такие заимствования, как правило, не только сохраняют свое значение, но и звуковую оформленность. Такими заимствованиями прежде всего являются интернациональные слова, научные термины и др.: *aggl'ut'inacħja, akkEmadacħja, grafika, baza, giperbEla, sput'n'ik, atəm, l'ektər, tavar, traged'ijä, c'irk* др. Языковой причиной лексического заимствования обычно является необходимость замены описательного наименования простым, однословным: *šra langaks* (досл. «покрывало стола») – *skat'ər't'* «скатерть», *jaRcama sama* (досл. «приход еды») – *apet'it* «аппетит», *er'afən' ki* (досл. «дорога жизни») – *sud'ba* «судьба», *val'me pakar'n'at* (М-ШдмКвлк) (досл. «окна косточки») – *rama* «оконная рама», *alašan' vanP* (досл. «лошадей смотритель») – *kon'uħ* «конюх», *šaban' tonafn'i* (досл. «детей учащий») – *učit'el'n'ica* «учительница», *vid'ə rongä* (досл. «прямое туловище») – *strojnaj* «стройный».

Выступая в диалектной речи в функционально-тождественных условиях, слова-дублеты выражают лишь одну значимую единицу языка. Вслед за Т. С. Коготковой мы считаем, что «по своему генезису лексические дублеты можно разделить на 3 группы: 1) внутрдиалектные, гомогенные дублеты, возникновение которых основано на номинативном свойстве языка, когда «два слова называют ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и тем самым через название вскрывают разные свойства данной вещи; 2) междиалектные дублеты, появившиеся в данном говоре из соседних, близлежащих говоров; 3) диалектно-литера-

турные дублеты, бытование которых в говоре объясняется огромным влиянием общенародного (литературного) языка» [5. С. 47].

Лексические диалектизмы выполняют не только номинативную (назывную), но и экспрессивную (выразительно-изобразительную) функции. По мнению А. И. Ефимова, «экспрессивность – категория семантическая, ибо появление в слове экспрессии сопровождается расширением или усложнением его семантического объема, появлением в смысловой структуре слова дополнительных, побочных смысловых оттенков» [1. С. 105]. Наблюдая за русскими говорами, И. А. Осовецкий отмечает: «В говорах выделяются слова, имеющие общие значения с литературными соответствиями, но отличающиеся от них или объемом значения, или различной сочетаемостью с другими словами, или широтой употребления, или стилистической окрашенностью» [8. С. 123]. По поводу экспрессивно-эмоциональных синонимов Л. И. Омельченко отмечает: «Эмоционально-экспрессивная лексика выражает отношение говорящего к высказываемому, к предмету мысли, к изображаемому. Выразительность ее заключается в скрытом сравнении, в переносном употреблении» [7. С. 70]. Примеры: «говорить неправду» или близкое к этому «разносить сплетни» *käl'gät'n'əms / vas'kafn'əms* выражается: *labərdəms* «бормотать, нести ахиною» – *lavgams* «болтать, лясать точить»; «недовольное, обиженное лицо» при стилистически нейтральном *käži šama* в говорах выражается эмоционально-экспрессивными выражениями: *uz'ər'gətf šama* (НМмнКвлк) досл. «затопоренное лицо» – *podərbař šama* (ЗйцвКрснсл) «подпертое лицо» – *puvərdəř šama, uskf šama* (Альквлк) «повернутое лицо», «вытянутое лицо». Для определения понятия «незаконнорожденный ребенок» в говорах используются следующие названия: *palaks-jursta muf – nat'oka – kapsta jotksta muf – varmasta kantf – palaks jursta muf*. Рассмотрим каждое понятие отдельно: *nat'oka* < от русского «найденыш/найдышка, подкидыш» + суффикс *-ka* (как и в русском языке *-ka* несет пренебрежительный, уничижительный оттенок), *kapsta jotksta muf* – досл. «найденный среди капусты», *varmasta kantf* – досл. «от ветра принесенный», *palaks jursta muf* – досл. «найденный в корнях крапивы». Такое отрицательное отношение вытекает из определенного негативного общественного мнения о появлении ребенка вне брака. Последнего ребенка в семье (известно, что мордовские семьи

были многодетными) называют *mel'd'afks* досл. «последыш» < *mel'e* «после» – *pekən' nardafks / pikən' nardafks/* (ЗйцвКрснсл / АдшКдш) досл. «остатки, вытертые из живота».

Понятие «тыква» в говорах передается следующими названиями, представленными синонимическими рядами: *t'ikla* (ЗйцвКрснсл) – *duku* (МПркКрснсл) – *per'av gujar* (КлмдСтШ) – досл. «огородный огурец» – *durak kujar* (ЛмдСтШ) – досл. «огурец-дурак»; «веснушки»: *pəz'gənal* (АдшКдш, МПштЕльн, ПвКдш) – *piz'gən* (ЗйцвКрснсл) – *karun' kakaft* (СтБдкЗП) – досл. «мухами обгаженные»; «паук»: *baban' salaj* (ЗйцвКрснсл) – досл. «бабу крадущий» – *kotfən' kodaj* (АдшКдш, РодькВлк) «ткач полотна» – *baban' šavi* (ТрзмргСтШ) – досл. «убийца старух» – *pekən' salaj* (СлзгТрб) – досл. «живот укравший»; «наседка» в говорах при стилистически нейтральном *narvaj* выражается лексемами *kotnaj* (АдшКдш, МКлмсКвлк) «кудачущий» – *tavačn'i* (ПрмзЗП) – досл. «накрывающий», «закрывающий (чем-либо)» < мокш. *tavadəms* «закрывать заслонкой, заслонить»; «шиповник»: *oftən' bokəks* (ЗйцвКрснсл) – досл. «медвежий пупок», *oftən' mar'* (СтБадкЗП) – досл. «медвежья ягода» – *kaza mar'ks* – досл. «козья ягода» (СлзгТрб) – *oftən' pokəl'* (МКзлвкАтр) – досл. «медвежий комок» – *kristozən' pikəta* (МШдмКвлк, АлькКвлк) – досл. «предмет для избияния Христа» – *oftən' təkər pank* (ВечкнКвлк) досл. «заплата задницы медведя», *vər'gaz mar'* (КшлАтр) – досл. «волчья ягода»; «эпилепсия»: *es'urma* (АлькКвлк) – досл. «своя болезнь» – *pogan'an' tapaf* (ЗйцвКрснсл) – досл. «нехорошим чем-то задавленный» – *es'urma* – досл. «своя болезнь» – *varma* – досл. «ветер».

Дефекты речи возникают в результате: 1) заикания; 2) шепелявости; 3) картавости (человека). Они передаются рядом лексем: *toknaj – zaika* (повсем.) – *käl'əc povəndP* «язык цепляется» *päl'e käl'* (ЗйцвКрснсл) – досл. «пол- / половина языка» – *č'ošnams* (Пенз.г.) «шаркать» – *š'ipel'* (МПлЗп) < рус. «шепелявить». Понятие «сглазиться» – *arams* (АдшКдш, ЗйцвКрснсл) – *s'el'məd'əvəms* (повсем.) – *narfəd'əvəms* (В-СлЗП). Прямое значение *narfəd'əms* «выделять тепло, отдавать теплом от огня» – *arams* в прямом значении «становиться». В ряде говоров такое явление, как «засидеться у кого-нибудь без дела, бестолковое времяпрепровождение (у кого-нибудь)» при стилистически нейтральном *kir'd'əvəms / laməs*

aščəms loman' päl'e в говорах передается терминами: *r'əzəms* (НСндрКрснсл) – *t'eL'kətəms* (Инсар.) – *t'et'ks'əms* (ЗйцвКрснсл) «пялиться (куда-нибудь или на кого-нибудь)»; *r'əzəms* прямое значение «поджариться», *t'eL'kətəms* «свернуться; прокиснуть». При стилистически нейтральном *t'ift'əms abort* «сделать аборт», в говорах бытуют выражения *šaba targəftəms* (ЗйцвКрснсл) – досл. «ребенка вытащить из чего-нибудь» – *pekə targəftəms* (АдшИнс) – досл. «живот заставить вытащить». *Polgar'am* (Атр.) < *polgar'* «пучеглазый» – *n'ājəmat* (МПлЗП) «гляделки» – *čakoLt* (ЗйцвКрснсл) «щеколда» – все эти слова в говорах означают «глаза» при нейтральном мокшанском *s'elmət: polkštBjams n'ājəmat'n'ən'* – досл. «хлопать виделками», *kel'əpn'əms čakoLn'ən'* – досл. расширять щеколды (свои)». О беременной женщине обычно при стилистически нейтральном *peki / peku* в говорах используется термин – *päškssa* – досл. «наполненная (она) чем-то изнутри» – *oc'u pekəc* – досл. «большой живот (у нее)». При литературном *eR't'əms* функционируют лексемы: *šavf* (МПлЗП) – *jeR't'f* (ПрпКвлк) – *vačkət'f* (НСндрКрснсл) в говорах несут значение «сфотографированный», а в литературном языке – *šavf* означает «убитый», *är't'f* – «стукнутый», *vačkət'f* – «забитый». «Ленивец» выражается лексемами *nola par'* (повсем.) – досл. «ленивая кадушка» – *t'oχər'* (ЗйцвКрснсл). *T'oχər'* ассоциируется с каким-то толстым неподвижным бревном, то есть оттенок пренебрежительности очевиден. *Počaksams* в литературном означает «рассыпать, просыпать», *počaksams* (ЗйцвКрснсл) в переносном смысле означает «наговорить лишнего, открыть какие-то секретные сведения». Выражения *ved'valf* – досл. «водой залитый» – *akšəsa valf* (ЗйцвКрснсл) – досл. «белизной залитый» означают «бельмо на глазу». «Забота, беспокойство» передается в говорах лексемами: *pr'abala* (РузПрх) – досл. «головная беда» – *pr'äurma* (НСндрКрснсл) – досл. «головы боль».

Итак, порождаемая рядом факторов, характерных лишь для диалектной речи, лексическая дублетность в ней значительно шире, чем в мокшанском литературном языке. Лексические диалектизмы мокшанских говоров входят в различные тематические группы слов, как уже было отмечено, выполняют либо номинативную, либо экспрессивную функции. В лексике диалектов наличие абсолютных синонимов (или дублетов) объясняется процессом внутреннего развития, когда в названиях отра-

жаются разные признаки предмета в результате взаимодействия диалектов, а также влияния литературного языка. В ней отражена большая детализация явлений реальной действительности по сравнению с литературной, что также служит причиной синонимии и дублетности в диалектах языка. Они необходимы носителям говора для полноты, точности, яркости выражения мысли. Обширная лексическая дублетность в языке современного говора объясняется теми сдвигами в языковом сознании носителей диалекта, которые можно связать с колоссальным воздействием общенародного (литературного) языка на диалектную речь. В свою очередь, сам процесс массового поступления новых слов в диалект из литературного языка активизирует миграцию слов и между отдельными диалектами.

Постоянное воздействие общенародного (литературного) языка на язык говора через школу, прессу, телевидение и т. п. увеличивает количество лексических заимствований, а среди них и дублетов речевой деятельности современной деревни.

Условные обозначения и сокращения

АдшКдш – Адашево Кадошкинский район,
АлькКвлк – Алькино Ковылкинский район,

он, АтрАтр – Атюрьево Атюрьевский район,
В-СлЗП – Вад Селищи Zubovo_Полянский район,
ВечкнКвлк – Вечкенино Ковылкинский район,
ЗйцвКрснсл – Зайцево Краснолободский район,
Инсар. – говоры Инсарского района,
КшлАтр – Кишалы Атюрьевский район,
МКлмКвлк – Мордовское Коломасово Ковылкинский район,
МКзлвАтр – Морд-Козловка Атюрьевский район,
КлدمСтШ – Кулдым Старошайговский район,
НМмнгКвлк – Новое Мамангино Ковылкинский район
МПштЕльн – Морд Пашаты Ельниковский район,
МШдмКвлк – Морд-Шадым Ковылкинский район,
НСндр.Крснсл – Новое Синдрово Краснолободский район,
ПвКдш – Паево Ковылкинский район,
ПрпКвлк – Порапино Ковылкинский район,
ПрмзЗП – Промзино Zubovo-Полянский район,
ПрхлРуз – Перхляй Рузаевский район,
РодькКвлк – Родькино Ковылкинский район,
СлзГтрб – Салазгорь Торбеевский район,
СтБдкЗП – Старое Бадиково Zubovo – Полянский район,
СтШСтШ – Старое Шайгово Старошайговский район.

Список литературы

1. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М., 1961. – 520 с.
2. Гришунина, В. П. Лексические варианты названий родства в мокшанских говорах (лексикографический и лингвогеографический аспекты) / В. П. Гришунина // Финно-угорск. мир. – 2014. – № 4 (21). – С. 54–60.
3. Гришунина, В. П. Диалектная лексика мокшанского языка (лексикографический и лингвогеографический аспекты исследования) : монография / В. П. Гришунина. – Саранск, 2015. – 172 с.
4. Кабаева, Н. Ф. Акцентуация и редукция гласных в диалектах мокшанского языка (на примере юго-восточного диалекта) / Н. Ф. Кабаева // Финно-угорск. мир. – 2014. – № 2 (19). – С. 40–42.
5. Коготкова, Т. С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора / Т. С. Коготкова // Слово в русских народных говорах. – Л., 1968. – С. 37–52.
6. Левина, М. З. Морфология форм неопределенного склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования) / М. З. Левина // Вопр. языкознания. – 2015. – № 5. – С. 104–119.
7. Омельченко, Л. И. Синонимы-дублеты и экспрессивно-эмоциональные синонимы в Ангаро-Ленских говорах / Л. И. Омельченко // Вопросы грамматики и стилистики рус. яз. – Иркутск, 1969. – С. 52–72.
8. Оссоветский, И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссоветский. – М.: Наука, 1982. – 290 с.
9. Феоктистов, А. П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII–XVIII вв. / А. П. Феоктистов // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1963. – Т. 2. – С. 5.
10. Цыганкин, Д. В. Лексические особенности эрзянских говоров / Д. В. Цыганкин // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1966. – Т. 4. – С. 345–352.

Сведения об авторах

Гришунина Валентина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск.

grishuninavalentina@rambler.ru

Кабаева Надежда Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск.

nadkab@rambler.ru

Левина Мария Захаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск.

Lev.Mariya@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).

Philology Sciences. Issue 99. Pp. 44–49.

DOUBLET WORDS AND EXPRESSIVE EMOTIVE SYNONYMS IN MOKSHA LANGUAGE DIALECTS

V. P. Grishunina

Mordovia State University N. P. Ogareva, Saransk. grishuninavalentina@rambler.ru

N. F. Kabaeva

Mordovia State University N. P. Ogareva, Saransk. nadkab@rambler.ru

M. Z. Levina

Mordovia State University N. P. Ogareva, Saransk. Lev.Mariya@mail.ru

The aim of the article is to show the lexis of Moksha dialects as a system, define main developments and changes of the dialect words, find the differences and similarities between dialects on a lexical level. The article summarizes a number of remarks on the doublet words and expressive synonyms in the dialects of the Moksha language and the reasons of their appearance are revealed.

The authors come to the conclusion that lexical system of every dialect has its own specificity. There are words which can be found in every dialect, but at the same time there are lexical items which differ from each other and those of standard language. However, expressive emotive synonyms and doublet words, having the same meaning as the words belonging to the group of stylistically neutral words, allow to reflect the greater specification of the facts of real life.

The article summarizes a number of remarks on the expressive synonyms in the dialects of the Moksha language, identified in various thematic groups. The authors come to the conclusion that due to expressive synonyms, having the same meaning with the words belonging to the group of stylistically neutral words, the greater specification of the facts of real life is reflected.

Keywords: *dialectism, dialects, synonymic row, semantic capacity, literary language, semantic structure.*

References

1. Efimov A.I. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* [The style of artistic speech]. Moscow, 1961. 520 p. (In Russ.).
2. Grishunina V.P. *Leksicheskie varianty nazvanij rodstva v mokshanskih govorah (leksikograficheskij i lingvogeograficheskij aspekt)* [Lexical Variants for Kinship Vocabulary in Moksha Dialects]

(lexicographical, linguistic and geographical aspects)]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2014, no. 4 (21), pp. 54–60. (In Russ.).

3. Grishunina V.P. *Dialektnaja leksika mokshanskogo jazyka (leksikograficheskij i lingvogeograficheskij aspekty issledovanija)* [Moksha dialect vocabulary (lexicographical and languageographical aspects of the study)]. Saransk, 2015. 172 p. (In Russ.).

4. Kabaeva N.F. Akcentuacija i redukcija glasnyh v dialektah mokshanskogo jazyka (na primere jugo-vostochnogo dialekta) [Accentuation and Reduction of Vowels in Dialects of the Moksha Language (on south-eastern dialect)]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2014, no. 2 (19), pp. 40–42. (In Russ.).

5. Kogotkova T.S. K voprosu o dubletno-sinonimicheskikh otnoshenijah v leksike sovremennogo govora [On the question of the doublet-synonymous relations in the lexicon of modern dialect]. *Slovo v russkix narodnyh govorah* [The word in the Russian national dialects]. Leningrad, 1968. Pp. 37–52. (In Russ.).

6. Levina M.Z. Morfologija form neopredelenno sklonenija imeni sushhestvitel'nogo v mokshanskix dialektah Povolzh'ja (lingvogeograficheskij aspekt issledovanija) [Morphology of nominal indefinite declension in Moksha Mordvin dialects of the Volga region (a linguo-geographic aspect)]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics], 2015, no. 5, pp. 104–119. (In Russ.).

7. Omel'chenko L.I. Sinonimy-dublety i jekspressivno-jemocional'nye sinonimy v Angaro-Lenskix govorah [Synonyms-doublets and expressive emotional synonyms in the Angara-Lena dialects]. *Voprosy grammatiki i stilistiki russkogo jazyka* [Questions grammar and stylistics of Russian language]. Irkutsk, 1969. Pp. 52–72. (In Russ.).

8. Ossoveckij I.A. *Leksika sovremennyh russkix narodnyh govorov* [The vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow, 1982. 290 p. (In Russ.).

9. Feoktistov A.P. Mordovskie jazyki i dialekty v istoriko-jetnograficheskoj literature XVII–XVIII vv. [Mordvinian languages and dialects in ethnographic literature of XVII–XVIII centuries]. *Očerki mordovskix dialektov* [Mordvinian dialects essays], vol. 2. Saransk, 1963. Pp. 5–7. (In Russ.).

10. Cygankin D.V. Leksicheskie osobennosti jertzjanskix govorov [Lexical features Erzya-Mordvin dialects]. *Očerki mordovskix dialektov* [Studies Mordovia dialects]. Saransk, 1966. Pp. 345–352. (In Russ.).

УДК 81-139
ББК 76.01

С. В. Гуськова, Ю. Р. Балабанова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ
В РАБОТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ИНТЕРНЕТ-АГЕНТСТВ
(на примере СМИ Центрального федерального округа)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ
для молодых российских ученых – кандидатов наук (Проект МК – 2850.2015.6)*

Рассматривается жанровая система региональных интернет-агентств Центрального федерального округа Российской Федерации. Выделяются преобладающие жанры, дается их характеристика. Теоретические основы работы подкреплены примерами, для чего проанализированы публикации, представленные на сайтах интернет-агентств ЦФО в декабре 2014 – октябре 2015 гг.

Ключевые слова: *жанры журналистики, аналитические жанры журналистики, информационные жанры журналистики, информационное интернет-агентство, региональная журналистика.*

Приступая к написанию публицистического текста, журналист, как правило, не задумывается над вопросом, в каком жанре будет написано произведение. В большей степени для автора могут быть важными вопросы такого плана: в какой последовательности изложить факты, чтобы композиция будущего произведения была увлекательной для читателя, к каким источникам обратиться, чтобы полнее раскрыть тему, какого объема будет текст и т. п. Постепенно решая для себя эти и другие вопросы, журналист вольно или невольно приходит к тому, что вырисовываются четкие жанровые границы его произведения. Так, привлечение большего числа источников преимущественно характерно для аналитической группы текстов, в то время как для информационных совершенно не обязательно указание источника информации и привлечение нескольких из них. Показателен в жанровом определении журналистских текстов и их объем: как правило, аналитические тексты значительно больше информационных.

Тем не менее, при кажущейся разработанности жанровой системы в сфере средств массовой информации (основательно к ее описанию подходят, к примеру, А. А. Тертычный [7], М. Н. Ким [2]) можно обнаружить и ее динамичность. Думается, что для современной журналистики характерны как синтез, соединение нескольких жанров в рамках одного текста, так и возникновение новых. В большей степени

это характерно для онлайн-СМИ, которые в настоящее время продолжают активно развиваться. Во многом это связано с продолжающимся развитием технических средств подачи информации, совершенствованием компьютерных технологий. Характерен данный процесс и для тех интернет-источников, контент которых создается на периферии.

В рамках данного исследования внимание сосредоточено на жанровой системе современных региональных информационных агентств (далее – РИИА), контент которых представляется аудитории посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Говоря о жанровой системе современных РИИА, следует отметить, что она практически не имеет принципиальных отличий от аналогичной системы, принятой в редакциях новостных интернет-СМИ. Связано это, прежде всего, со спецификой работы подобных агентств в региональном сегменте Рунета. Фактически информационными агентствами данные СМИ являются лишь номинально, по факту выполняя те же функции, что и любые другие элементы системы средств массовой информации того или иного региона.

Исследователи называют в жанровой системе информационных агентств несколько различных элементов. Так, Э. В. Могилевская среди используемых жанров называет интервью, репортажи, отчеты, анонсы, аналитические обозрения, обзоры СМИ, фоторепортажи [5].

О. Р. Лашук отмечает, что в информационных агентствах используют как информационные, так и аналитические жанры, выделяя в качестве основной формы оперативного сообщения новостей заметку [4]. Ю. А. Погорелый выделяет около десяти жанров (типов) новостей в зависимости от того, посвящены они только что происшедшим событиям или же сообщают о чем-то регулярно случающемся [6].

Эмпирическую базу исследования составили более шестисот журналистских материалов за период с декабря 2014 по октябрь 2015 г., представленных на сайтах 23 региональных информационных интернет-агентств, функционирующих в Центральном федеральном округе. Эти материалы были всесторонне проанализированы.

Следует уточнить, что зачастую сайты РИИА представляют собой крупные информационные порталы с множеством различных рубрик, медиа-элементов и блоков. В рамках данной работы рассматривается исключительно новостной блок, который принято называть «лентой новостей». Полученные данные позволяют сделать вывод, что подавляющее большинство материалов представляют собой заметку (и ее виды), а также репортаж.

Как отмечает А. А. Амзин в книге «Новостная интернет-журналистика», зачастую жанровые схемы носят сугубо теоретический характер: журналисты привыкают к форматам и терминологии собственных изданий. Издание чаще всего работает с небольшим числом форматов, но одни и те же форматы называют по-разному [1].

Чаще всего журналисты новостных интернет-СМИ для определения жанра большинства своих материалов используют слово «новость». При этом, как правило, подразумевается небольшая (до 1000 знаков) новостная заметка. Если провести аналогию с газетно-журнальной публицистикой, то в этой сфере журналистского творчества распространено обывательское определение для всех текстов – «статья», которым обозначается как статья в чистом виде, так и тексты новостной группы.

При обращении к книге А. А. Тертычного «Жанры периодической печати» [7] можно обнаружить, что почти вся палитра жанров, используемых в информационных агентствах, попадет под емкое определение «заметка» [6].

Выделим также несколько поджанров новостных заметок, характерных для новостных лент РИИА:

1) «Молния» – срочная новость «одной строкой». Она может иметь продолжение в дополнительных новостных сообщениях на ту же тему, либо дополняется там же – в этом случае рядом с заголовком ставится специальный значок, помогающий читателю ориентироваться в массе новостей. Увидев такой графический элемент или слово «дополнено» в тексте заголовка, читатель понимает, что в материале появились новые детали, легко находит «молнию» в ленте и при необходимости может перечитать. Примером может служить публикация «На Тамбовском пороховом заводе произошел взрыв (дополнено)», представленная на сайте информационного агентства (далее – ИА) «Онлайн Тамбов.ру» (30.09.2015).

2) *Саммари* – итоговый материал, собирающий воедино несколько материалов по одной теме. Может быть большим по объему (до 3 тысяч знаков), либо объем сокращается за счет гиперссылок на предыдущие материалы. Как пример – публикация «Прокуратура потребовала от городских властей устранить нарушения при организации в Туле платных парковок» на сайте ИА «Тулатайп» (03.11.2015). В тексте дается обзор ситуации, которая сложилась в городе с платными парковками. Текст последовательно разделен на четыре смысловые части, каждая из которых содержит сжатый пересказ основных аспектов темы («Знаки платных парковок не везде видны», «Платные парковки ухудшили пропускную способность дорожной сети», «Из-за платных парковок жители лишились подъезда к своему дому» и т. п.). Для данного жанра характерно, что каждая смысловая часть сопровождается гиперссылками на предыдущие материалы агентства.

3) *Комментарий специалиста* – новостная заметка, дополненная 1–2 цитатами компетентного специалиста (чиновника, ответственного лица, официального представителя и т. п.). Ссылка на ньюсмейкера может содержаться как в заголовке новости, так и непосредственно в тексте. Цитата оформляется как прямая, так и косвенная речь. При этом никаких выводов автор не делает, просто констатируя факт. При этом материал может быть получен как в результате непосредственного общения журналиста и ньюсмейкера, так и базироваться на цитировании материала другого СМИ с гиперссылкой на первоисточник. В качестве примера обратимся к материалу «В Москве собираемость взносов на капремонт 95 % – глава Минстроя», опубликованному ИА «Моссовет»

05.11.2015. Материал построен на основе интервью, которое дал федеральному агентству РБК глава Министерства строительства и ЖКХ Михаил Мень. Заметка состоит из четырех абзацев, каждый из которых посвящен отдельному аспекту проблемы старта региональной программы капремонта. Каждый абзац дополнен цитатой спикера в виде прямой речи объемом 2–4 предложения. Остальной объем новости оформлен также цитатой, только в виде косвенной речи: *«По словам Меня, регионам, установившим низкие тарифы, предстоит решить вопрос о субсидировании из бюджета расходов на региональную программу капремонта, что, по мнению Меня, не всегда возможно и не всегда справедливо. «Если тариф ниже 6 руб., надо внимательно следить за регионом. Насколько это справедливо к жителям частного сектора, которые платят налоги, – это другой вопрос», – сказал Мень».*

4) *Анонс* – краткая информационная заметка, анонсирующая какое-либо мероприятие из жизни региона. Как правило, содержит информацию о том, где пройдет мероприятие, его предполагаемые детали, краткий бэкграунд (дополнительную информацию, напрямую не связанную с событием, но позволяющую глубже понять его смысл; часто в таком случае приводятся сообщения об аналогичных событиях и статистические данные [3]) и координаты организаторов. Примером может служить публикация *«Жители Пензы 8 ноября почтут память погибших при крушении самолета в Египте»* на сайте ИА «ПензаNews» (05.11.2015). Материал построен по принципу «Пяти W» – автор отвечает на вопросы What? (Что), Who? (Кто?), Where? (Где?), When? (Когда?) и Why? (Почему?). Таким образом, в небольшом по объему материале содержится исчерпывающая информация о памятной акции, участником которой может стать любой желающий: от даты, места и времени начала, имени организатора и предыстории.

5) *Народные новости*. Иногда редакция предоставляет читателю возможность самому выступить в качестве автора новости, выделяя для этого отдельную рубрику («Народные новости»). При этом редакция либо дорабатывает полученный материал, либо оставляет его в неизменном виде. Для примера обратимся к публикации *«Дольщики Су-155 из Твери приняли участие во всероссийском митинге»* на сайте Тверского информационного агентства ТИА, размещенной 03.09.2015. Автор материала –

пользователь под псевдонимом «Евгения», зарегистрированный на сайте РИИА. Материал сопровождается также авторской иллюстрацией и сообщает о митинге, который прошел в Москве и был посвящен проблеме дольщиков, обманутых при постройке новых микрорайонов «Мамулино-2» и «Мамулино-3» в результате мошенничества застройщика.

6) *Материалы социальных сетей*. Работа редакции с материалами соцсетей может быть разнообразной: от обзора фото пользователей до цитат из аккаунтов «звезд» и чиновников. Как правило, такие материалы либо выделяются в отдельную рубрику, либо принадлежность к соцсетям обозначается в заголовке. В качестве примеров приведем такие публикации: *«Очевидцы в соцсетях: В Рязани возле НИТИ автомобиль угодил в разрытую дорожниками яму»* (ИА «7 Новостей», 29.10.2015); *«Собянин начал отвечать на вопросы, заданные ему в соцсетях»* (ИА «Моссовет», 10.10.2015). Материал рязанского РИИА «7 новостей» построен на сообщении одной из публичных страниц социальной сети «ВКонтакте». Фото, выложенное пользователями, автор репортажа снабдил комментарием о том, какие еще проблемы есть на участке трассы, выяснил, какие именно работы здесь проводились. Также приводятся цитаты нескольких очевидцев, почерпнутые из социальной сети.

Репортаж в работе региональных информационных интернет-агентств также представлен несколькими подвидами:

– *событийный репортаж* (например: *«В рязанском Доме печати прошла акция в честь дня солидарности журналистов»*, ИА «7 новостей», 08.09.2015), в котором оперативно отражается общественно-значимое событие в хронологической последовательности. В приведенном примере идет речь о памятной акции, которую устроили рязанские журналисты в память о погибших коллегах. Материал представляет собой обзор мероприятия, основных его частей в хронологическом порядке, каждый абзац снабжен фотоиллюстрацией;

– *фоторепортаж* (например, *«День города в Брянске. Тематические площадки вдоль проспекта Ленина»*, ИА «Город 24», 18.09.2015), где главная нагрузка сделана на иллюстративный материал, который может сопровождаться короткими подписями к фотографиям;

– *специальный репортаж* (например, *«В год юбилея Ивана Мичурина тамбовские яблоки так и не дошли до прилавков»*, ИА «Онлайн

Тамбов.ру», 28.10.2015), отличительной чертой которого является разностороннее рассмотрение проблемы, приведение дополнительных фактов и доказательств, цитат, мнений экспертов. Зачастую в подобных материалах прослеживаются аналитические размышления автора, риторические вопросы, обобщения, проводятся параллели с аналогичными случаями;

– *познавательного-тематического репортажа*, в котором на первое место репортер выдвигает описание интересной жизненной ситуации, раскрытие и познание новых и неизвестных сторон жизни социума (например, «Поисковики из Лобни: как вернуть имя Неизвестному солдату», ИА «РИАМО», 03.12.2014, где журналист рассказывает об особенностях работы поискового отряда, о его буднях, беседует с руководителем и участниками, сам вовлечен в несколько мероприятий, организованных отрядом).

Также, на наш взгляд, необходимо выделить появившийся сравнительно недавно, однако довольно перспективный вид репортажа – так называемый «репортаж из соцсетей». Этот вид репортажа предполагает пассивную роль журналиста – он лишь собирает воедино высказывания, комментарии, фотографии на определенную тему, сопровождая их небольшими отвлеченными комментариями. В этой связи он выступает в качестве со-автора публикации. Кроме того, такой репортаж дает возможность журналисту подготовить материал (и порой даже фоторепортаж), не покидая редакции, что позволяет более оперативно представить информацию на интернет-ресурсе. Разумеется, в таком случае все материалы должны проходить строгий отбор, а сам журналист должен быть уверен в честности и искренности своих ньюсмейкеров из соцсетей. Как правило, в качестве тем для подобных репортажей выбирается либо острая социальная тема, которую легко проиллюстрировать (плохие дороги, коммунальные аварии и т. п.), либо тема, носящая более отвлеченный и развлекательный характер. Примерами могут служить следующие публикации: «Ржавая вода в городах и районах Тамбовской области» (ИА «Онлайн Тамбов.ру», 10.08.2015); «В Тамбове проходят торжественные линейки, посвященные Дню знаний» (ИА «Онлайн Тамбов.ру», 10.09.2015); «Звездопад Персеиды в объективах тамбовчан» (ИА «Онлайн Тамбов.ру», 13.08.2015).

Отметим также, что из рассмотренных 24 агентств ЦФО ни одна редакция не пользуется в новостных лентах *слаглайном* (комби-

нацией слов или цифр, появляющейся перед первой строчкой любого сообщения, помещенного на ленту; он предназначен для упрощения поиска новостей на лентах или в базе данных [4]), и только три из них (ИА «Медиатрон», ИА «ПензаNews» и ИА «РИАМО») используют классический *дейтлайн* (в нем кратко сообщается, где и когда происходит событие, а также добавляется название агентства). В остальных случаях новость помечается только временем и/или датой (в формате «число, месяц, год») выхода в ленте.

Что касается присутствия в ленте новостей материалов региональных информационных интернет-агентств, относящихся к аналитическим жанрам, то можем выделить три основных – обзор, мониторинг и рецензию.

Обзор представлен двумя подвидами: обзор событий и обзор СМИ. *Обзор событий* похож по своей сути на саммари, однако концентрируется не на одном, а на нескольких ключевых событиях региона за определенный период (день, неделю, месяц, год). Как показал проведенный анализ, региональные информационные интернет-агентства используют в своей работе ежедневный, еженедельный и ежегодный обзоры. В качестве примеров приведем следующие публикации: «Перед сном. Краткий обзор самых важных новостей от РИА «7info» за 2 ноября» (ИА «7 новостей», 02.11.2015); «112: обзор происшествий за неделю» (ИА «Тюльские новости», 30.10.2015); «Вспоминаем 2014 год: тамбовский «мамонтенок», бегающий КРИС-П, бразильский Дед Мороз» (ИА «Онлайн Тамбов.ру», 02.01.2015).

Весьма распространен *обзор-анонс* или *обзор-афиша* – материал, содержащий информацию об интересных мероприятиях в регионе на ближайшие выходные и рабочую неделю. В ленте выходит, как правило, во второй половине дня в пятницу (например, «Выходные в Белгороде: от фестиваля уличного футбола 3x3 до Синичкиного дня», ИА «Бел.ру», 06.11.2015).

Обзор СМИ выпускается как отдельным материалом с определенной периодичностью (чаще всего раз в неделю), так и ежедневно, если на сайте предусмотрена соответствующая рубрика. Так, например, в ИА «Воронеж-медиа» существует рубрика «Новости местных газет», где публикуются материалы региональных изданий («Коммуна», «Воронежский курьер», «Берег», «Воронежское обозрение», «Воронежские вести» и др.). Некоторые редакции также включают в ленту обзор новостных

публиков региона в различных социальных сетях (например, «Обзор новостей из группы “Подслушано Новомосковск”», ИА «Новомосковск сегодня», 27.07.2015).

Мониторинг – один из самых распространенных аналитических жанров информгентств. На региональном же уровне, где слежение за биржами и рынками не такое пристальное, на первый план выходит мониторинг цен (как правило, материалы пишутся на основе данных, полученных журналистами в процессе собственного расследования, либо на основе данных Росстата). Кроме того, редакции проводят статистический мониторинг дорожно-транспортных происшествий, а также следят за медиарейтингами местных чиновников (например, «Обзор цен на продукты за прошедшую неделю», ИА «Малая Родина», 18.06.2015).

Наименее распространенный жанр в региональных информационных интернет-агентствах – *рецензия*. Как известно, основная задача рецензента – увидеть в рецензируемом произведении то, что незаметно непосвященному, а это трудно сделать, не обладая специальными знаниями в определенной сфере деятельности (литературе, театральной жизни, искусстве и пр.). Эти знания не может заменить обычный жизненный опыт или интуиция [6].

Однако профессиональный критик-рецензент для редакции провинциального СМИ – большая роскошь. Из-за жесткого графика выхода новостей, большого объема обрабатываемой информации редакция редко может позволить себе сосредоточиться на культурных новостях и этом жанре, который требует от автора более детальной проработки и больше времени. Более того, рубрика «Культура» выделена только в восьми рассмотренных региональных информационных интернет-агентствах, а количество, например, криминальных новостей за сутки превышает количество новостей в рубрике «Культура» в среднем в 4–10 раз. Тем не менее, рецензии в лентах РИИА появляются. Как правило, это реакция на театральные премьеры, концерты «звезд», сопровождаемые фоторепортажем (например, «Режиссер Аркадий Кац поместил труппу тамбовского драмтеатра в капкан из волчьей пасти», ИА «Онлайн Тамбов.ру», 19.09.2015). Только одно агентство – «Пенза пресс» – на своем сайте предлагает отдельную рубрику «Критика», где помещаются кинокритика, театральная, музыкальная и даже ресторанный критика.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что региональные информационные интернет-

агентства в своей работе активно используют и информационные, и аналитические жанры. В группе информационных жанров наиболее распространенными являются заметка и репортаж, в группе аналитических – обзор, мониторинг и рецензия и их подвиды.

Можно отметить, что для текстов печатных средств массовой информации также характерно тяготение к отмеченным информационным жанрам. В противовес этому в печатных изданиях по-прежнему взвешенная аналитика преимущественно подается в жанрах статьи и корреспонденции. В условиях наметившейся тенденции к синтезу жанров в традиционных СМИ также обнаруживается включение в приоритетные жанры аналитики других жанровых элементов, например, характерных для репортажа, интервью, что способствует более глубокому раскрытию темы, авторского замысла.

В ходе анализа контента региональных интернет-агентств стало очевидным, что в ежедневной работе редакции активно используют информацию, получаемую из социальных сетей, что характерно при подготовке материалов практически всех жанров.

Следует заключить, что в ближайшей перспективе, вероятнее всего, жанровая структура сообщений региональных информационных интернет-агентств, равно как и их федеральных коллег, не претерпит существенных изменений. Однако очевидно, что РИИА будут развиваться в направлении оперативной, если не сиюсекундной, подачи информации, в связи с чем будут преобладать информационные жанры. Кроме того, любые виды СМИ организуют свою деятельность в угоду аудитории потребителей: читателей, слушателей, зрителей. В современных условиях читатель таков, что зачастую стремится составить целостное представление (о мире, сегодняшнем дне, конкретном явлении или событии) в максимально сжатые сроки, бегло знакомясь с контентом. Отсюда мозаичная картина мира, формируемая у читателя. Поэтому встречаются утверждения о том, что в печатных СМИ часто прочитываются только заголовки, а только после – непосредственно тексты. В этой связи необходима максимально лаконичная и сжатая форма изложения, концентрация фактов в коротких отрезках текстов. Все это способствует тому, что преобладающими жанрами в сообщениях информационных интернет-агентств будут информационные жанры, выступающие явными конкурентами текстам, написанным в аналитическом ключе.

Список литературы

1. Амзин, А. А. Новостная интернет-журналистика / А. А. Амзин. – URL: <http://alex-alex.ru/nij/NIJ-2-20131006.pdf>.
2. Ким, М. Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. – СПб., 2004. – 336 с.
3. Колесниченко, А. В. Как писать новости / А. В. Колесниченко // Практическая журналистика : учеб. пособие. – М., 2008. – URL: <http://www.eartist.narod.ru/text28/0037.htm>. – Дата обращения: 07.11.2015.
4. Лащук, О. Р. Редактирование информационных сообщений : учеб. пособие / О. Р. Лащук. – М., 2004. – 160 с.
5. Могилевская, Э. В. Типологические признаки информационных агентств / Э. В. Могилевская // Журналистика электронных сетей : сб. науч. работ. – Воронеж, 2008. – С. 122–139.
6. Погорелый, Ю. А. Информационное агентство: стиль оперативных сообщений / Ю. А. Погорелый. – URL: <http://www.eartist.narod.ru/text19/018.htm>.
7. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 320 с.

Сведения об авторах

Гуськова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики Института гуманитарного и социокультурного образования Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

guskova_s_v@mail.ru

Балабанова Юлиана Равильевна – аспирант кафедры русской филологии и журналистики Института гуманитарного и социокультурного образования Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Juliana.Balabanova@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 50–56.*

THE TRANSFORMATION OF GENRES IN THE ONLINE REGIONAL NEWS AGENCIES (for example the media of the Central Federal District)

S. V. Guskova

Tambov state university named after G. R. Derzhavin. guskova_s_v@mail.ru

J. R. Balabanova

Tambov state university named after G. R. Derzhavin. Juliana.Balabanova@yandex.ru

The article discusses the genre system of regional online news agencies of the Central Federal District of the Russian Federation. The prevailing information and analytical genres of online agencies are highlighted, and authors gave their characteristics. Theoretical basis of the work supported by illustrative examples, which analyzed more than six publications presented on the websites of online agencies of the Central Federal District in december 2014 – october 2015 years. The authors draw a parallel between the development of the genre in the print media and online agencies, discover similarities and differences, made a prediction of the genre development.

Keywords: *genres of journalism, analytical journalism genres, informative genres of journalism, online news agency, regional journalism.*

References

1. Amzin A.A. *Novostnaja internet-zhurnalistika* [News Internet journalism]. Available at: <http://alex-alex.ru/nij/NIJ-2-20131006.pdf>, accessed 06.11.2015. (In Russ.).
2. Kim M.N. *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. Saint Petersburg, 2004. 336 p. (In Russ.).
3. Kolesnichenko A.V. Kak pisat' novosti [How to write news]. *Prakticheskaja zhurnalistika* [Practical Journalism]. Moscow, 2008. Available at: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0037.htm>, accessed 07.11.2015. (In Russ.).
4. Lashhuk O.R. *Redaktirovanie informacionnyh soobshhenij* [Editing information reports]. Moscow, 2004. 160 p. (In Russ.).
5. Mogilevskaja E.V. Tipologicheskie priznaki informacionnyh agentstv [Typological features news agencies]. *Zhurnalistika jelektronnyh setej* [Journalism electronic networks]. Voronezh, 2008. Pp. 122–139. (In Russ.).
6. Pogorelyj J.A. *Informacionnoe agentstvo: stil' operativnyh soobshhenij* [News Agency: Style operational messages]. Available at: <http://www.evartist.narod.ru/text19/018.htm>, accessed 06.11.2015. (In Russ.).
7. Tertychnyj A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres periodicals]. Moscow, 2002. 320 p. (In Russ.).

УДК 800(063)
ББК 81

А. Б. Джамаева

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале эмоции гнева)

Рассматриваются возможные толкования эмоции гнева в английском языке на материале словарных дефиниций и примеров из художественной прозы. Изучаются степени проявления метафоризации эмоции гнева в английском языке, так как именно метафора способна вербализовать представление, касающееся внутреннего мира человека. Концептуальные метафоры – это не просто полет фантазии, но в их основе лежит телесный (чувственный опыт).

Ключевые слова: эмоция гнева, концептуальный анализ, метафорическое выражение эмоций.

Как известно, в современной лингвистике ведутся многочисленные исследования когнитивных моделей, в рамках которых осуществляется анализ концептов через обращение к средствам естественного языка. В частности, анализ эмоциональных концептов имеет цель показать, что эмоции как явления психики имеют чрезвычайно сложную концептуальную структуру, которая может быть выявлена путем систематизации языковых выражений, используемых носителями языка для обозначения и представления эмоций. Как считает А. Вежбицкая, «без толкований такого рода невозможно было бы объяснить отношения между такими понятиями, как зависть, ревность, ненависть, презрение, жалость, восхищение и так далее. Невозможно было бы также сравнивать (и интерпретировать) концепты эмоций в разных языках» [3. С. 216].

Модели эмоций обычно строятся на основании анализа языковых средств, имеющихся в языке и используемых для описания соответствующей эмоции.

В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресян указывают, что существует два подхода к описанию эмоций, которые мы условно назовем смысловым и метафорическим. В рамках этих подходов по-разному решается главная трудность, с которой сталкивается исследователь при описании эмоциональной лексики. Как известно, эмоции не доступны прямому наблюдению. В этом отношении они подобны другим внутренним состояниям, например, ментальным. Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова. Эта онтологическая трудность

порождает трудность лингвистическую: слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое истолкование [1].

Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственно возможными являются следующие два приема объяснения: либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату. В сущности, именно эти принципы лежат в основе двух упомянутых нами лингвистических подходов к описанию эмоций.

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то. Поэтому наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций авторы считают описание через метафоры, в которых эти эмоции концептуализуются в языке.

Например: эмоции *счастье* (*happy*) и *грусть* (*sad*) в английском языке метафорически противопоставлены как *верх* и *низ*. Этой метафоре дается, с одной стороны, физическая мотивировка – человек поднимает голову, когда радуется, и опускает, когда грустит. С другой стороны, предлагается языковая мотивировка: данная метафора является частным случаем метафоры вида *хорошее* – *верх*, *плохое* – *низ*.

Таким образом, у Дж. Лакоффа и М. Джонсона описание строится в виде иерархий метафор, в которых метафоры низшего порядка наследуют структуру метафор–«предков» [6].

Безусловное достоинство этого подхода состоит в том, что он дает возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов, обозначающих эмоции, и ввести в описание, помимо самих этих слов, большие группы связанных с ними метафорических выражений.

Недостаток состоит в том, что метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа, и собственно семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется с определенной эмоцией, отсутствует. Между физической мотивацией и самой метафорой отсутствует языковое, семантическое звено.

Посредством механизмов метафоры на основе сходства некоторых признаков реалии, уже названной в языке, и называемой реалии синтезируется новый идеальный объект – метафорически переосмысленное значение имени с целью наименования новой реалии либо же создания нового понятия в самом процессе его метафорического именования (*ножка стола, луч надежды*) [9].

Метафора привлекает все большее внимание лингвистов в последние десятилетия как не только языковой, но, скорее, концептуальный феномен. На этом основана и когнитивная или концептуальная функция метафор, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий. Концептуальная метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным областям чувств и социального опыта, где наиболее часто возникает необходимость в обозначении объектов «невидимого» мира с отображением их объективных свойств [8].

В процессе познания эмоции и чувства соотносятся через метафору с более простыми или конкретно-наблюдаемыми пространствами.

Метафора позволяет вербализировать представление, касающееся внутреннего мира человека. По мнению Н. Д. Арутюновой, без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров», то есть внутреннего мира человека, его эмоций [2].

Рассмотрим метафорическое выражение гнева. Известный отечественный психолог Н. А. Лук дает следующее определение данной эмоции «гнев – сильное чувство, направ-

ленное против человека (или группы) причинившего значительный ущерб. Выражается в стремлении к насильственным действиям, а при необходимости затормозить их в угрозах и бранных словах» [7. С. 73]. Гнев может быть вызван личным оскорблением, обманом и другими моральными причинами, особенно если они неожиданны для субъекта. Но чаще всего причиной гнева является фрустрация, неопределенное препятствие к достижению какой-либо цели. Поэтому у ребенка уже впервые дни жизни можно вызвать рефлекторный приступ гнева стеснением движений [5].

Гнев можно спровоцировать не только вербально (через слово, высказывание), но и невербально (через мимику, жест, телодвижение).

Человек при гневe чувствует себя раздраженным («кровь кипит»). Это сопровождается резким покраснением («пылающий гневом») или же побледнением лица, напряжением мышц шеи, лица и рук (сжимание пальцев в кулак). Мышцы лба сдвигаются внутрь и вниз, придавая лицу нахмуренное и угрожающее выражение глаз, фиксированных на объекте гнева. Ноздри расширяются, крылья носа приподнимаются. Губы раздвигаются и оттягиваются назад, обнажая стиснутые или скрежещущие зубы. С возрастом люди научаются скрывать экспрессию гнева, поэтому его выражением могут быть и плотно сжатые губы. У одних глаза широко раскрыты, блестят («сверкают гневом»), иногда наливаются кровью и выпячиваются, зрачки расширены, у других прищурены. Дыхание учащенное и глубокое. Тело прямое, напряженное, иногда наклонено по направлению к объекту гнева. Жесты становятся совершенно бесцельными, движения неkoordinированными, наблюдается дрожь, губы не повинуются человеку, голос обрывается. Если человек много говорит, то появляется пена у рта. Маленькие дети кричат, брыкаются, катаются по полу, царапаются и кусаются.

Эволюционное значение гнева состоит в мобилизации энергии для активной самозащиты индивида. С развитием цивилизации эта роль гнева стала не столь важной. Поэтому гнев и различную степень его проявления (злость как слабый гнев и ярость как сильный гнев) можно отнести к отрицательным аффектам, хотя многие по-прежнему рассматривают его как средство самозащиты [4].

Он сопровождается приливом сил (за счет выброса в кровь адреналина, способствующего мобилизации энергоисточников организма).

Это повышает уверенность в себе, уменьшает страх при наличии опасности. При ярости мобилизация энергии и возбуждение столь велики, что человек чувствует, что он взорвется, если «не откроет клапан и не выпустит из себя пар». Человек становится склонным к импульсивным поступкам, готовым напасть на источник гнева или проявить агрессию в вербальной форме. Однако, как говорил Л. Н. Толстой, «то, что начато в гневе, кончается в стыде».

Эмоция гнева в языке выражается с помощью следующего синонимического ряда: *anger, indignation, wrath, ire, rage, fury*.

Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) интенсивность эмоции; 2) причины, которые ее вызывают; 3) характер и формы проявления эмоции.

Anger u indignation обозначают эмоции средней степени интенсивности, *wrath u ire* – более чем средней, а *rage u fury* – эмоции крайней степени интенсивности.

Anger может обозначать и кратковременную вспышку злобы, и более устойчивое чувство; и праведный гнев, и гнев почти беспричинный или не имеющий объективных оснований; и бурно проявляющееся, и хорошо сдерживаемое чувство:

He gritted his teeth in anger at the insult – он стиснул зубы от злости и обиды.

A dull anger began to gather again at the back of his mind (Joyce) – снова гнев начал накапливаться в глубине его души.

Wrath u ire обычно обозначают гнев того, кто облечен властью или имеет авторитет, в чьем подчинении находится тот или то, на кого гнев направлен.

Indignation обозначает эмоцию, которая является следствием оценки какого-то лица, поступка или факта как несправедливого, недостойного или аморального, причем предполагается, что такая оценка имеет объективные основания.

Rage (бешенство) и *fury* (ярость) обозначает сильнейшую степень эмоции, граничащей с помутнением рассудка или потерей контроля над своим поведением и поэтому очень бурно проявляющейся; при этом бурность реакции объясняется не столько значительностью вызывающих ее причин, сколько особенностями темперамента, психического склада личности.

Fury подчеркивает силу самой эмоции, а *rage* силу ее проявления:

All the refinement of his anger, the sneering, the sarcasm, the irony, vanished, and instead, his rage

foamed over like a raging sea whilst his face grew black with rabid fury (Cronin) (Исчезли ирония, сарказм, тонкие насмешки, и ярость пеннлась, вздымалась в нем, как разбушевавшееся море, лицо его потемнело от бешеного гнева).

Anger, wrath, rage, fury могут употребляться метафорически для обозначения ярости, неукротимости стихии, отличаясь друг от друга только по признаку интенсивности:

the anger of the sea – гнев моря;

the wrath of elements – гнев бушующей стихии;

the fury/rage of the storm – ярость бури.

Эмоция гнева, которая исследуется в нашей работе, также была исследована неоднократно с разных позиций. В частности, метафорическая объективация гнева описана З. Кавечешем. Он показывает, что эмоциональные концепты имеют более сложную и тонкую структуру и более богатое концептуальное содержание, чем можно предположить, исходя из классической точки зрения на эмоции. Основная методологическая идея состоит в том, что обычный язык, который мы используем, когда говорим об эмоциях, может быть важным инструментом для обнаружения структуры и содержания наших эмоциональных концептов. Более того, этот язык может многое сказать относительно нашего эмоционального опыта.

Таким образом, для понимания эмоционального опыта необходимо изучить языковые описания эмоций, а не те «сигналы», которые используются для их выражения. Такая необходимость обусловлена тем, что когнитивные модели, в которые «упакован» огромный объем индивидуального опыта и которые представляют «ненаучное» (дополняющее научное) представление в рамках какой-то области знаний, в значительной степени определяются естественным языком. Именно посредством языка мы «строим концептуальную вселенную».

Многие аспекты того, как мы концептуализируем гнев, обусловлены нервной системой, а концептуальные метафоры, которые используются для понимания гнева, не являются произвольными: наоборот, они мотивированы нашей физиологией. Это подтверждает утверждение Дж. Лакоффа и М. Джонсона, что концептуальные метафоры – это не просто полет фантазии, но в их основе лежит телесный (чувственный опыт).

Так, анализ одной из «базовых» эмоций – гнева начинается с описания общей культурной модели физиологических признаков *гне-*

ва, которую можно представить в следующем виде (физиологические проявления гнева):

1) повышенная температура тела, повышенное давление, мышечное напряжение, волнение и нарушение точности восприятия;

2) с нарастанием гнева увеличиваются и его физиологические проявления;

3) существует предел, до которого физиологические проявления гнева препятствуют нормальному поведению. В течение ограниченного интервала времени от 1/2 сек. до 4 сек.

Отсюда возникают две версии соответствующей метафоры: *гнев – это жар или жидкость в сосуде (heat or fluid in container)*. Соответственно формулируется общая метафора, описывающая наше представление об эмоциях: *тело – это сосуд, в котором содержатся эмоции*.

Анализ большого набора идиом, описывающих состояние гнева, дает возможность сделать вывод о том, что не имеется одной общей когнитивной модели гнева. Напротив, имеется категория когнитивных моделей с прототипической моделью в центре. Из этого следует, что ошибочно было бы пытаться построить одну когнитивную модель для всех реализаций концепта. Виды гнева – это не конкретные случаи одной и той же модели, это варианты модели [10].

Примеры, которые даются в данной работе, свидетельствуют об универсальности образов, легших в основу метафорического осмысления данного эмоционального концепта. З. Кавечеш установил, что в основу его образного компонента положены такие базисные метафоры, как:

а) гнев – контейнер (эмоция, а также человек – контейнер для эмоции), например:

Lady Janet, with a sudden explosion of anger, which was genuine anger his time (Collins).

The monk's red eyes filled with anger and frustration (Brown).

человек – контейнер для эмоции, например:

They cut their fingers. A great rage filled them (Woolf).

б) гнев – огонь, например:

His complex anger flamed afresh, and Ruth was in terror of him (London).

в) гнев – горячая жидкость, например:

Sophie felt a fury rising from deep within (Brown).

Though boiling with rage, Clifford said nothing (Lawrence).

He looked at her with curious cold rage.

В этом случае мы видим ослабление эмоции гнева.

г) гнев – опасное животное, например:

He was caught by anger (Garnett).

Terror and anger coursed through him now (Brown).

д) гнев – противник в борьбе, например:

Anger struggled in her breast with misery (Maugham).

His large face ... during his frequent attacks of anger grew dark and purple (Maugham).

Anger took possession of him (Lawrence).

е) гнев – безумие, например:

But Ruggedo gets wild with anger if anyone digs gold out of the earth (Frank).

His fit of anger bordered upon hysterics (Oppenheim).

I was insane with love of her, and with anger too (London).

З. Кавечеш не включает в свою классификацию такую распространенную метафору, как эмоция-стихия. В ходе работы нами обнаружены следующие случаи метафоризации гнева как стихии:

а) гнев – стихия, например:

Anger that swept over him (Lawrence).

She was chanting in a mournful voice, occasionally interjecting bursts of volcanic wrath at the father... (Crane).

Нами обнаружены также в качестве метафорических следующие виды синестетических переносов: эмоция – цвет, эмоция – свет, эмоция – вкус и эмоция – запах:

б) гнев – цветное изменение, например:

black anger, white fury.

Carson was blue in the face with anger and the little card player began to turn red as Carson pulled up on the tie (Charle).

в) гнев – вкусовое ощущение, например:

The thought filled him with a slow, bitter anger (Oppenheim).

But Maggie's bitter rage was unspent. «Leave me to myself, if you please» (Eliot).

Можно сделать вывод о том, что основные метафоры, вокруг которых строится описание, это: *гнев – контейнер*, *гнев – огонь*, *гнев – горячая жидкость*, *гнев – стихия*, *гнев – опасное животное*, *гнев-противник в борьбе*, *гнев-безумие*, *гнев – цветное изменение* и *гнев – вкусовое ощущение*. Установлено также, что наиболее популярными метафорами для передачи эмоции гнева являются *опасное животное* и *противник в борьбе*. Таким образом, получается, что выражения, которые исполь-

зуются для описания гнева в английском пред- ствует в семантике языка. Это показывает, что ставляют собой не беспорядочный набор; они гнев – чувство не аморфное, а имеет сложную структурированы в терминах сложной концеп- когнитивную структуру. туальной модели, которая внутренне присут-

Список литературы

1. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М., 1995. – Т. II. – С. 453–466.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–35.
3. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М., 1996. – 405 с.
4. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – М., 2002. – 204 с.
5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб., 2002. – 312 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2004. – 200 с.
7. Лук, А. Н. Эмоции и чувства / А. Н. Лук. – М., 1972. – 192 с.
8. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 45–68.
9. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 90–120.
10. Lakoff, G. The cognitive model of anger inherent in American English / G. Lakoff, Z. Kovesces // Cultural models in language and thought. – Cambridge, 1987. – Pp. 69–93.

Сведения об авторе

Джамаева Аида Бадрутдиновна – преподаватель кафедры иностранных языков Дагестанского государственного университета, Дагестан, г. Махачкала.
traziyat@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 57–62.*

ON THE PROBLEM OF METAPHORIC EXPRESSION OF EMOTIONS IN ENGLISH (on the basis of emotion of anger)

A. B. Dzhamaleva

Daghestan State University, Makhachkala, Daghestan. traziyat@yandex.ru

The article considers possible definitions of emotion of anger in English on the basis of dictionary definitions as well as examples of literary prose. The article also studies levels of functioning of metaphorization of emotion of anger in English, as it's metaphor which exactly can verbalize the image concerning the inner world of a man. The article also dwells on the idea that conceptual metaphors are not just the whim of fantasy, but they contain some life (sensible) experience. Also some different views on the problem of metaphoric expression of emotions are being considered. We as well provide the contents with the quotations of various scientists devoted to this problem. The analyses of a great number of idioms describing emotion of anger shows that there cannot be the same cognitive model of anger for all the speakers. On the contrary, there is a special category of cognitive models with prototypic model in the centre. In conclusion it follows that it is a mistake to try to build up one cognitive model of anger for all the possible ways of its realization. It is also stated that most popular metaphors of anger are *dangerous animal* and *opponent in fighting*. Thus, expressions for showing anger in English are not groundless, their structures are included into the terms of a complex conceptual model, which occurs in the inner side of the language semantics. All this proves that anger is not a still feeling, but it has a complex cognitive structure.

Keywords: *the emotion of anger, conceptual analyses, metaphoric expression of emotions.*

References

1. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D. Metaphora v semanticheskom predstavlenii emotsii [Metaphor in semantic representation of emotions]. *Izbrannyye trudy* [Selected Works], vol. 2. Moscow, 1995. Pp. 453–466. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. Metafora I diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990. Pp. 5–35. (In Russ.).
3. Vezhbitska A. *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, 1996. 402 p. (In Russ.).
4. Izard K.E. *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotion]. Moscow, 2002. 204 p. (In Russ.).
5. Ilyin E.P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Saint Petersburg, 2002. 312 p. (In Russ.).
6. Lakoff G., Johnson M. *Metafory kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live]. Moscow, 2004. 200 p. (In Russ.).
7. Luk A.N. *Emotsii I chuvstva* [Emotions and feelings]. Moscow, 1972. 192 p. (In Russ.).
8. Oparina E.O. Kontseptualnaya metafora [Conceptual metaphors]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, 1988. Pp. 45–68. (In Russ.).
9. Telia V.N. Metafora kak model smysloproizvodstva i eyo ekspressivno-otsenochnaya funktsiya [Metaphor as a model for the production of meaning and its expressive evaluation function]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, 1988. Pp. 90–120. (In Russ.).
10. Lakoff G., Kovesces Z. The cognitive model of anger inherent in American English. *Cultural models in language and thought*. Cambridge, 1987. Pp. 69–93.

УДК 821.512.145
ББК 80/84

Д. Ф. Загидуллина

ПОИСК ПУТЕЙ ОБНОВЛЕНИЯ В ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ 1960–1980 ГГ.: ТВОРЧЕСТВО ГУМЕРА БАШИРОВА

Статья написана при поддержке гранта РГНФ. № 14-14-16002

Рассматриваются 1960–1980-е гг. в истории татарской литературы как время возвращения к национальным художественным традициям. На материале анализа произведений Г. Баширова делается вывод о противостоянии новых эстетических поисков идеологическим требованиям литературы соцреализма. Татарская деревня, дореволюционная повседневность изображаются как абсолютно иная реальность, «изъятая» из литературы, но сформировавшая национальные характеры, сохранившая народные традиции.

Ключевые слова: *татарская проза 1960–1980 гг., проза Гумера Баширова, реализм, национальные культурные традиции, описание повседневности, эстетическое своеобразие, мифологизация.*

Возвращение татарской литературы 1960–1980-е гг. к «национальным истокам», установление диалога с традициями литературы начала XX в., выдвижение на передний план новых методов и приемов художественного изображения особенно отчетливо проявляются в прозаических произведениях этого периода. Мы можем с уверенностью констатировать, что в татарской прозе 1960–1980-х гг. возрождение было связано с представлениями отдельных писателей о перспективах национальной литературы, авангардные поиски опирались на «философию открытия другой реальности» [8. С. 44]. Об этом свидетельствует и творчество классика татарской литературы Гумера Баширова. Среди писателей, признанных официальной идеологией, он, несомненно, занимал первое место. После присуждения в 1951 г. Государственной премии СССР за роман «Намус» («Честь») высокий авторитет писателя в национальной литературе оставался непререкаемым до конца XX в. Сформировавшийся к пятидесяти годам в качестве аксакала татарской литературы, Г. Баширов с достоинством нес это высокое имя: за основательность в суждениях, за умение обуздать излишнюю чувственность, способность, не отрицая проводимой в литературе общей тенденции под названием интернационализм, одновременно сохранить национальное, его можно было бы охарактеризовать как «личность, нашедшую золотую середину». Несомненно, творчество Г. Баширова нельзя однозначно причислить к

авангарду или рассматривать как в корне изменившее национальную литературу. Вместе с тем следует признать, что начало отдельных перемен в татарской литературе связано с произведениями именно этого писателя.

На фоне русской литературы того же периода выделяется существенная особенность национального историко-литературного процесса – для татарской литературы не был характерен путь кардинальных изменений, радикальных новаций в области формы и содержания. Гораздо важнее было то, что неспешное, постепенное возвращение национальных литературных традиций повернуло широкую дорогу, обозначенную после 1917 г., в другое направление. В произведениях, признанных идеологически «правильными», писатели находили возможность сказать то, что побуждало современников к раздумьям.

В воспоминаниях Г. Баширова также немало доказательств, указывающих на правоту этой мысли. В автобиографической повести-воспоминании «Көзге ачы жилләрдә» («Осенние ветры», 1983–1985), описывающей события, начиная со дня рождения писателя и до 1950-х гг., он показывает процесс трансформации своих взглядов на литературное творчество. В 20-й главе воспоминаний писатель пишет, что с первых шагов в литературе он искал творческие ориентиры с целью усилить воздействие на читателя. По его мнению, на татарского читателя сильное впечатление производили чрезвычайно вычурные и богатые на фантазии

произведения восточной литературы. Но, как считает автор, татарская литература XX в. не могла на это ориентироваться: «А образ жизни нашего народа был прямо противоположным, достаточно суровым, даже слишком «реалистичным» [4. С. 111]. Писатель выделяет и другую причину – влияние русской литературы: «несмотря на сильное влияние восточной культуры на литературу и культуру в целом (к тому же она была связана и с исламом), мы быстро освоили реализм русской литературы. Поскольку реализм возник из самой действительности, а наша литература, будучи издавна близкой к народной жизни, соответствовала ее думам и чаяниям, реализм был близок нам своей сущностью и внутренним духом. Видно, по этой причине мы его быстро освоили. Я думаю, это направление позволило татарской литературе за сравнительно короткое время сделать значительный шаг вперед» [4. С. 112].

Г. Баширов пишет о своем чувстве неудовлетворенности. Искомое он «находит» в народном говоре, жизни народа, образе его мыслей, начав профессионально заниматься собиранием и изучением народного творчества. В 1940 г. он издает отдельным сборником собранные им народные сказки. «Сбор фольклора все более увлекает меня. Начиная с тех лет, я каждое лето начал участвовать в фольклорных экспедициях Института языка, литературы и истории Академии наук СССР, руководимых Хамитом Ярми» [4. С. 114], – пишет он. Это увлечение продолжается и после войны. Г. Баширов возвращает народу и другие жанры фольклора. Эти поиски оказали сильное влияние на его собственное творчество. Он один из писателей, обративших внимание татарской литературы на творческое мышление народа, «повернувшихся лицом» к духовному миру нации.

Эти изменения в творчестве писателя ярко проявились в повести «Туган ягым – яшел бишек» («Родная сторона – зеленая моя колыбель», 1967). На общем фоне советской литературы, изображающей прошлое как темную, невежественную и безобразную эпоху, это произведение прозвучало по-новому. Хронологически сюжет повести охватывает последние 15 лет перед революцией 1917 г. Действие заканчивается в момент, когда начавшаяся революция, свержение царя приносят людям надежду. В основе сюжета – история жизни мальчика Гумера. Оставшись после смерти отца с грузом долгов, юноша не знает, как жить дальше, и испытывает чувство полной безысходности.

Идеологические шаблоны литературы соцреализма преодолеваются разными способами. Во-первых, значимой представляется активизация нравоописательной (этологической) тенденции, направленной на воссоздание целостности бытия и поэтизацию национального уклада жизни. Повесть, полностью посвященная описанию татарской деревни начала XX в., отражает все прекрасное, что было в ней: стремление к знаниям и свету, теплые взаимоотношения между людьми, красоту и самобытность обрядов и обычаев. И впервые в послереволюционной татарской литературе описание национальной жизни в ней «доведено до уровня дискурса» [3. С. 265], превратившегося, по определению Ролана Барта, в миф. Произведение словно написано для того, чтобы донести до читателя мысль о том, что татарская деревня до 1917 г. не была гнездом невежества и темноты, как тогда твердила идеология. Люди жили надеждой на лучшее, но их повседневная жизнь была наполнена красотой, смыслом и теплотой. Такая основная мысль повести выступает «констатацией» мифа, по классификации того же Р. Барта, известного, но «изъятого из истории» другим мифом, и становится «прививкой» «коллективного воображаемого» [3].

Каждая из 17 глав повести пронизана безмерной любовью к татарской жизни, чувством тоски по чистоте той эпохи. Произведение начинается с нравоописательной зарисовки, пронизанной мотивом любви к лошадям: пробуждением мальчика, которому сообщают, что кобыла ожеребилась: «Жеребенок! Только я услышал это слово, так тотчас вскочил с постели. А как же иначе! Ведь жеребенок для деревенского мальчишки – это одно из увлекательных и красивых мечтаний! Выбежав во двор, от радости чуть речи не лишился. Вот он, тот жеребенок, которого я так ждал! Сам рыжий, вдоль хребта идет коричневая полоса, шириной с палец, передние ноги до колен словно в белые носки одеты. На лбу звездочка. Расставив в разные стороны тонкие и длинные, как палки, ноги, пытается сосать кобылу.

Рядом со мной, отведя руки назад, не отрывая от жеребенка глаз, стоит и улыбается отец. Он тоже доволен.

– Наша кобыла давно хотела принести красивого жеребенка и все искала его, – говорит он.

– А чего раньше не приносила?

– Ха, легко тебе говорить! Думаешь, такого красивого жеребенка часто можно встретить?

Вот вчера ходила в ночное, да и привела с собой этого в белых носочках...» [5. С. 8].

Этот диалог вызывают ассоциацию с рассказом Г. Ибрагимова «Алмачуар» («Чубарый»). Акцентируются устойчивые, сложившиеся веками, повторяющиеся черты бытия и сознания людей. Такова, например, любовь татарина к лошади, которая воспринимается как национальная черта характера. Вид жеребенка, его повадки, рассказ о том, как деревенские мальчишки ухаживают и выращивают своих жеребят, составляют целую историю. В дальнейшем повествовании многие знаковые явления из жизни татарского народа функционируют на фоне интертекстуальных связей с другими известными произведениями татарской литературы начала XX в.

В повести повседневная жизнь татарской деревни начала XX в., надежды и ожидания сельских жителей, обычаи и обряды воссоздаются через активное обращение к народному слову, народным пословицам и поговоркам, песням, метким фразам. Сабантуи, описание процессов ткачества из льна, вечерние игрища, детские игры, уход в ночное, посиделки, сватовство, приход жениха – все это становится предметом поэтизации и описывается с необычайной теплотой. Так повесть выходит за рамки автобиографического произведения и начинает восприниматься не как определенный период жизни Гумера, а как описание жизни татарской деревни во всех ее прекрасных, значимых проявлениях. Примечательны с этой точки зрения слова М. Амира, сказанные им в 1968 г.: «...мы через это произведение видим прекрасные черты нашего народа, насколько он богат духовно» [1. С. 78].

На эту особенность творчества писателя обращает внимание и Т. Галиуллин: «Несмотря на то, что социалистический реализм официально не отвергался, писатель чувствует возможность расширения его узких рамок, опираясь на нравственные нормы татарского народа, становится на путь более полного раскрытия переживаний личности. Постановка во главу угла национального начала, отражение основ жизни тонкими, неброскими деталями и картинами, поиск глубинных корней истории народа дают возможность в обозначенном выше полуавтобиографическом произведении через судьбу отдельной личности образно представить жизнь целого поколения» [7. С. 7–8]. Продолжая эту мысль, надо сказать, что в противовес идеологической установке показывать жизнь

до 1917 г. лишь в черных тонах, Г. Баширов отразил татарскую повседневную жизнь как красиво-самобытное и удивительное явление, показав тем самым, что и в литературе той поры была возможность писать иначе. В татарской литературе 1970–1980-х гг. изображение родной земли, татарской деревни, ее жизни с привлекательных сторон приняло массовый характер, превратилось в широкое движение. И в этом, несомненно, была большая заслуга Г. Баширова.

Во-вторых, в творчестве Г. Баширова преодолевается принцип социального детерминизма в объяснении поведения и характера героев. Это можно увидеть и в более поздних произведениях автора. Так, в романе «Жидегэн чишмә» («Семь родников», 1978–1981) писатель делит героев на две противоположные группы: на тех, кто подчинил свои дела и поступки общественно-экономическим целям, и борцов за природу, красоту и другие восходящие к прошлому ценности. Так формируется и основная сюжетная линия романа: с одной стороны, это Ризван и Фасхетдин, желающие распахать заливные луга Алтынбике и построить там животноводческий комплекс, с другой – Минхадж, Саид, Гайнан и др., борющиеся за сохранение этих лугов. Несмотря на то, что тема сохранения природы воспринималась как традиционная, основанная на довольно формальном противостоянии официальной идеологии, и уменьшала убедительную силу произведения, в творчестве писателя она получает иную интерпретацию: защита природы отождествляется с борьбой за сохранение восходящих к прошлому ценностей, обычаев и обрядов, нравственных норм. Природа для писателя – общечеловеческая ценность, самое большое богатство. Сохранение народных традиций он тоже связывает с природой. Взятое в качестве эпиграфа к роману индийское изречение звучит так: «Человек, оторванный от природы, подобен ребенку, лишенному материнского молока» [6. С. 7]. На протяжении всего романа писатель подчеркивает, что заливные луга Алтынбике, Семь родников являются для человека источниками жизни. Г. Баширов, никогда не выражавший открытого несогласия с порядками тоталитарного общества, сохранивший в своем творчестве верность пути, обозначенному социалистической идеологией, своим романом «Семь родников» одним из первых в татарской литературе той эпохи показал разрушение окружающей среды. Эта тема наполня-

ется экзистенциальным звучанием и означает разрушение вековых традиций.

Таким образом, проза Гумера Баширова, не отвергая основного пути, предложенного советской литературе идеологией, в 1960–1980-х гг. находит иные ориентиры. Р. Ахметзянов так определяет новаторство Г. Баширова: «...меня невероятно поражает то, что все творчество этого мастера пера, в особенности, написанные в шестидесятые-семидесятые годы повесть «Родная сторона – зеленая моя колыбель» (1967) и роман «Семь родников» (1977), сплошь пронизано поэзией. В них филигранно выложено неистощимое духовное богатство нашего народа, они украшены национальным

орнаментом татарского народа. В них слышится многоголосая симфония природы!» [2. С. 82]. В своих произведениях писатель описывает татарскую жизнь до и после революции, показывает красоту национальных традиций, изображает героев, в которых воплощаются устойчивые черты национального характера, национального менталитета и психологии, воспроизводит особенности народной речи. В эпически развернутое повествование входит лирически-сентиментальная тенденция, расширяющая возможности художественной типизации и определяющая жанровое своеобразие произведений.

Список литературы

1. Амир, М. Радость творчества / М. Амир // Амир, М. О нас самих: литературная критика, выступления / М. Амир. – Казань, 1971. – С. 68–82.
2. Ахметзянов, Р. Мелодия семи родников / Р. Ахметзянов // Ахметзянов, Р. Ветер пера / Р. Ахметзянов. – Казань, 2006. – С. 55–82.
3. Барт, Р. Мифология: Академический проект / Р. Барт. – М., 2014. – 351 с.
4. Баширов, Г. Осенние ветры / Г. Баширов // В жизненном пути: повесть-воспоминание, публицистические статьи. – Казань, 1986. – С. 3–123.
5. Баширов, Г. Избранные произведения : в 5 т. / Г. Баширов. – Казань, 2005. – Т. 2. – 398 с.
6. Баширов, Г. Избранные произведения : в 5 т. / Г. Баширов. – Казань, 2005. – Т. 3. – 399 с.
7. Галиуллин, Т. Н. Гумер Баширов, которого мы знаем и которого предстоит узнать / Т. Н. Галиуллин // Баширов, Г. Избранные произведения : в 5 т. / Г. Баширов. – Казань, 2005. – Т. 5. – С. 3–12.
8. Гирин, Ю. Н. Проблема авангарда: содержание, границы, понятийный аппарат / Ю. Н. Гирин // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика : в 2 кн. – М., 2010. – Кн. 1. – С. 34–76.

Сведения об авторе

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, главный ученый секретарь Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань).
zagik63@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).

Philology Sciences. Issue 99. Pp. 63–67.

THE SEARCH OF THE WAYS OF UPDATING 1960–1980'S TATAR PROSE: GUMER BASHIROV'S WORK

D. F. Zagidullina

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan. zagik63@mail.ru

1960–1980's in the history of Tatar literature are considered by the author as a time of returning to the national artistic traditions. On the analysis of G. Bashirov's works it is given a conclusion about the confrontation between new aesthetic searches and ideological requirements of socialist realism literature. There are identified ways of overcoming the ideological patterns of time: one-sided total denigration of pre-revolutionary everyday life is opposed to the idealization of the national past. The writer

describes the Tatar life before and after the revolution, shows the beauty of national traditions, depicts heroes that embody permanent features of the national character, national mentality and psychology and reproduces features of popular speech in own works. The detailed epic story includes lyrically sentimental trend which extending the art of typing and defining genre originality of works. Tatar village, pre-revolutionary daily routine portrayed as completely different reality, which has been “removed” from the literature, but it, has formed a national character, preserved folk traditions and customs. To the new aesthetic settings correspond the mythologizing of the Tatars past, activation of moral describing trends, and synthesis of the genre forms, lyrical and sentimental narrative orientation. These changes clearly manifested in the novel “Tugan yagym – yashel bishek” (“Native Land – My Green Cradle”, 1967). The principle of social determinism in explaining of behavior and the nature of the characters overcomes in creativity of G. Bashirov. This can be seen in the novel “Jidegan chishma” (“Seven Springs”, 1978–1981). The image of native land, the Tatar village, its life with attractive sides took on a mass character and has become a broad movement in the Tatar literature of 1970–1980. And this undoubtedly was the great merit of G. Bashirov.

Keywords: *Tatar prose of 1960–1980’s, prose of Gumer Bashirov, realism, national cultural traditions, the description of everyday life, aesthetic originality, mythologizing.*

References

1. Amir M. Radost tvorchestva [Joy of Creativity]. *O nas samikh: literaturnaja kritika, vystuolenija* [About US: Literary Criticism, Speeches]. Kazan, 1971. Pp. 68–82. (In Tatar).
2. Akhmetzyanov R. Melodiya semi rodnikov [Melody of Seven Springs]. *Veter pera* [The Wind of Pen]. Kazan, 2006. Pp. 55–82. (In Tatar).
3. Bart G. *Mifologia* [Mythology]. Moscow, 2014. 351 p. (In Russ.).
4. Bashirov G. Osennie vetry [Autumn Winds]. *V zhiznennom puti: povest’-vospominanie, publichistskije stat’ji* [In the Way of Life: recollection, journalistic articles]. Kazan, 1986. Pp. 3–123. (In Tatar).
5. Bashirov G. *Izbranniye proizvedeniya : v 5 t.* [Selected Works in 5 volumes], vol. 2. Kazan, 2005. 398 p. (In Tatar).
6. Bashirov G. *Izbranniye proizvedeniya : v 5 t.* [Selected Works in 5 volumes], vol. 3. Kazan, 2005. 399 p. (In Tatar).
7. Galiullin T.G. Gumer Bashirov kotorogo my znaem i kotorogo predstoit uznat’ [Gumer Bashirov Whom We Know and Whom We Have to Learn]. Bashirov G. *Izbrannyje proizvedeniya : v 5 t.* [Selected Works in 5 volumes], vol. 5. Kazan, 2005. Pp. 3–12. (In Tatar).
8. Girin Y.N. Problema avangarda: sodержaniye, granitsy, ponyatiiniy apparat’ [The Problem of the Avant-garde: Content, Boundaries, Conceptual apparatus]. *Avangard v culture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika : v 2 kn.* [Avant-garde in the Culture of XX Century (1900–1930): Theory. Story. Poetics: In 2 books], book 1. Moscow, 2010. Pp. 34–76. (In Russ.).

УДК. 821.161.1
ББК 83.3(2)

Н. Л. Зыховская

ОЛЬФАКТОРИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определяются методологические основания в изучении ольфакторной составляющей прозаических произведений русской литературы. Мир запахов в текстах исследуется с позиций особенностей их символической вербализации и восприятия. Выделяются закономерности развития ольфактория отечественной словесности, его функции в динамике историко-литературных эпох, обозначаются ключевые основания создания обобщенной модели ольфактория русской прозы в диахронном аспекте.

Ключевые слова: *ольфакция, русская литература, модель, перспективы исследования поэтики запахов.*

Вынесенное в название статьи понятие «ольфакторий» трактуется нами как обозначение совокупности всех элементов текста, содержащих отсылки к миру запахов, их качества, особенностей восприятия, а также символического поля, образуемого с их помощью либо вокруг них. Общая тема «запахи как часть литературы» многократно привлекала внимание исследователей. Кроме того, в свете быстро развивающегося синестетического подхода к литературе актуализировалось и обращение к вербализации телесных ощущений и эмоций в художественных текстах как в хранилище и фундаментальном архиве саморефлексии человечества. Возрастание значимости такого подхода нуждается в четком обосновании методологических оснований и принципов исследования, позволяющих выделить место и функции ольфактория в том или ином художественном мире на фоне диахронно разворачиваемой традиции. Проблеме «методологической проясненности» данного вопроса, обозначению ключевых закономерностей в осмыслении отечественной словесности сквозь призму ольфактория, а также перспективам изучения поэтики запахов – посвящена настоящая статья.

Поэтика запахов как самостоятельная научная проблема выделилась относительно недавно – после антропоцентрического поворота в гуманитарных науках, ставшего «точкой отсчета» для развития культурологических изысканий в литературоведении, внимания к онтологии текста, отражению в нем культуры повседневности. Но задолго до этого отдельные наблюдения исследователей сложились в

достаточно основательный научный дискурс ольфакции в литературных произведениях. Так, уже начало 2000-х гг. отмечено растущим интересом к проблематике запаха как семантической категории в языке, реализуемым в работах Е. В. Свинцицкой [8], О. С. Жарковой [2], Л. О. Овчинниковой [5], Л. В. Лаенко [3], А. В. Дроботун [1], Н. С. Павловой [6] и др. Фундаментальные аспекты «ольфакторного» литературоведения даны в работах Н. А. Рогачевой [7], Х. Риндисбахера [10], С. Петер [9]; интересный эвристический поворот открывают исследования на стыке культурологии и филологии в концепции И. А. Манкевич [4].

В актуальных научных работах последних лет сохраняют устойчивость традиционные линии концентрации исследователей на ольфакторной проблематике: изучение ольфакторной лексики, когнитивных механизмов формирования значений ольфакторных номинаций в различных языках, шире – языковая репрезентация концепта «запах», лингвокультурологические аспекты его восприятия носителями различного языкового поля (Т. И. Бельская, В. В. Марцева, Т. И. Русенко, Н. С. Спирина, А. В. Шилина, Н. Ю. Шнякина, О. А. Ярцева); социокультурные аспекты ольфактория, фиксируемые в актуальных дискурсах современного культурного пространства: Интернет-текстах и рекламе (Е. Г. Басалаева, Л. А. Баташева, И. И. Валуйцева, И. П. Джальмамбетова, Н. С. Старченко), практики ольфакторной самопрезентации национально-культурной специфики (Е. Ю. Клещева, Д. П. Матвеева, А. С. Медяков, Л. Г. Сидорчукова); группа ис-

точников, ориентированных на исследование одорического пространства художественной литературы, отраженная в многообразии авторских концепций и вариациях прочтения: вербализация концепта «запах» в творчестве А. П. Чехова (Э. М. Афанасьева, М. Е. Головачева, Л. В. Карасев, М. Е. Поселенов), ольфакторные ассоциации в понимании характера героев И. С. Тургенева (А. А. Бельская, А. Г. Головачева), роль обонятельных предикатов в рассказах И. А. Бунина (К. Н. Галай, Т. А. Тернова, О. Н. Фенчук, А. В. Хлыстова), понимание запаха как сюжетообразующей категории художественного мира В. Набокова (О. Н. Игнатъева, Н. Н. Шабалина), символика ароматов в рассказах И. Бабеля (Р. М. Ханикова), лексическая специфика представленности запахов в произведениях А. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, В. П. Астафьева (В. В. Сальникова), обонятельные темы, мотивы и образы в поэзии И. А. Бродского (А. В. Трифонова), А. А. Ахматовой (М. Н. Кулаковский), В. Нарбута (Н. А. Рогачева) и др.

Представленный выше анализ источников, с одной стороны, позволяет говорить о многообразии исследовательских подходов к постижению феномена ольфакторности, в том числе и в непосредственной обращенности к вариантам фиксации запаха в художественных текстах. С другой стороны, в существующих работах фигурируют своеобразные «зоны исследовательского дефицита»: изучение индивидуально-частных примеров использования одорических образов конкретным автором (или их группой), упущены из зоны внимания общие закономерности, динамика национального прозаического ольфактория, вписанность субъективных способов вербализации запаха в обобщенную модель ольфактория. Именно поэтому столь значимым представляется нам определение и фиксация особенностей ольфактория отечественной словесности (от первых древнерусских текстов до литературы конца классического периода) для создания обобщенной модели ольфактория русской прозы в диахронном аспекте; установление закономерности развития национального прозаического ольфактория в различные периоды развития историко-литературного процесса.

Теоретический анализ отечественной прозы от ее истоков до последних представителей периода эстетического креативизма в контексте ольфакторной поэтики позволил зафиксировать ряд ключевых закономерностей.

Первое. Ольфакторные включения сопровождают русскую словесность на протяжении всего ее существования, сохраняя примерно одни и те же позиции в общем строе поэтики. Это выражается как в соответствии средних показателей ольфакторной плотности (без значительных амплитуд), так и в примерно равномерном распределении ольфакторных фрагментов по историко-литературным эпохам. Таким образом, первая закономерность может быть выражена так: **относительная количественная стабильность ольфактория, проверенная на достаточно репрезентативном по масштабам корпусе текстов.**

Второе. Тематические границы отечественного ольфактория со временем раздвигаются, сохраняя ольфакторное ядро. Прежде всего, это наблюдается в расширении тематического «репертуара» ольфакторных включений в диахронном аспекте, что выражается в относительной тематической «скованности» древнерусской словесности, художественных произведений начального этапа развития классической литературы, а затем в расширении тематики ольфактория в литературе XIX в. В то же время, говоря об ольфакторном ядре, можно утверждать, что отечественный ольфакторий останавливается на определенном наборе одорических тем и не столько вводит новые сферы, сколько «оттачивает» и варьирует уже открытые. Можно выразить эту закономерность следующим образом: **относительная стабильность тематики ольфакторных фрагментов.**

Третье. Для ранних периодов отечественной словесности характерна такая черта ольфакторной поэтики, как клиширование форм, принцип ожидаемости одоризма, тогда как поздний период эстетического креативизма реализует принцип индивидуальной фильтрации ольфакторных впечатлений, подчиненный конкретным задачам отдельного художественного мира. Здесь наблюдается закономерность *индивидуализации ольфакторной поэтики*, осложняющейся возникновением таких явлений, как «ольфакторная мода», ее влияние и варианты дистанцирования авторов от новых клише в этой части поэтики словесности.

Таким образом, три обнаруженные закономерности позволяют сделать выводы о самой модели ольфактория отдельного художественного мира.

К условиям построения ольфактория в отдельном художественном мире (помимо очевидно миметического условия отражения ре-

альности в произведении) можно отнести следующие: наличие культурного шлейфа самой семантики ольфакторных включений. Истоки этого явления – в древнерусской словесности, где, упрощая, мы видим соотнесение благоухания с Благим Духом, а зловония – с присутствием дьявола. Кроме того, значимо, что именно древнерусская словесность впервые репрезентует саму форму «погружения» в запахи, когда человек пассивен, а «благодух» наполняет собой воздух, заслоняя все и вся, заменяя собой остальные явления мира, «отменяя» другие чувства, кроме обоняния. Это «божественное снисхождение» на человека прекрасного запаха вызывает ольфакторный шок, временную смерть – от счастья обонять столь прекрасные ароматы. Уточняя этот базовый образ, древнерусская словесность развивает тему самодостаточности аромата для физического существования человека, подмены ароматом (благоуханием) всех других источников жизни (еды, воды, сна и т. п.). Создаются условия для развития этой базовой темы уже в отрыве от ее «божественного» наполнения. Такой же культурный шлейф имеет и тема зловония. Сопрягаясь с темой запахов ада, «нечистого духа», эта линия развивается по принципу подмены причины и следствия: если злой дух – это запах «врага человечества», то любой дурной запах маркирует нечто темное, inferнальное, опасное.

Другое условие – родовая тенденция эпоса (прозы) к классифицированию и упорядочиванию явлений мира. Ольфакторные впечатления здесь оказываются на периферии (в рамках самой истории литературного процесса) именно в силу своей сложности, трудности для любых классификаций. Однако задача такой классификации обретает самостоятельное художественное значение, несет новизну в самом факте своей реализации. Необходимость упорядочивания ольфакторных явлений и впечатлений оказывается важным «исходным» условием существования ольфактория в отдельных художественных произведениях и прозаическом наследии конкретных писателей.

Третье условие – наличие экстралитературных ограничений в реализации задачи построения ольфактория. К ним следует отнести табуированность физиологизма в произведениях искусства, исторически сложившиеся эстетические нормы, снижающие возможность обращения к антиэстетическим описаниям. Это условие вступает в конфликт со вторым усло-

вием, требующим беспристрастного фиксирования впечатлений и ощущений, в том числе и восприятия грубого физиологизма в ольфакторном аспекте.

Все эти условия можно рассматривать как базис ольфактория, в свою очередь представляющего перед писателем в виде вполне конкретного материала. Во-первых, это сами запахи, подлежащие вербализации. Запахи эти часто синекдохически подменяются предметом, издающим запах. Такая подмена создает иллюзию развития ольфакторной поэтики: расширяются перечни «пахнущих» предметов, но сама языковая способность описания запаха остается в прежнем состоянии. Во-вторых, это впечатления, которые получает субъект, воспринимающий тот или иной запах. Здесь художественное внимание концентрируется на ощущениях, следствиях вдыхания аромата. В-третьих, это свободное пространство любых явлений и событий, в описании которых уместны ольфакторные символы, аллегории, уподобления. Здесь ольфакторный материал вообще не ограничен никакими внешними или внутренними барьерами. Инструменты – последняя составная часть модели. К ним относится весь тот набор средств поэтики, который может использовать автор.

Важнейшая часть наблюдений оказалась связана с установлением смысловой нагруженности ольфакторных фрагментов. Именно смысловая нагрузка определяет значимость ольфакторных фрагментов и в определенном смысле девальвирует количественные наблюдения. Проведенный количественный анализ художественных текстов позволил нам установить стабильность ольфактория, но нельзя утверждать, что с течением времени литература становится все более богатой в ольфакторном аспекте. С другой стороны, такой параметр оценки ольфактория, как его место в общей поэтике художественного произведения, предполагающей в том числе и акцентирование смыслового поля, оказывается особенно значимым. Смысловое поле ольфактория может формироваться в подтексте, а может и быть эксплицитным. В данном случае следует говорить о работе читателя – автор может нанизывать ольфакторные впечатления, чтобы заставить читателя задуматься над ними, открыть для себя скрытую авторскую мысль, а может прямо предложить ему ольфакторную философию, выражаемую с помощью аллегорий, символов, уподоблений, сравнений. В нечастых случаях

«героем» такой философии становится именно запах; чаще можно наблюдать использование ольфакторной риторики для выражения отвлеченных мыслей.

Подытоживая сказанное, следует выделить ряд перспективных линий развития ольфактория отечественной словесности. Прежде всего, нет сомнений, что бесконечным источником творческой интенции будет оставаться языковая ограниченность ольфактория. Кроме того, совершенно ясно, что во всех конкретных презентациях описанной ольфакторной модели литература эстетического креативизма не предлагает собственно описаний запахов (за-

пах какой?). Эта лакуна, несомненно, может стимулировать развитие поэтических средств выражения. Остается незакрытым и неисчерпанным классификатор запахов по источникам (поскольку мир окружающих предметов беспределен), и от предметов, имеющих ярко выраженный аромат, описание должно переместиться в сторону тонких нюансов и деталей запахов. В определенном смысле можно предположить, что сложившийся тематический репертуар запахов может быть успешно рассмотрен с точки зрения определенных доминант, маркирующих «обоняние эпохи».

Список литературы

1. Дроботун, А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова : автореф. дис. канд. ... филол. наук / А. В. Дроботун. – М., 2006. – 24 с.
2. Жаркова, О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Жаркова. – М., 2005. – 22 с.
3. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации / Л. В. Лаенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2004. – № 2. – Филология. Журналистика. – С. 71–77.
4. Манкевич, И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации : монография / И. А. Манкевич. – СПб., 2011. – 712 с.
5. Овчинникова, Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. О. Овчинникова. – Калининград, 2010. – 22 с.
6. Павлова, Н. С. Лексика с семей «запах» в языке, речи и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 18 с.
7. Рогачева, Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX в.: проблемы поэтики / Н. А. Рогачева. – Тюмень, 2010. – 404 с.
8. Свинцицкая, Е. В. Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М. А. Булгакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Свинцицкая. – Самара, 2004. – 18 с.
9. Petter, S. The Smell of Dislocation: Olfactory Imagery in Selected Works of Janette Turner Hospital / S. Petter. – Sydney, 2008.
10. Rindisbacher, H. The Smell of Books. A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature / H. Rindisbacher. – Michigan, 1992. – 371 p.

Сведения об авторе

Зыховская Наталья Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), г. Челябинск.

ladoga122@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 68–72.*

RUSSIAN LITERATURE'S OLFACTORY: METHODOLOGICAL GROUNDS, REGULARITIES AND PROSPECTS FOR RESEARCH

N. L. Zykhevskaya

Southern Ural state university (national research university). ladoga122@gmail.com

This article is devoted to the definition of the methodological bases in the study of olfactory component of Russian literature's prose works. World of odors in the texts studied from the standpoint of the characteristics of their symbolic verbalization and perception. The author points out the patterns of olfactory's development in Russian literature, its function in the dynamics of historical and literary periods, designated by the key reason to create a generalized olfactory model Russian prose in the diachronic aspect.

Keywords: *olfaction, Russian literature, the model, the prospects for researching of odors poetics.*

References

1. Drobotun A.V. *Leksika obonyaniya v yazyke hudozhestvennoj prozy M.A. Sholohova* [Vocabulary smell in the language of fiction Sholokhov]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russ.).
2. Zharkova O.S. *Leksika oshchushcheniya, vospriyatiya i chuvstvennogo predstavleniya kak sredstvo nominacii i predikacii v poemah S. Esenina* [Vocabulary sensation, perception and sense-perception as a means of nomination and predication in the poems of Esenin]. Moscow, 2005. 22 p. (In Russ.).
3. Laenko L.V. Perceptivnyj priznak kak ob'ekt nominacii [Perceptual features as an object of nomination]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of VGU], 2004, no. 2, pp. 71–77. (In Russ.).
4. Mankevich I.A. *Poetika obyknovennogo: opyt kul'turologicheskoy interpretacii* [The poetics of the ordinary: the experience of cultural urological interpretation]. Saint Petersburg, 2011. 712 p. (In Russ.).
5. Ovchinnikova L.O. *Sensornaya leksika kak sredstvo vyrazheniya cennostnoj kartiny mira Y.N. Kuranova* [Touch vocabulary as a means of expressing the value picture of the world Kuranova]. Kaliningrad, 2010. 22 p. (In Russ.).
6. Pavlova N.S. *Leksika s semoj "zapah" v yazyke, rechi i tekste* [Vocabulary meaning "odor" in language, speech and text]. Ekaterinburg, 2006. 18 p. (In Russ.).
7. Rogacheva N.A. *Ol'faktornoe prostranstvo russkoj poehzii konca XIX – nachala XX vv.: problemy poehtiki* [Olfactory space Russian poetry of the end of XIX – early XX centuries : problem of poetics]. Tyumen', 2010. 404 p. (In Russ.).
8. Svincickaya E.V. *Realizaciya hudozhestvenno-ehsteticheskogo potenciala leksiki vospriyatiya v romanah M.A. Bulgakova* [Implementation of artistic and aesthetic potential of language perception in the novels of Bulgakov]. Samara, 2004. 18 p. (In Russ.).
9. Petter S. *The Smell of Dislocation: Olfactory Imagery in Selected Works of Janette Turner Hospital*. Sydney, 2008.
10. Rindisbacher H. *The Smell of Books. A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature*. Michigan, 1992. 371 p.

УДК 82:111:852
ББК 83 (2 Рос = Рус) 6

Л. А. Капитанова

**«ОГЛЯНУТЬСЯ И ПОИСКАТЬ ПРЕЖНЕГО»:
«МАЛЫЙ» УСАДЕБНЫЙ МИР В РОМАНЕ Ю. В. ЖАДОВСКОЙ
«В СТОРОНЕ ОТ БОЛЬШОГО СВЕТА».
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ**

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту – победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук № 14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

Предлагается осмысление содержательной и структурной специфики образа усадебного мира и соположенного с ним усадебного хронотопа на материале романа Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света», их сопряженность с понятиями «патриархальное», обуславливающее ценностные ориентиры усадебного миропорядка, и «идиллическое», продуцирующее в художественно воссозданной картине усадебного мира стихию «усадебного мифа», культивирующего идею усадьбы – райского сада.

Ключевые слова: *усадебный роман, усадебный текст, усадебный топос, усадебный хроно- топ, идиллическое мироощущение, усадебное мироощущение, патриархальность, естественное бытие.*

Автору настоящей статьи ранее приходилось писать о главном и, несомненно, лучшем произведении [6] в творческом наследии Юлии Валериановны Жадовской [7], поэтессы и прозаика 40–60-х гг. XIX в. Тогда речь шла о функции мотива «большого света» в раскрытии характера главной героини названного романа – Генечки, Евгении Александровны, сироты, выросшей в усадьбе родной тетки Авдотьи Петровны и впервые покинувшей ее в шестнадцатилетнем возрасте, отправившись в гости к другой тетке по материнской линии, Татьяне Петровне, живущей в трех днях пути от «мирного уголка» Амилова в Т*** губернии. Теперь же представляется логичным, говоря словами Данарова, одного из трех основных мужских персонажей «В стороне от большого света», «оглянуться и поискать прежнего» [4. С. 159], иначе, поразмыслить над «малым» усадебным миром, который, исходя из повествования, Генечка оставляет дважды, и отсюда дважды рвется «самая главная нить», «привязывавшая» ее к «месту, где все <...> было мило и дорого» [4. С. 203], и в итоге после смерти Авдотьи Петровны, проданному «в чужие руки» [4. С. 266]. Хотя, судя по финалу, дом, «пригревавший» Генечку «столько лет под своим кровом» [4. С. 78], для нее не утрачен навеки: он как бы возрождается, возвращаясь в облике

другого «небольшого светленького чистенького домика», представляющегося героине «уютным, прочным пристанищем» [4. С. 283]: «тихой гаванью, в которой можно укрыться от несовершенства мира» [8. С. 35], «куда вошла» она «хозяйкой и любимой женой» [4. С. 283]. Именно этой в целом обнадеживающей мыслью о незыблемости усадебного «благословенного приюта», сопряженной с общим для всего творчества Жадовской изображением провинциальной усадебной жизни, подобно «оберегу» защищающей сознание героини от разрушительного воздействия «большого» мира – города, светского общества, завершается роман «В стороне от большого света». Между тем не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд, в авторской рефлексии «прежнего» бытия Генечки в его соотнесенности с русской традицией усадебного топоса. Однако в настоящей статье исследуется картина усадебного мира в романе Жадовской в целом. Что же касается неоднозначности транскрипции писательницей усадебной идиллии, то об этом речь пойдет во второй статье, посвященной проблеме своеобразия «усадебного текста» «В стороне от большого света».

Следует отметить, что данный роман, безусловно, является каноническим «усадебным текстом» с его «усадебной» мотивной, сюжет-

ной, образной системой и доминирующим в повествовании усадебным (по М. М. Бахтину, «идиллическим») хронотопом, способствующим художественной передаче «состояния счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы» [10. С. 318] и отсюда продуцирующим в «усадебном тексте» стихию «усадебного мифа», согласно которому усадьба мыслится как райский сад, Эдем [10].

Вместе с тем образ усадьбы в «усадебном тексте» представал и в непосредственной соотнесенности с ценностно-смысловой основой дворянской усадьбы как одного из ключевых феноменов общерусской культуры, воплощающего не только особую социокультурную реальность, но и «самостоятельную жизненную стихию, обладающую собственной внутренней энергией, своими имманентными законами развития» [9. С. 11]. Подобное восприятие усадьбы и усадебной жизни в целом выступает содержательным и структурным стержнем авторской модели «малого» усадебного мира в романе «В стороне от большого света». Тем более что Жадовской, в силу ее физической обреченности на сельское затворничество, на существование в домашнем кругу, жизнь в усадьбе действительно представлялась некоей жиздительно-основой, равновеликой материнскому лону с его благодатными лелеющими токами, пребывающей в положенных пределах и отведенных возможностях.

Но, главное, как известно, миру усадьбы свойственна единая система ценностей, патриархальных по своей сути, которая делает этот мир незыблемым и тем самым способствует сохранению его первозданности и которую в романе Жадовской, как и в любом другом «усадебном тексте», например, в «Детских годах Багрова внука» С. Т. Аксакова, воплощает идиллический хронотоп, отражающий особую взаимосвязь пространства и времени. Выражением последней в данном случае является «органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту»: «к родным полям, реке, лесу, к родному дому» [1. С. 258], в чьих стенах всегда соседствуют поколения людей, – как в усадьбе Амилово, где рядом со своей тетушкой Авдотьей Петровной счастливо подрастает Генечка – единые и нераздельные, несмотря на, казалось бы, протянувшиеся между ними годы. Хотя, как отмечает М. М. Бахтин, идиллическое (усадебное) «единство места» заметно смягчает все грани времени, что

«существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [1. С. 258–259], отчетливо проступающей в «усадебном тексте» в картинах сменяющихся времен года, мерном жизненном круге родин, свадеб и похорон. Безусловно, все это находит место и в романе Жадовской «В стороне от большого света», развивающем мысль о связи человеческой жизни с жизнью природы [1] как одним из главных ценностных ориентиров мира усадьбы, сопряженным с представлением о естественном бытии на лоне природы.

Именно отсюда проистекает стремление авторов «усадебных текстов» подчеркнуть простоту и незатейливость и самой сельской усадьбы, и жизни в ней. Непосредственным подтверждением этому служит панорама родных мест, «считываемая» взором истосковавшейся по дому Генечки («Все ближе и ближе подвигалась я к Амилову. Уже замелькали в вечернем сумраке знакомые деревни; вот повернули в сторону и поехали по косоугору над замерзшею речкой; миновали мостик, ведущий на мельницу; нырнули в огромнейший ухаб под ближайшею деревушкой; окна изб светились огнем, бросая розовый блеск на снег; в воздухе потянуло чем-то родным; какая-то особенная тишина веяла над этой уединенною стороною. Еще четверть версты – и Амилово, осененное высоким садом своим, открылось моим глазам» [4. С. 111]), в которой все предстает обыденным, заземленным (косоугор, замерзшая речка, мостик, мельница, огромнейший ухаб, избы), являя собой типичное деревенское пространство. Но одновременно исходящие от этой панорамы свет («окна светились <...>, бросая розовый блеск на снег»), покой («какая-то особенная тишина веяла над этой уединенною стороною»), ощущение близкого счастья («в воздухе потянуло чем-то родным») способны вызвать в читательском сознании образ возвращенного Рая, к тому же как бы «материализовавшийся» в открывшемся глазам героине Амилово, «осененном высоком садом».

Однако подобное снижено-опрошенное попадание в «райское место»: по косоугору и мостику, а дальше через ухаб – только на первый взгляд выглядит парадоксальным, ибо традиционно в «усадебных текстах» сочетались бытовая конкретика, достоверность и идеализация усадебной жизни [5]. Данному сочетанию сполна соответствует авторское внимание к вещественным мелочам, составляющим каждодневное бытие обитателей усадьбы и одно-

временно отражающих благоденствие этого бытия. В этом отношении симптоматично описание комнаты тетушки Генечки, пространство которой, заполненное незатейливыми обиходными предметами («кровать, ширмы, столик с ее кружкой и табакеркой, любимый темный капот, висевший на ширмах, кресло с истертым сафьяном на ручках и спинке», «освещало» «безмятежным светом» «ясное февральское утро» [4. С. 205]). И кажется, сошлись воедино простая материя жизни и льющаяся с небес светоносная сень, теплом своим сберегающая заповедное земное место, на радость и счастье дарованное людям.

Замечание об осененном небесным светом усадебном «месте» отнюдь не надумано. В романе Жадовской отчетливо просматривается мотив солнечного света: «солнце сквозь промытые стекла еще ярче озаряло вечерними лучами комнаты» [4. С. 114], Генечка смотрит на зелень сада, «облитуя таким чудесным солнечным светом», небо «сияет такую чистую, безоблачную лазурью» [4. С. 138].

Также зачастую в связке с мотивом света в повествовании присутствует мотив ветра (ветерка), превращающего усадебное пространство в истинный райский уголок, напоенный сладчайшими ароматами: «ветер, врывающийся в открытые окна, доносил благоухание цветущих лип <...> и тонкий запах резеды», приводил в легкое движение «разросшиеся кусты сирени», ветки которых «касались рамы окошка и будто просились в комнату» [4. С. 138]. И все это чарующее запахи царство как бы заключала собою в магический круг «струя благовонного воздуха», что «неслась» из «цветников» сада [4].

Но одновременно автор допускает и иную тональность в изображении усадебной бытовой конкретики, позволяя себе открыто улыбнуться относительно увиденных в доме тетушки Генечки «портретов Суворова и Цицерона», которые «красовались над диванами в гостиной» [4. С. 112], совсем как портрет Суворова в домике родителей Базарова. Но там присутствие последнего было вполне оправдано военным прошлым Василия Ивановича, полкового лекаря. И что могло послужить причиной появления этого портрета, не говоря уже о портрете Цицерона, в доме Авдотьи Петровны, девицы шестидесяти лет, которая до старости «заливалась слезами над произведениями Августа Лафонтена и других чувствительных писателей и с трепетом следила за ужасами «Удольфских

тайнств» [4. С. 6]? Однако лучше Суворов и Цицерон на стене сельской усадьбы в соседстве со скворцом, спавшим в своей клетке, «завернув головку под крылышко», и дымчатой кошкой на стуле у печки, чем портреты в городском особняке Татьяны Петровны: «большой частью мужчины в екатерининских и павловских мундирах», «лишенные малейшего выражения жизни» и «угрюмо глядевшие из темного фона», от которых портретная комната принимала «довольно мрачный характер» [4. С. 83]. Все лучше простой тетушкин дом «с худым забором, колодцем с двумя покривившимися столбами» [4. С. 173], чем «пустые и мрачные парадные комнаты дома» городской тетки, «вся жизнь которого сосредоточилась в тепличной девичьей, где при сальной нагоревшей свече слышались смех и громкие голоса горничных» [4. С. 99].

Но не только добротой, теплотой и светом, и даже своими запахами (как говорит Аркадий Кирсанов, оказавшись в родительской усадьбе Базарова: «А я люблю такие домики <...> старенькие да тепленькие; и запах в них какой-то особенный») противостоит усадьба Авдотьи Петровны холоду и чопорной замкнутости дома ее городской сестры.

Деревенская усадьба с ее «жизнью тихой, как пустыня, и светлой, как ручей в ясную погоду» [4. С. 112], несуетной, размеренной, свернутой, сосредоточенной на самой себе, одновременно пронизана глубокими токами: нет, не большой жизни города, но жизни вселенской, что уводит, прежде всего, взгляд, душу в открытые пространства – по дороге, вдаль, к горизонту, в бесконечность земли и неба, отчего душа неожиданно делается объемной, пронизанной мечтами, идеалами, наконец, высшими смыслами бытия, что, собственно, и произошло с усадебной барышней Генечкой, которая однажды увидела «сквозь забор» «таинственную синеву дали», «ленту дороги» [4. С. 20] и потянулась в этот природный и одновременно душевный простор. И Жадовская, сполна сознавая, что высокими мечтаниями героини она, по сути, решается на художественное преодоление идиллического топоса, не отказалась от авторского решения переступить границы «малого» усадебного мира, а с ними и «усадебного текста», чтобы вместе с Генечкой читатель очутился в «большом» свете, на деле оказавшемся не более чем большой обман, иллюзия огромности, великости [6], к которой была устремлена душа мечтательницы, не на-

шедшая здесь того, что ясно представлялось ей, виделось ее «внутренним зрением» в малых пределах усадебного мира.

Возвращение в прежнее усадебное существование для героини стало возможным благодаря тому, что Генечка, переступив пространство «малого» усадебного мира, не перестала жить его временем. Важнейшей же особенностью усадебного «хроноса» является постоянная память о прошлом. Отсюда объяснима неразлучность Генечки, несмотря на долгое отсутствие, с любой мелочью усадебного бытия, а потому ее трогательная встреча со всем по-прежнему родным, будь то старая мебель («Потом прошла в гостиную <...> Полосатые диваны и стулья с прорезными спинками стояли в чинном порядке <...>» [4. С. 205]), знакомые с детства портреты («портреты Цицерона и Суворова безжизненно красовались по боковым сторонам, а на средней – как-то особенно улыбалась напудренная головка хорошенькой молодой женщины, – это был портрет тетушкиной подруги, умершей в молодости» [4. С. 205]), старые липы в саду, наконец, ушедшие дорогие сердцу люди («все было на своем месте, все веяло таким свежим воспоминанием, все было еще так полно ее (тетушки Авдотьи Петровны. – Л. К.) недавним присутствием, что становилось почти страшно, почти невероятно подумать, что она зарыта в темной, холодной могиле. Мне казалось, что она со мной, что мысль ее говорила со мной... <...> я горько и безутешно зарыдала» [4. С. 205]).

Авдотья Петровна, наряду с Генечкой, является заглавной героиней романа «В стороне от большого света» в силу его принадлежности к «усадебному тексту», в котором усадьба в соответствии с патриархальными традициями воплощала характер и дух ее хозяина [5. С. 58–71], а в особенности хозяйки, женщины – издревле хранительницы дома. В этом отношении показательно, что хотя тетушка имела чувствительную натуру и по этой причине, например, «была влюблена однажды, на всю жизнь» [4. С. 6], однако ее «чувствительность не распространялась у нее на все без разбора, кстати и некстати» [4. С. 6–7]. Так, в повседневной усадебной жизни Авдотья Петровна «во многих случаях обнаруживала ум ясный и практический» [4. С. 7], что помогало ей счастливо избегать тщеславия («Она не любила задавать тон, то есть казаться выше того, что есть <...>» [4. С. 7]), а главное, внешней парадности, о чем свидетельствует ее нелюбовь

к чепцам: «они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепец являлся на ее голове только по воскресеньям или по случаю какого-нибудь редкого визита <...> богатой соседки» [4. С. 7]), чего нельзя сказать о Татьяне Петровне: «Дома, одна, она была всегда, как при гостях, разодета, надушена» [4. С. 49]. Это подтверждает и Марья Ивановна, соседка Авдотьи Петровны, мать Лизы, подруги Генечки, отзываясь о порядках в доме Татьяны Петровны: «Всем бы хорошо, да церемонно больно <...>» [4. С. 89]). Действительно, «церемония» здесь царит во всем, даже когда встречают близкую родственницу: городская тетка «поцеловала» Генечку «холодно и чопорно» [4. С. 83].

Что же касается усадьбы в Амилово, то в ней, как и заведено в патриархальном доме, господствует атмосфера радушия, гостеприимства, хлебосољства, причем в равной степени распространяющегося и на родного человека, и на прислугу, и на соседа.

Характерно, что ближайшие соседки Авдотьи Петровны были «все бедные, у самой богатой считалось не более пяти душ» [4. С. 7], она же чувствовала себя «между ними, как в своей семье», что имело, по сути, единственное объяснение: «Они искренне любили ее, и тетушка платила им тем же» [4. С. 7]. Аналогичные отношения сложились у хозяйки амиловской усадьбы и с прислужгой, в особенности с ключницей Федосьей Петровной, сполна разделяющей горести и радости Авдотьи Петровны, искренне заботящейся о старой барыне.

На этом фоне совсем иной выглядит обстановка в доме Татьяны Петровны, «где самые привязанности были холодны и странны и выражались с какою-то боязнью и принужденностью» [4. С. 89]. Чего только стоит компаньонка госпожи Анфиса Павловна, о которой предупреждает Лиза Генечку: «Ты <...> будь с ней осторожна <...> – это такая змея, сейчас насплетничает» [4. С. 86]. Кроме сплетен и доносов в окружении Татьяны Петровны властвуют непреходящие хандра и скука, родственные «антиидиллии», которые порождают «однообразие <...> дней, вечера, посвященные картам», а главное, «вечно одни и те же Нил Иваныч и Антон Силыч» [4. С. 266].

Но тогда почему не приходится говорить о хандре и скуке усадебной идиллии, ведь занятия «ближнего круга» Авдотьи Петровны в принципе ничем не отличаются от времяпрепровождения в доме ее сестры: то же «однообразие дней», те же «вечера, посвященные кар-

там» и «вечно одни и те же Марья Ивановна и Катерина Никитишна»? В данной ситуации все дело в безусловных ценностях, которыми живет патриархальный усадебный мир, в первую очередь поверяя себя мерой естественного бытия с присущим ему течением, тихим и неспешным. Как говорит о подобном существовании Федор Лаврецкий, герой другого «усадебного текста», вступивший в жизненный «круг» «деревенской глуши»: «жизнь текла неслышно, как трава по болотным травам». Отсюда «kozyри» да «ремизы» Катерины Никитишны и Марьи Ивановны [4], их «вечный разговор» с тетушкой «о хозяйстве и других близких к нему предметах», например, о сенокосе («Экая благодать! – сказала Катерина Никитишна, – что за погодка стоит! С сенокосом без горя управимся». – «Не худа бы дождичка», – промолвила Марья Ивановна. – «Не худо бы, конечно, да ведь росы большие, – травку то и поправляют. У вас где косят, родная?» – спросила она тетушку» [4. С. 145), неиссякаемая «разнообразнейшая закуска» и «чай со сливками» – все это «в силу какого-то непреложного внутреннего закона» [2. С. 132], твердо установившегося склада, верные приметы незамысловатого [3], но при этом исполненного величавого покоя земного существования в близком соседстве с жизнью природы. Однако примечательным является и то, что в подоб-

ном подчеркнуто простом проживании дней и лет неизменно присутствует невероятная энергия доброты, участия, жизнелюбия, любви и тепла. И воплощают ее в «усадебном тексте» Жадовской, небезызвестные читателю Катерина Никитишна, которая «имела удивительную способность плакать о чужом горе больше, чем сами огорченные» [4. С. 80], и поистине «эпикурейская натура» Марья Ивановна, что «любила», но главное, умела «пропускать свет во все мрачные уголки существования» [4. С. 204], отчего «когда она являлась к тетушке <...> казалось, <...> все в комнате оживало и веселело» [4. С. 55].

Собственно, «на глазах» «этих добрых людей» [4. С. 79] и подрастает Генечка, во всех отношениях усадебная барышня и, стало быть, «прямой» персонаж «усадебного текста». Между тем именно образ Генечки во многом обусловит специфику авторской проекции усадебной «Аркадии» и, прежде всего, отношение Жадовской к возможности обретения идиллического «прежнего» бытия, возвращения в него. Или же, как писал Майкл Ондатже, «прошлое бездверно» («Дивисадеро»)? Но тогда какими смысловыми обертонами обрастает счастливый финал романа и насколько можно считать его таковым? Размышления над этими вопросами составят содержание второй статьи по заявленной проблематике.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986. – 543 с.
2. Головин (Орловский), К. Ф. Русский роман и русское общество / К. Ф. Головин (Орловский) // Цит по: Савина, Л. Н. Идиллический хронотоп дворянской усадьбы и его отражение в автобиографических произведениях С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука» / Л. Н. Савина // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2012. – Вып. 4, т. 68. – С. 132–136. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/idillicheskiy-hronotop-dvoryanskoy-usadby-i-ego-otrazhenie-v-avtobiograficheskikh-proizvedeniyah-s-t-aksakova-semeynaya-hronika-i-detskie.html>.
3. Домников, С. Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество / С. Д. Домников. – М., 2002. – 672 с. – URL: <http://www.twirpx.com/file/242408/>.html.
4. Жадовская, Ю. В. В стороне от большого света / Ю. В. Жадовская // Жадовская, Ю. В. В стороне от большого света. Отсталая / Ю. В. Жадовская. – М., 1993. – 368 с.
5. Зыкова, Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции / Е. П. Зыкова // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры. – М., 1998. – С. 58–71. – URL: <http://www.philology.ru/literature2/zykova-98.html>.
6. Капитанова, Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света» / Л. А. Капитанова // «Забытое» и «второстепенное» в жанре романа XVIII–XX вв.: монография. – Псков, 2010. – С. 123–162.
7. Капитанова, Л. А. Юлия Валериановна Жадовская / Л. А. Капитанова // Жанр романа в литературном процессе XIX–XX вв.: «забытое» и «второстепенное». – Псков, 2011. – С. 45–67.

8. Панофски, Э. «Et in Arcadia ego»: Пуссен и элегическая традиция / Э. Панофски // Новое литературное обозрение. – М., 1998. – № 33. – С. 30–50.
9. Стернин, Г. Ю. Об изучении культурного наследия русской усадьбы / Г. Ю. Стернин // Русская усадьба. – 1996. – Вып. 2 (18). – С. 10–15.
10. Щукин, В. Г. Российский гений просвещения / В. Г. Щукин. – М., 2007. – 608 с.

Сведения об авторе

Капитанова Людмила Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью и журналистики Псковского государственного университета. kapitanovala@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 73–79.*

«LOOKING BACK AND SEARCHING FOR THE PREVIOUS»: «SMALL» COUNTRY ESTATE WORLD IN Y. V. ZHADOVSKAYA'S NOVEL «AWAY FROM SOCIETY». PAPER ONE

L. A. Kapitanova

Pskov State University. kapitanovala@rambler.ru

The article deals with text representation of estate world and estate chronotopos in the novel “Clear of the Big World” by Y. V. Zhadovskaya. The above notions are analyzed in their contingency with such notions as “patriarchal” and “idyllic”. Estate world values stem from patriarchal society systems and the estate world is represented in the book as the Eden, as an ideal garden which reproduces a traditional myth of Aidenn. The scholar pays special attention to the means employed by the author to strengthen the aesthetic value of the estate world, as well as to convey and emphasize the thought that ideal and patriarchal components of estate everyday routine have got a lot in common. The embodiment of this “peaceful and quiet location” is the estate where the main character lives. Her name is Genechka, she is an orphan who is raised by a warm-hearted auntie.

The scholar analyzes by-motives of sun (sky) light and wind (gale) which model the “paradise” space of Amilov, the estate described in the novel. The space which is depicted in the book is full of everyday concrete objects. On the one hand, such details as a small river, a bridge, a mill, a shabby fence, poorly decorated rooms, etc. turn the Paradise into a material location. On the other hand, they confirm the idea of simple and natural life deep in the country which, in its turn is treated, as the main value of the estate world of the book. The image of the idyllic world is further developed by the description of everyday routine in the house Avdotia Petrovna, the description of the hostess and people next to her.

Keywords: *country estate novel, country estate text, country estate topos, country estate chronotope, idyllic world perception, patriarchal character, natural being.*

References

1. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary criticism]. Moscow, 1986. 258 p. (In Russ.).
2. Golovin (Orlovskii) K.F. *Russkii roman i russkoe obshchestvo* [Russian novel and Russian society]. Savina L.N. *Idillicheskiĭ khronotop dvoryanskoĭ usad'by i ego otrazhenie v avtobiograficheskikh proizvedeniyakh S.T. Aksakova «Semeĭnaya khronika» i «Detskie gody Bagrova vnuka»* [Idyllic chronotope of family estate and its representation in autobiographic books «Family chronicle» and «Childhood years of Bagrov's grandson» by S.T. Aksakov]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University], 2012, iss. 4, vol. 68, p. 132. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/idillicheskiy-hronotop-dvoryanskoj->

usadby-i-ego-otrazhenie-v-avtobiograficheskikh-proizvedeniyah-s-t-aksakova-semeynaya-hronika-i-detskie.html. (In Russ.).

3. Domnikov S.D. *Mat'-Zemlya i Tsar'-Gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo* [Mother-Earth and Tsar-City. Russia as a traditional society]. Moscow, 2002. 672 p. Available at: <http://www.twirpx.com/file/242408/>.html. (In Russ.).

4. Zhadovskaya Yu.V. V storone ot bol'shogo sveta [Away from the Society]. Zhadovskaya Yu.V. *V storone ot bol'shogo sveta. Otstalaya* [Away from the Society. A retrograde girl]. Moscow, 1993. (In Russ.).

5. Zykova E.P. Poema o sel'skoj usad'be v russkoj idillicheskoj traditsii [A poem about a country estate in idyllic Russian tradition]. *Mif. Pastoral'. Utopiya. Literatura v sisteme kul'tury* [Myth. Pastoral. Utopia. Literature in the system of culture]. Moscow, 1998. Pp. 58–71. Available at: <http://www.philology.ru/literature2/zykova-98.html>. (In Russ.).

6. Kapitanova L.A. Kontrapunkt «chuvstvo-rassudok» kak avtorskaya strategiya v romane Yu.V. Zhadovskoj «V storone ot bol'shogo sveta» [The counterpoint of «sense and sensibility» as the author's strategy in the novel «Away from the Society» by J.V. Zhadovskaya]. «Zabytoe» i «vtorostепенное» v zhanre romana VIII–XX vv. [«Forgotten» and «minor» in the genre of novel in VIII–XX centuries. Pskov]. Pskov, 2010. Pp. 123–162. (In Russ.).

7. Kapitanova L.A. Yuliya Valerianovna Zhadovskaya. *Zhanr romana v literaturnom protsesse VIII–XX vv.: «zabytoe» i «vtorostепенное»* [The genre of novel in the literary process in VIII–XX centuries: «Forgotten» and «minor». Teaching manual]. Pskov, 2011. Pp. 45–67. (In Russ.).

8. Panofski E. «Et in Arcadia ego»: Pussen i elegicheskaya traditsiya [«Et in Arcadia ego»: Poussin and elegian tradition]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1998, no. 33, p. 35. (In Russ.).

9. Sternin G.Yu. Ob izuchenii kul'turnogo naslediya russkoj usad'by [About studying of the cultural heritage of Russian Estate]. *Russkaya usad'ba* [Russian estate], 1996, iss. 2 (18), p. 11. (In Russ.).

10. Shchukin V.G. *Rossiiskij genij prosveshcheniya* [The Genius of the Russian Enlightenment]. Moscow, 2007. 608 p. (In Russ.).

УДК 81-139
ББК 76.01

Б. Н. Кишин

КРИЗИС: НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Рассматривается положение, когда в условиях кризиса страдает не только экономика средств массовой информации, но и нематериальная сфера их деятельности. Анализируются потери такого рода и их вероятные последствия для российской прессы. Предлагается способ решения возникающих проблем.

Ключевые слова: кризис, читательское доверие, сервильность, антикризисные меры.

Экономический кризис, в очередной раз поразивший Россию, наибольший урон нанес отечественной медиаиндустрии. Ее повышенная чувствительность к кризисным явлениям объясняется особенностями бизнес-модели большинства средств массовой информации. Их доходы в значительной степени формируются за счет публикации рекламы. Между тем в кризис компании, составляющие пул рекламодателей, стремясь оптимизировать расходы, обычно в первую очередь сокращают расходы на рекламу. По многочисленным свидетельствам российских медиаменеджеров, в январе-марте 2015 г. падение рынка рекламы составило 20–30 %. Соответственно уменьшилась доходная часть бюджета средств массовой информации.

Ощутимое следствие кризиса – значительный рост стоимости полиграфических услуг, обусловленный снижением курса рубля относительно доллара и евро, которые используются для покупки расходных материалов (типографская краска, печатные пластины и др.). Это еще один серьезный удар по отрасли, прежде всего по печатной прессе. Серьезно пострадала она из-за отмены государственных дотаций «Почте России», повлекшей существенное удорожание подписки и снижение тиражей. Негативно сказывается на ее состоянии угасание системы розничных продаж: из различных городов постоянно поступают сведения о закрытии газетных киосков.

Результат кризисных явлений очевиден: падают объемы продаж периодической печати, снижается прибыльность средств массовой информации, растет их финансовая зависимость в связи с постоянной задолженностью перед контрагентами, все чаще мы слышим о банкротстве издателей и распространителей прессы. Уже немало изданий перестали существовать или существуют только в интернете.

Среди них есть весьма крупные. Так, о вероятном прекращении печатной версии объявила редакция «Новой газеты» [6].

Кризис наносит российской прессе серьезные нематериальные потери. Их отрицательный эффект может быть более глубоким и продолжительным, простирающимся далеко за рамки кризисного периода.

Так, оценивая возможные последствия закрытия «Новой газеты», исполнительный директор Ассоциации распространителей печатной прессы Александр Оськин отметил угрозу плюрализму мнений в обществе [8]. Если не станет «Новой газеты», информационное поле России действительно обеднеет, будет не столь разнообразным. Часть читателей не получит информации, необходимой им для критического осмысления действий властных структур. Кстати, сами представители власти не видят такой опасности. Пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков, например, в ситуации с «Новой газетой» увидел только экономическую проблему [3].

Судьбу «Новой газеты» с высокой долей вероятности могут разделить независимые региональные газеты, теле- и радиокomпании, проводящие самостоятельную редакционную политику, отличную от редакционной политики официальных СМИ. В некоторых регионах они полностью отстранены от бюджетных средств, которые используются для поддержки только «своих» газет. «Чужие» ничего не получают потому, что иногда критикуют власть, приводят альтернативные точки зрения на актуальные проблемы, публикуют острые письма читателей. Если кризис затянется и углубится, они перестанут существовать. Останется только пресса, которая пишет о действиях власти одобрительно, говорит, что все у нас хорошо. Так писала советская пресса, и мы знаем, чем

все это закончилось. Как справедливо замечает вице-президент группы компаний «Михайлов и партнеры», в недавнем прошлом известная телеведущая Марианна Максимовская, «введение единомыслия подразумевает очень скорое введение продуктовых карточек» [3].

Кстати, бюджетные деньги, распределяющиеся по принципу «свой-чужой», как правило, не по-хозяйски используются. При этом никого не заботит отдача от вложенных средств, качество публикаций, уровень читательской востребованности дотируемых изданий. Какие могут быть расчеты между «своими»? В результате нередко они не реализуются даже по бросовым ценам, их мало кто берет в точках бесплатного распространения, тираж едва ли не 100-процентно списывается. Бюджетные деньги, таким образом, расходуются впустую, что особенно недопустимо в кризисные времена.

Еще одна проблема заключается в том, что кризис «отменяет» важные журналистские стандарты, нормы профессиональной этики. Приведу пример из практики западной прессы, которая тоже переживает кризис, правда, главная причина его иная – высокий уровень проникновения интернета и цифровых технологий. К тому же данный пример очень точно иллюстрирует актуальную тенденцию. Вот что говорит сотрудник Института изучения журналистики Reuters Ник Ньюман: «Нативная реклама и спонсированный контент практически вытесняют традиционные рекламные блоки. «Пусть реклама будет выглядеть как контент, а еще лучше сама будет ценным контентом» – вот новая мантра» [9].

Нативная (естественная) реклама – это способ, которым рекламодатель привлекает к себе внимание в контексте газетной полосы, интернет-сайта и другой площадки. Она «вплетается» в основной поток контента и, в отличие от обычных рекламных публикаций, полностью соответствует ему. Один из видов естественной рекламы – спонсируемая каким-то брендом статья, по форме напоминающая обычную редакционную публикацию; она платная, но размещается среди нерекламного контента. В результате она не идентифицируется как рекламная, по форме сливается с другими материалами.

В обиходе российских журналистов «нативная реклама» называется «джинса» или «заказуха». Известно, чем она угрожает журналистике – утратой читательского доверия, манипулированием. Еще не так давно журна-

листское сообщество все это осуждало, хотя, надо признать, до конца от этого никогда не отказывалось. В кризис – ни слова осуждения. Редакции ничем не гнушаются, только бы выжить. Не только в России, но и, как видно, на Западе тоже.

Впечатление такое, будто у прессы нет будущего или ее совершенно не волнует, каким оно будет. Если после кризиса – финансового или вызванного цифровой революцией – она сумеет сохраниться, ей придется расплачиваться за вопиющие нарушения профессиональных стандартов. У российской прессы есть подобный печальный опыт. В 90-е гг. XX в., когда этические нормы и журналистские стандарты в нашей стране еще только формировались, скрытая реклама была повсеместным явлением. Это настолько сильно отпечаталось в сознании аудитории, что читатели, зрители и слушатели до сих пор убеждены, что любую публикацию в СМИ необходимо оплачивать. Они очень сильно удивляются, когда в редакции им говорят, что платить нужно только за рекламу, а за обычную публикацию, наоборот, им положен гонорар. Новейшая кризисная практика еще больше укрепит их представления о том, что все публикации в прессе платные, они отражают интересы их заказчиков, и ничего объективного в средствах массовой информации быть не может.

Между тем существует статья 16 Закона о рекламе, запрещающая размещение рекламных материалов без пометок «на правах рекламы» или «реклама». Федеральная антимонопольная служба регулярно публикует результаты проверок различных редакций и издательств. При этом постоянно выявляются нарушения Закона о рекламе, касающиеся публикации рекламных материалов без специальных пометок. За данное нарушение рекламного законодательства предусмотрен штраф в размере от 100 до 500 тысяч рублей. Но дело не только в деньгах, хотя для бюджета независимой газеты это серьезный урон. Не менее серьезно то, что пресса находится в положении нарушителя закона. Ее миссия – стоять на его страже, выявлять и предавать гласности общественно опасные случаи его нарушения. Трудно это делать, если сам его нарушаешь. Для этого у самих журналистов руки должны быть чистыми.

Кризис ведет к росту сервильности российской прессы. Мечта любой редакции (особенно в кризис) – заключить договор об информационном обслуживании с государственной или

муниципальной структурой, с крупной частной компанией. Финансовая составляющая таких контрактов – миллионы, нередко десятки миллионов рублей. Можно совершенно определенно сказать: несмотря на регламентированную законом процедуру заключения таких контрактов (это касается государственных и муниципальных органов), никогда его не получит СМИ, позволяющее себе серьезную – пусть и обоснованную – критику этих органов.

Это правило – только еще жестче и безжалостнее – действует в отношении крупных частных компаний и корпораций. Критиковал – забудь о возможности совместной работы.

Это исключает из практики СМИ расследования, принципиальную аналитику, дискуссии, а порой даже простые упоминания о негативных, с точки зрения их партнеров, событиях. Примеров такого рода очень много. Силовики арестовывают за многомиллионную взятку большого чиновника, а СМИ, имеющие с его организацией договор об информационном обслуживании (официальные – прежде всего), молчат, как будто ничего не происходит. О правде своей аудитории на достоверную информацию никто не вспоминает.

В то же время в соответствии с контрактом на информационное обслуживание читателей (зрителей и слушателей) СМИ информируют о каждом – даже самом малозначительном – шаге контрагента, каждом его слове, любая положительная информация о нем преподносится как достижение. Понятно, что говорить об объективной картине мира в данном случае не приходится.

Думается, что примерно такое же объяснение имеет необычайный расцвет пропаганды, характерный для последнего времени. Чтобы иметь достойный бюджет, журналисты забывают профессиональные стандарты и этические нормы, ради денег они готовы буквально на все.

Медиасообщество настойчиво ищет пути решения проблем, порожденных кризисом.

Этой задаче посвящаются медиафорумы, совещания, многочисленные публикации в профессиональных изданиях. Редакциям предлагается урезать расходы на выпуск СМИ, выдвигаются просьбы к правительству поддержать их путем установления льготных тарифов на распространение, либерализовать отечественный рынок рекламы, вернув в печатные СМИ рекламу алкоголя, табака и медицинских препаратов. Революционное и, скорее всего, неосуществимое предложение государственным органам – отказаться от адресной финансовой помощи выборочным (правительственным, губернаторским) изданиям и перейти к косвенной поддержке всех СМИ (кроме рекламных и эротических). Большие надежды возлагаются на президента, который после обращения к нему группы московских редакторов дал поручение правительству подготовить предложения по поддержке печатных СМИ.

Нетрудно заметить: вектор поиска – преимущественно экономический. Между тем у прессы есть свой, присущий только ей действенный способ борьбы с кризисом. В сложное кризисное время средствам массовой информации особенно важно предложить обществу высококачественный, яркий, актуальный и убедительный контент, подготовленный с учетом этических норм и профессиональных стандартов. СМИ в этом случае неизбежно будут привлекать внимание публики, частью которой являются предприниматели, они же – рекламодатели. Это весомый повод для активизации сотрудничества с ними: предприниматели предпочитают иметь дело с газетой, о которой говорят, которая находится в центре внимания общественности. Все это 100-процентно касается подписчиков и розничных покупателей газеты, которые в совокупности формируют значительную часть доходов издания. Во всяком случае, надо попытаться использовать этот ресурс, который, в отличие от антикризисных мер экономического характера, целиком во власти журналистов и медиаменеджеров.

Список литературы

1. Дмитрий Песков связывает закрытие печатной версии «Новой газеты» исключительно с экономическими трудностями. – URL: <http://www.arpp.ru/2009-01-28-14-46-10/275367-dmitrij-peskov-svyazyvaet-zakrytie-pechatnoj-versii-novoj-gazety-isklyuchitelno-s-ekonomicheskimi-trudnostyami.html>.
2. Доктор, К. Ньюсономика: Двенадцать трендов, которые изменят новости / К. Доктор. – М., 2013. – 352 с.

3. Журавлева, Е. «Мне писали, что я – жидобандеровка»: Марианна Максимовская о границах дозволенного для власти, цензуре и пропаганде, Рамзани Кадырове и собачках с георгиевскими лентами / Е. Журавлева. – URL: <http://ura.ru/articles/1036264655>.
4. Иваницкий, В. Л. Модернизация журналистики: методологический этюд / В. Л. Иваницкий. – М., 2010. – 360 с.
5. Лозовский, Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации : монография / Б. Н. Лозовский. – Екатеринбург, 2011. – 216 с.
6. Макарова, Е. «Новая газета» отказывается от печатной версии / Е. Макарова, П. Белавин, И. Барабанов // Ассоциация распространителей печатной продукции. – URL: <http://www.arpp.ru/2009-01-28-14-46-10/275350-novaya-gazeta-otkazyvaetsya-ot-pechatnoj-versii.html>.
7. Мартынов, Д. В. Рынок печатных СМИ на переломе. Зарубежный опыт / Д. В. Мартынов, А. В. Оськин. – М., 2009. – 212 с.
8. Оськин, А. «Новая газета» планирует закрыться, и это может стать большой проблемой для власти. – URL: <http://alexander-oskin.livejournal.com/?skip=10>.
9. Рябова, Я. Прогноз от Reuters. Медиа, журналистика и технологии в 2015 году / Я. Рябова // Журналист. – 2015. – № 2. – С. 47.

Сведения об авторе

Киршин Борис Николаевич – кандидат филологических наук, декан факультета журналистики Челябинского государственного университета, главный редактор газеты «Челябинский рабочий».

editinchief@chelrabochy.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 80–84.*

CRISIS: NON-FINANCIAL LOSSES OF RUSSIAN PRESS

B. N. Kirshin

Chelyabinsk State University. editinchief@chelrabochy.ru

In times of crisis there are not only economic difficulties in mass media, but also non-financial losses. Such losses and their possible consequences for the Russian press are researched in the article. These problems are the limitation of freedom of press by financial instruments, when the mass-media have to stop their activity because the state editions artificially dominate on the market. The independence press cannot compete with these editions because they have budget support and do not need to be interesting to their audience. But in this situation the Russian press generally can lose its professional standards and then it will be difficult to reanimate all field of the Russian mass-media. The author suggests some ways to fix these problems.

Keywords: *crisis, readers loyalty, servility, crisis response measures.*

References

1. *Dmitriy Peskov svyazyvayet zakrytiye pechatnoy versii "Novoy gazety" isklyuchitel'no s ekonomicheskimi trudnostyami* [Dmitry Peskov binds closing the printed version of the "Novaya Gazeta" only with economic difficulties]. Available at: <http://www.arpp.ru/2009-01-28-14-46-10/275367-dmitrij-peskov-svyazyvaet-zakrytie-pechatnoj-versii-novoj-gazety-isklyuchitelno-s-ekonomicheskimi-trudnostyami.html>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
2. *Doktor K. N'yusonomika: Dvenadtsat' trendov, kotoryye izmenyat novosti* [Newsonomics. Twelve trends that will change the news]. Moscow, 2013. 252 p. (In Russ.).
3. *Zhuravleva Ye. «Mne pisali, chto ya – zhidobanderovka»: Marianna Maksimovskaya o granit-sakh dozvolennogo dlya vlasti, tsenzure i propagande, Ramzane Kadyrove i sobachkakh s georgiyevski-*

mi lentami [«They wrote me that I am ‘zhidobanderovka’». Marianne Maksimovskaya about the boundaries of what is permitted to government censorship and propaganda, Ramzan Kadyrov and dogs with Georgiy’s ribbons]. Available at: <http://ura.ru/articles/1036264655>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).

4. Ivanitskiy V.L. *Modernizatsiya zhurnalistiki: metodologicheskiy etyud* [Modernization of journalism: a methodological study]. Moscow, 2010. 360 p. (In Russ.).

5. Lozovskiy B.N. *Kto i kak manipuliruyet zhurnalistami. Manipulyativnyye tekhnologii vliyaniya na sredstva massovoy informatsii* [Who and how to manipulate journalists. Manipulative techniques influence on the media]. Yekaterinburg, 2011. 216 p. (In Russ.).

6. Makarova Ye., Belavin P., Barabanov I. «Novaya gazeta» otkazyvayetsya ot pechatnoy versii [“Novaya Gazeta” abandons the printed version]. *Assotsiatsiya rasprostraniteley pechatnoy produktsii* [Association of distributors of printed products]. Available at: <http://www.arpp.ru/2009-01-28-14-46-10/275350-novaya-gazeta-otkazyvaetsya-ot-pechatnoj-versii.html>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).

7. Martynov D.V., Os’kin A.V. *Rynok pechatnykh SMI na perelome. Zarubezhnyy opyt* [Market at the turn of the print media. Foreign experience]. Moscow, 2009. 212 p. (In Russ.).

8. Os’kin A. «Novaya gazeta» planiruyet zakryt’sya, i eto mozhet stat’ bol’shoj problemoy dlya vlasti [Novaya Gazeta” plans to close, and it can become a big problem for the authorities]. Available at: <http://alexander-oskin.livejournal.com/?skip=10>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).

9. Ryabova Ya. Prognoz ot Reuters. Media, zhurnalistika i tekhnologii v 2015 godu [Forecast by Reuters. Media, journalism and technology in 2015]. *Zhurnalist* [Journalist], 2015, no. 2, p. 47. (In Russ.).

УДК 81'367.7
ББК 81.2

Л. М. Ковалева, Е. В. Мартынюк

ЗАЛОГ, ДИАТЕЗА, QUO VADIS?

Сложившиеся к настоящему времени три основные сферы исследования залоговости, а именно: залог как отношение логической и семантической структуры предложения, залог как морфологическая категория глагола в оппозиции активной формы и пассивной, возвратный залог как отражение отношения агенса к себе – не могут обойтись без вторжения в сферы друг друга. Это наводит на мысль, что такие категории, как агентивность, субъектность, объектность, активный, пассивный, возвратный залоговости должны изучаться в рамках единой макросистемы – учении о семантико-синтаксической организации пропозитивного конституента предложения.

Ключевые слова: *залог, диатеза, возвратность, агентивность, объектность, пропозитивный конституент предложения.*

Время от времени исследователю приходится разделять то, что существует в традиционном представлении как единое целое, или объединять то, что привычно изучается в разных терминах, чтобы лучше осмыслить единство и борьбу противоположностей в системе языка. Похоже, что в современном учении о залоге наступил именно такой момент. С одной стороны, залог традиционно выделяется по морфологическим признакам глагола, связанным с выражением субъектно-объектных отношений, и раздел «Залог» в любой грамматике помещается в морфологию. Такое понимание нашло отражение в названии основных выделяемых залогов: активный (действительный) и пассивный (страдательный), возвратный, взаимный и так далее. Предполагается, что есть активное действие и пассивное действие, и они друг другу противопоставляются. Так, активность – это «представление действия как исходящего от субъекта, который выступает в позиции подлежащего», «пассивность – такое представление действия, при котором субъект устраняется с указанной позиции, и ее занимает объект» [1. С. 129].

С другой стороны, выделяются конструкции, противопоставленные по признакам, связанным с субъектно-объектными отношениями, изучение которых упирается в теорию залога. В 70-е гг. прошлого века, когда в языкознании широко распространились идеи о ведущей роли синтаксиса в языке и, следовательно, о предложении как о центральной единице системы, отечественные лингвисты попытались подойти к теории залога с собственно синтаксических позиций, то есть идти

не от глагольной формы (морфология), а от формы предложения (синтаксис). Большую роль здесь сыграло введение в теорию залогов понятия диатезы, под которой понимается «соответствие между семантическими актантами (партиципантами) и синтаксическими актантами данной глагольной лексемы» [16. С. 13; 12. С. 114]. Залог при этом рассматривается как «грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Там же]. Как справедливо отметил В. С. Храковский, «одним из лейтмотивов выдвижения этой концепции послужило осознание того, что сущность залоговых оппозиций наиболее адекватно может быть описана при смещении логических акцентов из сферы морфологии глагольного слова в сферу семантики и синтаксиса глагольного предложения» [14. С. 141]. Однако выделение диатезы не направлено на выявление признаков участвующих в предложении синтаксических и семантических актантов и, соответственно, признаков предложений, по которым они (актанты и, соответственно, предложения) противопоставляются. Поэтому изучение формальной разницы, не подкрепленное выделением семантических признаков, оказывается неплодотворным для понимания семантической организации предложения.

Представляется, что сложившиеся к настоящему времени три основные сферы исследования залоговости, а именно: залог как отношение логической и семантической структуры предложения, залог как морфологическая категория глагола в оппозиции активной формы пассивной, возвратный залог как отражение отношения агенса к себе – не могут обойтись

без вторжения в сферы друг друга. И тем не менее, относясь так или иначе к семантике главной единицы языка – предложению, теоретически они разобщены и в одну общую систему не объединены. Это происходит из-за того, что из собственно морфологического подхода к залогу нет прямого пути к семантике предложения, а термины «действительный», «страдательный», «активный», «пассивный», «центробежный», «центростремительный» не соотносятся четко с семантикой предложения.

По большому счету стоит поставить вопрос, действительно ли предложения, которые репрезентируют по-разному одно и то же действие (обозначенное одним и тем же глаголом), отличаются только: а) морфологическими формами глаголов, б) местоположением актантов, в) семантическими признаками актантов – или же тем, и другим, и третьим одновременно? В последнем случае следует объединить исследования морфологии глагола, синтаксиса предложения и семантики актантов в единую теорию.

Современная психолингвистика говорит о том, что человек воспринимает ситуацию целостно. Выделенные смысловые компоненты воспринимаются человеческим сознанием гештальтно, ситуация анализируется и раскладывается на части, но гештальт не сводится к совокупности частей [10]. Это как раз тот случай, когда следует учитывать и целостность, и дискретность одновременно. Что происходит на самом деле: замечает ли говорящий действие и делает отсюда вывод о его участниках, или он категоризирует ситуацию по признакам его участников?

Это зависит от конкретных условий восприятия, от общей картины мира конкретного говорящего, от языка, который предоставляет ему те или иные возможности для точного выражения мысли.

Например, у берега перевернулась лодка, на которой были мальчики. Как эта ситуация оязыковляется?

Первый говорящий, сосредоточенный на самом событии/действии (крики, всплеск, брызги), говорит: «*Лодка перевернулась*». Другой, обеспокоенный действиями участников, кричит: «*Мальчишки перевернули лодку*»; третий, не разобравшись, кто именно перевернул лодку, сообщает: «*Лодку перевернули*»; четвертый, подбежав позднее, может только констатировать: «*Лодка перевернута*», ибо он воспринимает только результат события; пятый, пыта-

ясь понять причины события (или даже зная о них), добавляет: «*Лодка перевернулась*» (в импликации остается: «*Лодка перегружена*», «*Ветер перевернул лодку*» и т. п.). Заметим, что первый и пятый номинируют одинаково ситуацию, понимаемую ими по-разному: для одного это самостоятельное движение (переворачивание) лодки, для другого – переворачивание лодки какой-то посторонней силой. В этом загадка и «трагедия» так называемого среднего залога во многих индо-европейских языках, ср.: *The car moved* (Автомобиль двинулся) и *John pushed the button and the car moved* (Джон нажал кнопку, и автомобиль тронулся). В английских грамматиках этот термин сохраняется до сих пор, но объяснить его суть удается только с большим трудом (см. по поводу этой конструкции [19]).

В центре внимания говорящего первично стоит деятель (агенс), он – главный субъект (подлежащее). Основное для говорящего – правильно воспринять и осмыслить действия агенса, его влияние на ситуацию, чтобы ословать главную «драму» жизни «кто кого».

Даже беглый анализ агенса в современном русском и английском языках позволил выделить его семантику в разных предложениях: агенс может быть личностным, формажорным, конкретно-предметным: *Мальчик/ветер/баркас перевернул лодку*.

Анализируя устранение семантического актанта, следует опираться на факт принадлежности валентности лексической единице – глаголу, из чего однозначно вытекает, что так называемый «устраненный» (опущенный) семантический актант – агенс или объект – в семантической структуре предложения присутствует, и внимание следует перенести на признак этого актанта.

Агенс может быть определенным (примеры выше) и неопределенным:

Лодку перевернули / лодку перевернуло; Лодка перевернута. Англ. *If he is beaten, if in fact you beat him or help to beat him* (O'Connor).

В русском языке предложения с определенным агенсом противопоставляются по признакам «личностный агенс» – «неличностный агенс» (формажорный или предметный). При этом собственно пассивная конструкция имеет широкую семантику и ни по одному признаку специально не маркирована.

Например: *Медведь был сбит с ног (охотником/лавиной/пулей)*. Пассивной конструкции противопоставлены конструкции, маркирован-

ные по признаку «неопределенный личностный агенс»: *Медведя сбили с ног* и «неопределенный неличностный агенс»: *Медведя сбילו с ног**.

Логично предположить, что в других языках могут маркироваться еще какие-то признаки. Что касается английского языка, то в нем в прошедшие полвека сильно участилось употребление пассивной конструкции с *get*, которую, как полагают некоторые исследователи, можно считать маркированной по признаку «неопределенно-неличностный агенс». Так, в следующем диалоге адвокат (М.) осторожно формулирует вопрос о времени гибели Фарго при помощи конструкции с *get*, а уверенный в убийстве Фарго детектив (Д.) употребляет пассив с *be*:

М. *When did Arthman got killed?*

Д. (...) *If Arthman Fargo is dead, he was killed by Myrth (Gardner)* (подробнее см. [5; 12]).

Агенс может быть обобщенным**. Поскольку при обобщенном актанте конкретное действие в принципе не совершается, в предложении категоризуется не ситуация конкретного действия, а качество, свойство актанта агенс, связанные с его способностью производить какое-то действие: *John steels* = «John is a thief»; *Коровы бодаются* = «Коровы имеют “свойство бодаться”».

В структуре обобщенно-агентивных предложений отражаются и признаки объекта, ср.: *Лодку не перевернуть*; *Лодку не перевернешь*.

При наличии обобщенного агенса оба предложения категоризуют свойство лодки: «Лодка так нагружена/устроена, что ее нельзя перевернуть, она, можно сказать, “непотопляема”». Но как только в предложении появляется определенный агенс: *Ты лодку не перевернешь*; *Тебе лодку не перевернуть*, – лодка становится референтной, а предложение категоризует ситуацию действия в будущем (от модуса отрицания мы здесь отвлекаемся).

* Особый интерес представляют примеры категоризации разных ситуаций гибели на войне, которые свидетельствуют о двояком отношении к причинам смерти: с одной стороны, есть неопределенные, но личностные виновники смерти (*на войне могут убить*). С другой стороны, личностное участие агенса не маркируется: *на войне может убить*..

** Предмет является обобщенным, «если он мыслится членом некоторого собирательного множества; 2) если он мыслится как один, любой, безразлично какой член этого собирательного множества и притом без исключения» [11. С. 139].

По признакам 1) «определенный», 2) «неопределенный» и 3) «обобщенный объект» противопоставляются предложения, ср.:

Рус.: *Иван пьет кофе*; *Иван часто и много пьет*; *Иван пьет*.

Анг.: *John is drinking coffee*; *He came in while John was drinking*; *John steals*; *who breaks pays*.

Особо следует подчеркнуть, что противопоставление по признакам субъекта и объекта должно изучаться на равных основаниях. К сожалению, традиционная «второстепенность» дополнения препятствовала рассмотрению в одном ряду понятий, связанных с подлежащим и дополнением. В то время как принято выделять безличные и личные глаголы, безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения, признаки определенности, обобщенности, неопределенности и формальности, активности и демиактивности (Т. П. Ломтев), говорят только об «исходно» переходных и прототипически переходных глаголах. Неясность термина «переходность» приводит к большому разнобою в объяснении «переходных глаголов в непереходном употреблении» и «непереходных глаголов в переходном употреблении».

Здесь мы поддерживаем концепцию С. Карцевского, который впервые в европейской лингвистике в один ряд поставил языковые явления, связанные с понятиями «агенс» и «объект», отграничив их от круга проблем, связанных с отношениями между агенсом и подлежащим (собственно залоговые отношения, по его мнению) [20]. В результате в русском языке наряду с категориями личности/безличности им была выделена категория переходности (*transitivité*), хотя логичнее было бы выделить категорию объектности.

Рассматривая агенсы и объекты в простом предложении в единой системе, мы получаем прозрачное объяснение так называемого взаимного залога, который в своем прототипическом варианте предстает перед нами как конструкция, категоризирующая ситуацию таким образом, что агенс и объект представляются говорящим нерасчлененно, действия происходят одновременно, а не поочередно или потому, что они уже не выделены (*сахар и соль смешались*, *Миша и Таня целуются*, *Peter and Mary kissed at the gate*), или потому, что это не важно для говорящих (*команды объединились*), или потому, что говорящий неумело категоризует ситуацию (*трамвай столкнулся с*

такси)*. Грамматика взаимности требует безусловного семантического равноправия актантов: *Миша и Петя столкнулись* предполагает, что они оба двигались, в противном случае сформулировали бы или *Миша столкнулся с Петей*, или *Петя столкнулся с Мишей*.

Возвратность заслуживает особого внимания, поскольку она не вписывается четко в категории диатезы, но и не может быть оторвана от залога.

Во-первых, возвратность на самом деле включает в себя не столько конструкции с отношением тождества между агенсом и объектом, сколько отношение «целое – часть». О тождестве агенса и объекта в русском языке можно говорить лишь имея в виду предложения с предикатами самоидентификации (*назвался груздем*), самоуничтожения (*отравился*) и некоторыми другими. Даже в предложениях с глаголами самообслуживания отношения участников – это отношения части и целого (*причесался, побрился, умылся* и так далее). Хотя эти глаголы не уточняют часть целого, по отношению к которой совершается действие, говорящие знают, что *причесался* не относится к бороде, а *умылся* номинирует действие, относящееся к лицу, рукам, максимум – к шее, но не больше. Что же касается предложений с ментальными предикатами, то здесь положение еще сложнее. «В конструкциях с глаголами духовной деятельности имя лица выделяет для возвратной анафоры целый набор семантических признаков, относящихся к духовной сфере человека. Среди них такие, как «характер», «свойство», «чувство», «мысли» и многие другие, причем часто один и тот же предикат «включает» у имени лица разные antecedentes семы, к которым относится анафора» [6. С. 120; 21]. Во-вторых, сегодня возвратные формы русского глагола или, например, французские местоименные глаголы настолько многозначны, что их следовало бы включать в несколько диатез.

Сравнивая свойства русского возвратного глагола при описании явлений первичной упорядоченности (в составе квазипассивных конструкций) и вторичной упорядоченности (в составе пассивных конструкций), В. И. Гаврилова приходит к выводу, что в категории залога имеют свою долю, так сказать, «лексикографи-

ческие значения» глаголов, которые образуют разные лексико-семантические ряды с разным отношением к синтаксической форме предложения (в том числе – месту подлежащего, его выраженности или умолчанию). И все это существует в одной единице языка [3; 4; 5].

Исследуя глаголы функционирования преграды (*открыть, закрыть, распечатать* и так далее), В. И. Гаврилова убедительно доказывает, что на единое лексическое значение глагола накладывается некоторая «модально-энергетическая рамка», и в конкретном предложении с этим предикатом источником энергии осознается либо человек (личная осознанная деятельность), либо этот источник обезличен и не назван (стихийный процесс). Это не затрагивает собственно лексического значения глагола, но отражается в общем значении конструкций с этими глаголами. Ср.:

а) *Водитель открывает двери только на остановках;*

б) *Двери автобуса открываются водителем;*

в) *Водитель нажимает на рычаг, и двери открываются;*

г) *Двери открываются автоматически;*

д) *Двери легко открываются при нажатии рычага;*

е) *На этой остановке двери открываются только по требованию пассажиров* [5. С. 172].

Скрупулезный анализ употребления французских местоименных глаголов Е. Е. Корди показывает, что один и тот же глагол является косвенным рефлексивом, косвенным реципроком, прямым рефлексивом и пассивом, а другой глагол – декаузативом, пассивом и косвенным рефлексивом. На этом основании Е. Е. Корди приходит к логичному выводу, что «соотношение между неместоименными и местоименными глаголами приобретает следующий вид: неместоименный глагол – одна форма, одно значение, местоименный глагол – одна форма, много значений». По этой причине она считает, что «значения неместоименного глагола и образованных от него местоименных глаголов входят в одну гиперлексеми. Некоторые из них входят в одну семему (актив и местоименный пассив)» [8. С. 254], (см. также [18. С. 60; 15]) [выделено нами. – Л. К., Е. М.]. Идея же гиперлексем, объединяющей формально соотносительные невозвратные и возвратные формы, ведет к мысли о синтаксической природе самой категории возвратности, принадлежащей не столько глаголу, сколько предложению.

* Трамвай в этом предложении не может быть агенсом, так как трамвай движется по рельсам, а такси пользуется большей свободой передвижения (и, следовательно, большей самостоятельностью) [7; 9].

В общем и целом все три направления в изучении залога упираются в вопрос об отношениях между словом и предложением вообще и между глагольной лексемой и предикатом предложения в частности. Не так важен вопрос о страдательном, возвратном и других залоговых значениях глагольной лексики как словарной единицы, как вопрос о значении глагольного *предиката* в предложении. Ставя на первое место значение *глагола*, языковедение увязывает в проблеме многозначности глагольной лексики (залог «разрывает» единое значение глагола), поэтому и приходится пользоваться термином «гиперлексема».

Достаточно ли изучать эту проблематику в терминах межкатегориальных связей, или следует говорить о существовании в языке синтаксической макрокатегории, объединяющей все субкатегории, задействованные в предложении?

В языке нет «чистых», не связанных хоть каким-то образом категорий [2]. Однако эта связь различна и может быть дифференцирована. Одно дело – связь между категориями пропозиции и модуса (скажем, между залогом и наклоном), другое – связь агентивности и залога. Последние в принципе не могут существовать друг без друга, принадлежат пропозиции. Взаимодействие же предполагает, во-первых, самостоятельное существование категорий и, только во-вторых, согласованность их существования и влияния друг на друга. Взаимобусловленность имеет место в случае обязательного сосуществования двух самостоятельных категорий [17]. Это значит, что такие категории как агентивность/субъектность, объектность/дополнительность, активный, пассивный, возвратный залог, поле персональности и так далее сливаются в единую макросистему – учение о семантико-синтаксической организации пропозитивного конституента предложения.

Представляется, что большое количество глубоких и скрупулезных исследований морфологической категории залога, синтаксической категории диатезы, а также возвратных глаголов и конструкций с ними составляет прочный фундамент для изучения предложения, а именно: его пропозитивной структуры в рамках теории предложенческого (сентенционального) поля. Назовем ли мы его полем залоговости* (чтобы сохранить непрерывность

* Декларируемый в трудах теоретиков функциональной грамматики термин «поле залоговости» не оформляется окончательно, потому что авторы

традиции) или полем пропозитивного конституента предложения (чтобы резко порвать с традицией), в любом случае при его определении следует исходить из того семантического отрезка, который лежит в основе любого предложения, в котором существуют актанта с их разнообразными признаками, совершающие те или иные действия с их признаками. Но это признаки не глагола, а признаки категоризуемой ситуации, которые репрезентируются в языке (то есть в предложении) в глагольном предикате и его актантах.

Если отвлечься в некоторых случаях от бесплодных споров о пассивных, квазипассивных, возвратных и т. п. залогах, а перенести внимание на семантико-синтаксическую организацию предложения, то можно иногда получить новую информацию. Практически так и получается: исследователи спорят о видах пассивного/активного действия, но не обходятся без агенса.

Скажем, в так называемой пассивной конструкции с агентивным дополнением в дат. пад. исследователи стараются характеризовать описываемое в ней «положение дел» как «независимое от Субъекта и отклоняющееся от условий нормы» [4. С. 178]. При этом отмечается роль слов-квалификаторов, но агенса не обсуждается. Это значит, что речь в общем (но не до конца) идет о значении предложения. Чем отличаются предложения (а) и (б)? Ведь оба они категоризируют ситуации, где двое участников танцевали и пели? Ср.:

- 1) а. *Маша и Миша весело танцевали и пели;*
- б. *Маше и Мише весело танцевалось и пелось.*

Скорее всего, в обеих ситуациях Маша и Миша танцевали одни и те же танцы, пели одни и те же песни, но наблюдатель увидел эти ситуации «по-разному». Что это значит?

Поскольку наблюдатель воспринимает ситуацию целиком как гештальт, можно предполагать, что в первом случае она была более

не решаются перейти на уровень предложения и на одинаковых правах включить в круг изучаемых конструкций и те, в которых изменения в положении и форме субъекта или объекта сочетаются с изменениями в форме глагола. Из сферы исследования при этом выпадает большой ряд синтаксических конструкций, положение которых остается неопределенным: то, что они принадлежат морфологическому залого, не должно быть причиной исключения их из диатетического ряда – возможно, они займут в нем свое особое место.

привычна (танцевали, пели), а во втором говорящий воспринял ее через замеченное им расположение актантов друг к другу (блеск в глазах Маши, счастливую улыбку Миши). Ситуация воспринята говорящим через замеченные им эмоции участников, и он уменьшил их прямую активность, обозначенную предикатами *пели*, *танцевали*, и именительным падежом имени в позиции агенса, переведя личностные актанты в дательный падеж*, а глаголы – в другую залоговую форму. Практически речь идет уже об анализе пропозитивного конституента предложения. Так, в следующих предложениях (а) говорящий категоризирует ситуацию такой, какой она есть, если человек ест, пьет, живет в обычном понимании этих слов и так далее. В предложениях (б) агенс везде получает какое-то одобрение, помощь извне (везение и т. п.). Такое понимание опирается на веру в везение, случай, стечение обстоятельств. И это отразилось в русской грамматике, причем не только в форме глагола, а в форме актанта и деталях контекста, ср.:

2) а. *Кто живет весело, вольготно на Руси;*

б. *Кому живется весело, вольготно на Руси* (Н. Некрасов);

3) а. *Чтобы вы ели и пили, хотели и могли;*

б. *Чтобы (Вам) елось и пилося, чтоб хотелось и моглось;*

в. *У нищих, у солдатиков Не спрашивали странники, Как им легко ли, трудно ли живется на Руси* (Н. Некрасов).

* Личностный актант, как известно, уменьшает свою активность по мере удаления от им. пад. Ср. Он достал эту вещь через приятеля / хитростью / по знакомству; а в пред. пад. личностный актант может или отсутствовать в конкретной ситуации, или совсем утратить личностную природу: о нем думали; скупали; «По ком звонит колокол» (Хемингуэй).

В предложении (Зв) вопрос о веселой и вольготной жизни даже не ставится: ответ виден на лицах солдат и нищих.

Практически речь идет везде о семантической организации предложения, а залоговая терминология только мешает. Это хорошо заметно на самых продвинутых исследованиях залога, которые не могут обойтись без анализа особенностей агенса и отношений между агенсом и объектом, в частности, в интереснейших исследованиях В. И. Гавриловой, которые уже давно нужны синтаксистам.

Трудности в изучении любого иностранного языка состоят не столько в сложности его грамматических форм, сколько в невозможности понять, какие именно особенности реальной действительности (здесь: действия и его участников) заметил и выразил в языковой форме иноязычный собеседник. Можно предположить, что в вышеприведенной форме предложения агенсом в дательном падеже отражаются древние представления предков русских людей о неких «потусторонних» силах, везении, невезении, которые помогают/мешают человеку. Тот факт, что это не наблюдается в грамматике английского или немецкого языков, не означает, что такие понятия не отражаются в этих языках вообще – теоретически они могут существовать на других уровнях, например, в лексике. Обращение к материалу других языков выявило бы новые особенности восприятия мира разными народами. Ведь каждый народ замечает (т. е. воспринимает, осмысливает и оценивает) разные признаки и свойства окружающей действительности и только самые важные (с его точки зрения!). Но это легче понять на уровне предложения.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. К определению понятия «залоговость» / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб, 1991. – С. 120–135.
2. Бондарко, А. В. Межкатегориальные связи в грамматике / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Н. А. Козинцева. – СПб., 1996. – 231 с.
3. Гаврилова, В. И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного извечно данного порядка вещей / В. И. Гаврилова // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М., 2003. – С. 256–285.
4. Гаврилова, В. И. Квазипассивные конструкции в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Гаврилова. – М., 1986. – 23 с.
5. Гаврилова, В. И. Сознательные действия, стихийные процессы и ситуация создания и снятия преграды / В. И. Гаврилова // Логический анализ языка: Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 153–174.

6. Ковалева, Л. М. Английская грамматика: предложение и слово : монография / Л. М. Ковалева. – Иркутск, 2008. – 406 с.
7. Ковалева, Л. М. Проблема структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке / Л. М. Ковалева. – Иркутск, 1987. – 221 с.
8. Корди, Е. Е. Деривационная, семантическая и синтаксическая классификация местоименных глаголов французского языка / Е. Е. Корди // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л., 1981. – С. 220–254.
9. Кудашова, В. Ю. Концепт ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ и его репрезентация в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Кудашова. – Иркутск, 2007. – 180 с.
10. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10. – С. 350–368.
11. Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М., 1972. – 200 с.
12. Мельчук, И. А. К категории грамматического залога: определение, исчисление / И. А. Мельчук, А. А. Холодович // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 4. – С. 111–124.
13. Сулова, А. Ю. Конструкция с get + Part II в английском языке (о динамике становления категории имперсональности) : дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Сулова. – Иркутск, 1993. – 133 с.
14. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – 370 с.
15. Успенский, В. А. К понятию диатезы / В. А. Успенский // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л., 1977. – С. 65–83.
16. Холодович, А. А. Залог: Определение. Исчисление / А. А. Холодович // Категории залога: материалы конференции. – Л., 1970. – С. 1–26.
17. Храковский, В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) / В. С. Храковский // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб., 1996. – С. 22–42.
18. Храковский, В. С. Залог и рефлексив / В. С. Храковский // Проблемы теории грамматического залога. – М., 1978. – С. 50–61.
19. Halliday, M. Notes on transitivity and theme in English: Part 3 / M. Halliday // Journal of Linguistics. – 1968. – № 4. – Pp. 179–215.
20. Karcevski, S. Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique / S. Karcevski. – Prague, 1927.
21. Kovalyova, L. M. On Reflexivity / L. M. Kovalyova // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. – 1984. – №. 4. – Pp. 335–340.

Сведения об авторах

Ковалева Лия Матвеевна – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского лингвистического института МГЛУ, г. Иркутск.
rusjap@mail.ru

Мартынюк Екатерина Васильевна – аспирант третьего года обучения кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского лингвистического института МГЛУ, г. Иркутск.
lediruna@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 85–93.*

VOICE, DIATHESIS, QUO VADIS?

L. M. Kovaleva

Eurasian Linguistic Institute, Moscow State Linguistic University, Irkutsk. rusjap@mail.ru

E. V. Martynyuk

Eurasian Linguistic Institute, Moscow State Linguistic University, Irkutsk. lediruna@yandex.ru

Three traditional directions in voice analysis (namely: voice as relation between logical and semantic sentence structures; voice as morphological category of the verb in opposition of active and passive forms, reflexivity) can't do without intervening in each other's realms. It suggests that such categories as agentivity, subjectivity, objectivity as well as active, passive and reflexive voices etc. should be investigated within one macrocategory – the theory of semantic-syntactic organization of proposition.

Keywords: *voice, diathesis, reflexivity, agentivity, objectivity, proposition.*

References

1. Bondarko A.V. K opredeleniju ponjatija «zalogovost'» [To the definition of “zalogovost’”. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [The theory of functional grammar. Personality. Zalogovost]. Saint Petersburg, 1991. Pp. 120–135. (In Russ.).
2. Bondarko A.V., Voejkova M.D., Kozinceva N.A. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [Between categorical due to grammar]. Saint Petersburg, 1996. 231 p. (In Russ.).
3. Gavrilova V.I. Kvazipassivnoe znachenie russkikh vozvratnykh glagolov kak otrazhenie zakonmernogo izvechno dannogo porjadka veshhej [Kvazipassivnoe value of Russian reflexive verbs as a reflection of eternally law-given order of things]. *Logicheskij analiz jazyka. Kosmos i haos: konceptual'nye polja porjadka i besporjadka* [Logical analysis of language. Cosmos and Chaos: the conceptual field of order and disorder]. Moscow, 2003. Pp. 256–285. (In Russ.).
4. Gavrilova V.I. *Kvazipassivnye konstrukcii v russkom jazyke* [Quasi passive constructions in Russian]. Moscow, 1986. 23 p. (In Russ.).
5. Gavrilova V.I. Soznatel'nye dejstvija, stihijnye processy i situacija sozdanija i snjatija pregrady [Conscious action, natural processes and the creation of the situation and remove obstacles]. *Logicheskij analiz jazyka: Jazyki dinamičeskogo mira* [Logical analysis of language: Language of dynamic world]. Dubna, 1999. Pp. 153–174. (In Russ.).
6. Kovaleva L.M. *Anglijskaja grammatika: predloženie i slovo* [English grammar: sentence and word]. Irkutsk, 2008. 406 p. (In Russ.).
7. Kovaleva L.M. *Problema strukturno-semantičeskogo analiza prostoj glagol'noj konstrukcii v sovremennom anglijskom jazyke* [The problem of structural and semantic analysis of the simple verb constructions in contemporary English]. Irkutsk, 1987. 221 p. (In Russ.).
8. Kordi E.E. Derivacionnaja, semantičeskaja i sintaksičeskaja klassifikacija mestoimennykh glagolov francuzskogo jazyka [Derivational semantic and syntactic classification pronominal verbs of the French language in the construction of Collateral]. *Zalogovye konstrukcii v raznostrukturnykh jazykah* [Zalog structure in different structural languages]. Leningrad, 1981. Pp. 220–254. (In Russ.).
9. Kudashova V.Ju. *Koncept VZAIMODEJSTVIE i ego reprezentacija v sovremennom anglijskom jazyke* [Concept Interaction and Representation in Modern English]. Irkutsk, 2007. 180 p. (In Russ.).
10. Lakoff G. Lingvističeskie geshtal'ty [Linguistic gestalt]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 10. Moscow, 1981. Pp. 350–368. (In Russ.).
11. Lomtev T.P. *Predloženie i ego grammatičeskie kategorii* [Offer and its grammatical categories]. Moscow, 1972. 200 p. (In Russ.).
12. Mel'čuk I.A., Kholodovich A.A. K kategorii grammatičeskogo zaloga: opredelenie, isčislenie [The category of grammatical zalog: definition, calculus]. *Narody Azii i Afriki* [The peoples of Asia and Africa], 1970, no. 4, pp. 111–124. (In Russ.).

13. Suslova A. Ju. *Konstrukcija s get + Part II v anglijskom jazyke (o dinamike stanovlenija kategorii impersonal'nosti)* [Design to get + Part II in English (the dynamics of formation of impersonality category)]. Irkutsk, 1993. 133 p. (In Russ.).
14. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'* [The theory of functional grammar: personal. Zalogovost']. Saint Petersburg, 1991. 370 p. (In Russ.).
15. Uspenskij V. A. K ponjatiju diatezy [On the concept of diathesis]. *Problemy lingvisticheskoj tipologii i struktury jazyka* [Problems of linguistic typology and language structure]. Leningrad, 1977. Pp. 65–83. (In Russ.).
16. Kholodovich A. A. Zalog: Opredelenie. Ischislenie [Zalog: Definition. Calculus]. *Kategorii zaloga* [Pledge Category]. Leningrad, 1970. Pp. 1–26. (In Russ.).
17. Khrakovskij V. S. Grammaticheskie kategorii glagola (opyt teorii vzaimodejstvija) [Grammatical categories of the verb (the experience of interaction theory)]. *Mezhkategorial'nye svjazi v grammatike* [Mezhkategorialnye due to grammar]. Saint Petersburg, 1996. Pp. 22–42. (In Russ.).
18. Khrakovskij V. S. Zalog i refleksiv [Zalog and reflexive]. *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [Problems of grammatical theory]. Moscow, 1978. Pp. 50–61. (In Russ.).
19. Halliday M. Notes on transitivity and theme in English: Part 3. *Journal of Linguistics*, 1968, no. 4, pp. 179–215.
20. Karcevski S. *Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique* [System of the Russian verb: synchronic linguistics test]. Prague, 1927. (In France).
21. Kovalyova L. M. On Reflexivity. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik* [Journal of English and American Studies], 1984, no. 4, pp. 335–340. (In German).

УДК 82:111:852

ББК 83 (2 Рос = Рус) 6

Н. С. Комар

«ВНУТРЕННЕ КОНФЛИКТНЫЙ» ХАРАКТЕР ПОВЕСТИ БОРИСА ПИЛЬНЯКА «ИВАН МОСКВА»: ХРОНОТОП

Раскрывается «внутренне конфликтный» характер поэтики повести «Иван Москва» на уровне хронотопа. Ощущения сложности и нестабильности мира Б. Пильняк добивается совмещением противоположных свойств времени и пространства. С одной стороны, они обнаруживают черты неопределенности, с другой, сверхточности и конкретности. Хронотоп повести неразрывно связан с общей теорией относительности А. Эйнштейна.

Ключевые слова: Б. Пильняк, «внутренне конфликтная» поэтика, повесть «Иван Москва», хронотоп.

Говоря о художественном пространстве и времени* в повести «Иван Москва» [8], необходимо отметить связь произведения с общей теорией относительности А. Эйнштейна. Напомним, она среди прочего гласит: «Тела “искривляют” реальное трехмерное пространство и по-разному изменяют ход времени в различных его точках <...>» [16. С. 98]. Именно в таких «искривлениях» более всего проявляется множественная конфликтность художественного мира Б. Пильняка, его «разорванность» и одновременная спутанность. Знакомство Б. Пильняка с общей теорией относительности убедительно доказывает А. Ю. Панфилов, который находит ее проявления, в частности, в повести «Иван Москва» и рассказе «Ледоход»: «“<...> Вот пример, что нету единой, абсолютной правды на этом свете!” – так восклицает его повествователь по поводу изображаемых событий. Эта же сентенция повторится в известной нам повести “Иван Москва”: “Иван вспомнил, что <...> нет ничего абсолютного”. И повторится в контексте, не оставляющем сомнений в том, что речь идет именно о “теории относительности”: персонаж повести рассуждает о том, что время полета в направлении вращения земли на доли секунды должно отличаться от полета в противоположном направлении. В этом должно было состоять еще одно из эмпирических подтверждений, предсказанных теорией относительности» [7].

Ощущения сложности и нестабильности изображаемого им мира Б. Пильняк прежде всего добивается благодаря парадоксальному сочетанию диаметрально противоположных свойств времени и пространства, как, например, в следующем фрагменте: «Люди не спали несколько ночей. <...> Темнота была такая, что глаза были не нужны. Всю ночь ехали по степи. Красноармейцы молчали, мокли, не понимали – куда провалились горы. Станцию к рассвету бесполезно обстреляли, потом улеглись спать» [8. С. 259]. Здесь зримо проявляются дисгармоничность и неопределенность времени и пространства, а открываются они через слово автора. Так, красноармейцы едут по горной части Крыма – а горы «провалились». К рассвету обстреляли станцию, после чего – как будто сразу же и там же, где только что стреляли – улеглись спать. Не спали несколько суток – но уже на рассвете «Москва с вестовым пошел осмотреть местность». Таким образом, несмотря на конкретные географические названия, все оказывается «сдвинутым в гармошку» [8. С. 282], неопределенным, спутанным. Но, с другой стороны, время и пространство здесь максимально конкретизируются: «несколько ночей» – «темнота» – «ночь» – «к рассвету»; «степь» – «провалившиеся горы» – «вершина Ай-Петри» – «станция». В результате получается неопределенная, «сдвинутая» определенность. Е. Г. Белоусова вслед за Е. А. Яблоковым [15], говоря о связи повести Б. Пильняка «Иван Москва» и романа А. П. Платонова «Счастливая Москва», отмечает в текстах две противоположные силы: «центростремительную», «собирающую художественное пространство воедино», и «центробежную», «ре-

* Исследователи творчества Б. Пильняка не раз обращались к изучению пространственно-временной организации произведений писателя, в том числе повести «Иван Москва». Представляют интерес работы Е. Б. Дьячковой, Т. А. Капыриной, Н. В. Поселягина, Г. С. Прохорова, Н. Д. Тамарченко, Т. Н. Федоровой [4; 5; 9; 10; 11; 12; 13] и др.

шительно и целенаправленно разрушающую это единство» [1. С. 246].

При этом одной из основных творческих установок Б. Пильняка остается желание абсолютно точно, исчерпывающе раскрыть суть явления, предельно ясно изобразив его. И весьма зримо она проявляется в хронотопе повести – в первую очередь в сверхточной топонимике. Примеров тому в тексте очень много, рассмотрим некоторые из них: «это было в дни гражданской войны, в Крыму. С отрядом кавалеристов Иван Москва шел по крымскому плато от Кокос к метеорологической станции на Ай-Петри, чтобы перехватить бахчисарайское шоссе» [8. С. 259]. Или: «Ивану следовало бы пройти Тверской до Пушкина, там свернуть до пролома Богословского переулка и там вникнуть в район студенчества и Бронных, где жили Обопыни <...>» [8. С. 285]. Из примеров видно, что описываемое автором действие жестко привязано к реальным населенным пунктам, горам, дорогам. Благодаря таким пространственно-временным декорациям, происходящее с персонажами переживается читателем как в высшей степени достоверное и реальное.

Время в повести не отличается такой конкретностью, как пространство. Вместо определенных дат (хотя встречаются и подобно-го рода указания: «в первый год революции» [8. С. 256], «в годы от тысяча девятьсот двадцать третьего» [8. С. 260] и так далее) автор описывает время, в течение которого происходит действие. Характеристики предельно кратки («это было в дни гражданской войны» [8. С. 258–259], «в годы распутий русской революции» [8. С. 260]), но встречаются и более пространственные: «Революция прошла ледниковый московский марш, вышел в эпоху уплотнений, поистине – эпоху жизни русских городов, породивших уже не Достоевщину, но нечто более страшное, что разбирается клинической психопатологией» [8. С. 257]. Как ни странно, ощущение сверхточности пильняковского изображения не нарушается. Напротив, читатель 1920-х гг., переживший революцию и Гражданскую войну, по такому описанию мог сам представить изображаемое автором время и включить сюжет повести в определенный исторический контекст. Время получает характер точности, почти документальности.

Из-за переплетения неопределенного и определенного начал возникает парадоксальное соединение совершенно несоединимых категорий: стремительного движения и абсолют-

ной неподвижности, близкого (Ай-Петри, где находится герой) и далекого (Судакские горы, из-за которых восходит солнце). И в итоге получается образ сломанного, деформированного мира, который еще не обрел своей формы, не устоялся. Более всего подобное состояние Вселенной напоминает космогонические мифы, в которых эта Вселенная либо вовсе не упорядочена, либо еще не стала чем-то постоянным, оформленным и стабильным. Здесь косвенно проявляются мотивы восхода солнца и энергии: наступает другое время, и именно «энергичным» людям предстоит создать из этого зыбкого, нестабильного мира новый, упорядоченный и гармоничный. Мифологический хронотоп соседствует с хроникой современности.

Ощущение деформации, «искривленности» мира создает в тексте и мотив бреда. По словам И. О. Шайтанова, «бред тифа сменяется бредом пораженного болезнью разума» [14. С. 30]. Стирается граница между происходящим в мозгу героя и реальным. Так, в «Обстоятельстве третьем» видим нарочитое смешение живого и неживого: «Пятеро они ушли с поля боя: два живых боевых товарища, два мертвеца и он, Москва, третий живой. Трое живых горячевствовали тифом. <...> В бреду они не заметили или запомнили, что эти два боевых товарища умерли. Они несли мертвецов. <...>

Живые клали мертвецов на землю, совали в их руки винтовки. <...> На бивуаках мертвецы несли караул. <...>

Живые кормили мертвецов, насовывая им во рты своими ложками пшеничную кашу.

Отступая, живые принесли мертвецов в разграбленную больницу. <...>

Наутро отряд живых и мертвецов пошел дальше» [8. С. 258–259]. И это несмотря на то, что «за эту неделю мертвецы совершенно изгнили, у одного отвалилась челюсть, у другого вывалились кишки» [8. С. 258–259]. Атмосфера бреда, проявляющаяся в противоречивых деталях, уничтожает достоверность повествования, одновременно подчеркнутую указателями времени («это было в дни гражданской войны», «зной лета», «в июльском зное», «за эту неделю», «ночью», «бредовой ночью», «наутро», «через неделю», «в тот же день», «память этого бреда») и такими словами и сочетаниями, как «это было», «не заметили или запомнили», «не замечали, не заметили», «совершенно», «не было ни одного человека», «это было в первый и последний раз», «никогда», «такую <...>, такими <...> и таким <...>», «не знал и

не запомнил» [8. С. 258–259]. Поэтому невозможно понять, в бреду или по-настоящему встретил Иван женщину, лежавшую в «отчаяннейшем бреду тифа» [8. С. 259]. И женская страсть тоже оказывается порождением бредовой ночи. Постоянное употребление слова «бред» (9 раз в «обстоятельстве», из них 1 раз в форме прилагательного «бредовой») подчеркивает эту дилемму, которая на данном этапе не имеет решения. В этом же «обстоятельстве» бред вторгается в хронотоп и в качестве «второй дороги» – само слово приобретает пространственную семантику: красноармейцы шли через бред, словно через степь, и их кладут в больницу, «чтобы – путинами больничных коек – эти трое перешли из бреда в явь» [8. С. 259]. Таким образом, в тексте появляется некая «вторая реальность», ничуть не менее достоверная, чем «первая», истинная. И обе они вступают в «хаотическую схватку», то есть мы видим постоянное переключение действия из реального мира в «бредовый» и обратно. Причем «бредовый» мир в «Обстоятельстве третьем» доминирует – Иван Москва не может вспоминать события этого времени, не погружаясь снова в бредовое состояние.

Следующее яркое проявление мотива бреда демонстрирует «Обстоятельство пятое», точнее, рассказ Ивана Москвы «о мертвецах, которых он с товарищами пронес бредовым небытием» [8. С. 263]. Герой абсолютно переносится в то время и то состояние, говорит, «путаясь в каше мертвецов» [8. С. 263], а точнее – во времени. Рассказ то о добыче радия, то об «отряде живых и мертвецов» – «челночный бег» между реальным и «бредовым» мирами, ни в одном из которых Иван Москва не задерживается, переносясь то в один, то в другой. Вместе с тем воспоминание является у Б. Пильняка способом собирания личности. Разные формы сознания и существования, переходящие от одной крайности к другой, объединяют Ивана Москву в цельный образ, который, к слову, скрепляет текст повести воедино. «Челночный бег» по различным временным и пространственным зонам – оригинальный стилиевой прием, который автор использует на протяжении всего повествования. Результатом такого смещения временных пластов и пространств становится то, что действие приобретает вневременной и внепространственный характер.

Но наиболее показательны два эпизода «вторжения» бреда в хронотоп, в результате которых герой совершенно теряется в про-

странстве и времени. Первый мы видим в «Главе заводской», когда в лаборатории Иван Москва показывает Следопыту светящиеся камни:

«– Этот свет, как твоя любовь, Александра! – сказал Иван. <...>

Ивану казалось, что он говорит следующее:
– ...ты слышишь, Александра? – это все понятно, – это лучи распада атомной энергии. Все понятно, да, все объяснимо, – но какой прекрасный свет! Это твоя любовь, Александра... Слушай, я говорю тебе. Человеческая жизнь следует совсем иным и гораздо более сложным законам, – средняя человеческая жизнь. Жизнеспособность в любом возрасте представляет практическую задачу для вычисления. <...> Жизнеспособность атома, даже радия, не зависит от его возраста, – это простейший закон для атома, но не для меня! <...> Есть предположение, что непосредственная причина распада атома – дело случая! – слышишь? – дело случая!.. <...> Атом радия – отдает энергию и – не умрет. Я отдам энергию и – умру. Я хочу жить, я должен жить! – слышишь, Александра! <...> – и я хочу любить, Александра... Я вижу всю закономерность того, что должно выпасть из закономерностей, – что разрушает канон сохранения энергии революцией распада атома.

Ивану казалось, что он говорит именно так.

В действительности он говорил иначе, в бреду:

– ...Александра, Сашенька, Саша, Сашуха... понятно – лучи – распад – атомы – жизнеспособность – случай! – слышишь, – случай, случай. Не хочу помирать, не хочу, не могу, слышишь?! – не хочу... – и так много раз, с повторением» [8. С. 278–279].

Конфликт «бредового» и реального миров достигает здесь своего максимального развития. Ведь Иван одновременно присутствует и в том, и в другом – но при этом говорит совершенно разные вещи. В этом проявляется его внутренняя раздвоенность, которую автор усугубляет идеей двоимирия и одновременным присутствием героя в двух мирах и разностью его вербального поведения. В «бредовом» мире он произносит вполне логичный монолог, в реальном же мире его речь внешне неадекватна. В результате мысль, утверждаемая Иваном в «бредовом» мире, сразу же опровергается в «реальном», и наоборот. Благодаря этому ни одно отрицание либо утверждение не приобретает характер абсолютного [еще одно проявление связи с общей теорией относительности. – Н. К.]. К тому же раздробленность сознания

фиксируется повествователем и поэтому становится объективным фактом.

Отметим также, что хронотоп дает связи Ивана и города Москвы новое развитие [6]: время и пространство порождают человека, позволяя ему «выйти в бытие». Так человек, город и время становятся сопоставимыми. Е. А. Яблоков, рассматривая связь героя и города Москвы, отмечает «родство» Ивана с определенными пространством и временем: «Москва – “старшая родственница” Ивана: отцов Иван получил право на жизнь, то есть на биологическое, “до-историческое” существование – “до-бытие”; “Москву он любил, как мать, Москву, давшую ему право на биографию” – в повести поясняется, что собственно “бытие” героя началось с участия в октябрьских боях 1917 года в Москве» [15. С. 223]. Иван Москва, таким образом, сын не просто города Москвы – а именно революционной Москвы времен вооруженного восстания.

Слияние двух мотивов – бреда и «человека-государства» – происходит в «Московской главе». Это описание «кровавого государства», в которое превратилась горничная: «женщина исчезла в его сознании, сознание помутнело – он увидел, как на стул село некое громаднейшее государство. Он увидел миллионы нечеловекоподобных людинок <...>» [8. С. 287]. Иван Москва, с одной стороны, совершенно дезориентирован: он не понимает, что реально, а что нет. С другой – прекрасно осознает, что произошло: «Иван помолчал.

– Ты прости, девушка, я из мозгов своих выскочил, – куда ни посмотрю – все у меня в глазах разваливается <...>» [8. С. 288].

Эту двойственность можно объяснить тем, что бред прошел. Но о «выздоровлении», выходе из «бредового» мира говорить неверно, ведь бред преследует героя до конца повести. Правильнее назвать это умением ориентироваться, которое Иван приобрел, когда «ходил через бред» раньше. Вместе с тем мы видим, что сохраняется неупорядоченность внутреннего состояния героя, родственная неустойчивости окружающего мира, весьма нестабильного и неоднородного.

Амбивалентность художественной оценки событий и образов отчетливо проявляется в описании образа мира: с одной стороны, он необычайно динамичен, «стремится» в «завтра», а с другой – «топчется на месте» и даже «откатывается» назад, если части текста расположены не в хронологическом порядке (особенно

ярко это проявляется в «Биографической главе»). Незавершенность и открытость авторской вселенной лишь делают этот конфликт еще острее.

Зачастую смешение временных пластов приводит к тому, что действие вовсе «теряет» категорию времени. Пример подобного «выхода из времени» дает «Обстоятельство второе», когда профессор привозит мумию из Египта в Москву [8]. Названия существующих ныне географических объектов (Афины, Москва) перемешаются здесь с названиями исчезнувших городов и стран (Яффа, Византия, Скифия). К тому же и «современные» топонимы берут начало в древности (самая «молодая» – Москва, остальные названия насчитывают не по одной тысяче лет). Более зримо и решительно наложение различных времен демонстрирует эпитет «вотско*-славянская столица», который Б. Пильняк относит к Москве. Четко обозначив время действия, автор нарочито сталкивает приметы разных эпох. Благодаря такому построению текста, профессор движется как бы вне времени – и во всех временах от Древнего Египта до революционной Москвы сразу. Олицетворением этой «вневременности» в повести выступает и мумия. Ей три тысячи лет, а она прекрасна, словно живая женщина [6]. Имя профессора представляет собой «сплав» имени и отчества адмирала Колчака с фамилией философа XIX в. [6]. Оно также стоит «вне времени». А если прибавить «евразийство», которое, по мнению Е. А. Яблокова [15], выражает каждая часть этого имени – то и «вне пространства».

На существование героев повести и в историческом времени, и одновременно вне его, то есть в Вечности, указывает даже интерьер: например, «глетчерный кабинет» [8. С. 257] профессора. «Глетчерный» – термин гляциологии, означающий «ледниковый». «Ледниковый кабинет» отсылает к Ледниковому периоду, тем более что эта зима описана автором как «ледниковый московский марш» [8. С. 257] революции. Профессор с домочадцами перебрались на кухню, в «темноту и тепло» [8. С. 257], будто в пещеру. Время снова сдвигается в глубокую древность – при этом оставаясь зимой 1917–1918-го гг. Подобные образы «пещеры» и «пещерного человека» встречаются в рассказе Е. И. Замятина «Пещера», где революция

* «Воты» (воть, самоназвание – *vad'd'alain*) – финно-угорский народ, живший в современной Центральной России во времена Киевской Руси.

также становится Ледниковым периодом. Однако у Б. Пильняка, в отличие от Е. Замятина, нет акцента на «дикости» как признаке «пещерного времени».

Ту же функцию выполняет в повести и пейзаж: «Полюдова же лощина была пуста, мертва, бурые камни без тропинок, без деревца, без моха. Зимой таял в Полюдовой лощине снег, не лежал, – голая земная энергия спаливала его. Бил из земли ключ, полз от ключа удушливый пар. И Данте можно было бы взять с Полюдовой лощины материалы для третьего круга своей Комедии, – у этих камней, отказавших живому в жизни» [8. С. 263]. Полюдова лощина оказывается не только вне времени, переносясь в Средневековье, но и вне пространства, становясь частью и Урала, и Дантова Ада. Пейзаж противостоит описанному «оживленному» радио, продолжая мотив «живого и мертвого».

Выход за рамки пространства происходит и при помощи перехода пейзажа в интерьер. Примером может служить следующая фраза из «Обстоятельства пятого»: «В лощине ничто не жило. Мертвая тишина была в лощине. Флюоресцировала в небе луна. В доме горело электричество, хрипел усилитель в красном уголке вступительным словом Луначарского» [8. С. 263]. Этот «пейзаж-интерьер» предваряет уже упоминавшийся рассказ Ивана Москвы о Гражданской войне. Налицо сужение пространства – с лощины до красного уголка – и вместе с тем явно подчеркивается связь рассказа Ивана со всем окружающим пространством (на это указывает даже то, что автор вообще охватывает всю лощину, которая к сюжету не имеет прямого отношения).

Примером обратного перехода – интерьера в пейзаж – служит следующий фрагмент: «В комнатах Ивана Москвы были тишина и медленность. За домом молчали снега, горы, сотни зырянских, пермских, остятских верст. Упорные в морозе горели на небе звезды» [8. С. 263]. Везде присутствует либо прямое олицетворение («молчали снега, горы» и т. п.), либо постановка слова в «олицетворяющий» контекст («в комнатах <...> были тишина и медленность»).

Все обозначенные выше антиномичные свойства изображаемого мира Б. Пильняк собирает воедино в эпизоде «Московской главы», где Иван убегает от памятника А. С. Пушкину – и постоянно оказывается около него: «Впереди стоял Пушкин.

Пушкин раздвоился.

Пушкин замыкал пути Ивана» [8. С. 295].

Здесь также прослеживается связь с общей теорией относительности: «Согласно ранним представлениям Эйнштейна, искривленное мощными источниками гравитации пространство Вселенной не исключает возможности того, что оно в целом является замкнутым и некое движущееся тело, выйдя из одной точки по “прямой” линии, проблуждав множество миллиардов лет, в конце-концов вернется обратно <...>. “Модель” такого замкнутого, искривленного пространства представлена в эпизоде [приведенном выше. – Н. К.] повести Пильняка» [7]. Мотив «брёда» и двоёмиире появляются тогда, когда мы узнаем, что «Пушкиным», гонявшимся за Иваном Москвой, был его сослуживец Семен. В результате это происшествие, как и упоминавшийся монолог Ивана, «раздваивается», отражаясь и в «реальном», и в «брёдовом» мирах. Из исследователей внимание этому эпизоду уделила Е. Б. Дьячкова, посчитавшая памятник наряду с мумией носителем вечности: «в городском пейзаже есть свои мертвецы. Это памятники. Люди бывают гонимы этими бронзовыми изваяниями, в которых живет вечность, а следовательно, они обладают энергией и могут трансформировать время» [4. С. 69].

Можно объяснить весь эпизод с памятником А. С. Пушкину как пример взаимодействия тел по общей теории относительности: мы видим здесь и «искривление времени» – Пушкин на улицах Москвы 1920-х гг., и «искривление пространства» – герой прибегает туда, откуда бежит. В целом эпизод – лучшая иллюстрация теории А. Эйнштейна, как ее воспринял Б. Пильняк.

С позиций общей теории относительности можно объяснить и то, что «Тверской бульвар замкнулся двумя памятниками: Пушкину у Страстной, Тимирязеву у Никитской» [8. С. 264]. Памятники явно символизируют прошлое и настоящее, «до-бытие» и «бытие». Время так же относительно, как и пространство, и может двигаться быстрее. Именно это и произошло в революцию 1917 г. А. Ю. Панфилов предлагает интересное объяснение «бегства» Ивана Москвы от памятника Пушкину: «Памятник Пушкину стоял тогда на краю Тверского бульвара. И герой, не бывший в Москве с 1922 г. и не знавший о том, что на другом его конце поставлен памятник Тимирязеву, принимает в темноте этот последний – за памятник

Пушкину. Идет в противоположном направлении – и опять приходит к памятнику Пушкину! Так он движется в “замкнутом” пространстве, думая, что окончательно сходит с ума» [7].

В целом следует сказать, что хронотоп повести «Иван Москва» неразрывно связан с общей теорией относительности А. Эйнштейна. Постулируемые ею «искривления пространства и времени» проявляются в виде анахронизмов (Пушкин в послереволюционной Москве), «двоемирия» (мотив бреда, выстраивающего альтернативную реальность), отсылки к историческим и культурным реалиям других эпох (Данте, Ледниковый период). В результате хронотоп становится хаотичным и неопределенным.

Вместе с тем для описаний времени и пространства в повести характерна подчеркнутая конкретность. Дома, дороги, самолет и так далее описаны автором предельно точно. Однако

все эти пространства открыты как для входа персонажей (например, в лабораторию Иван Москва приводит любого «свежего человека» [8. С. 261]), так и для других пространств (ср. пейзажи, переходящие в интерьер, и наоборот).

«Искривления» пространства и времени в сочетании с нормальным их течением и придают хронотопу и стилевой форме повести противоречивый, «внутренне конфликтный» характер [3]. Повествование выходит за пространственно-временные рамки, соединяя несколько пространств и/или времен. Неоднозначность картины мира обусловлена постоянным их сопоставлением и противопоставлением, при котором сопоставляемые элементы, однако, не уничтожаются. Вместе с тем проявляется неповторимость не столько самого мира, сколько его восприятия автором, для которого невозможно мыслить прежними пространственными и временными категориями.

Список литературы

1. Белоусова, Е. Г. Русская проза рубежа 1920–1930-х годов: кристаллизация стиля (И. Бунин, В. Набоков, М. Горький, А. Платонов) : монография / Е. Г. Белоусова. – Челябинск, 2007. – 272 с.
2. Веселова, Н. А. Система заглавий в поэтике Бориса Пильняка / Н. А. Веселова // Б. А. Пильняк: исследования и материалы : межвуз. сб. науч. тр. – Коломна, 2001. – Вып. 3–4. – С. 113–117.
3. Голубков, М. М. Эстетическая система в творчестве Бориса Пильняка 20-х гг. / М. М. Голубков // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя) / ИМЛИ им. М. Горького РАН. – М., 1995. – С. 3–10.
4. Дьячкова, Е. Б. Проблема времени в произведениях Б. Пильняка / Е. Б. Дьячкова // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя). – М., 1995. – С. 63–70.
5. Капырина, Т. А. Поэтика времени в «Созревании плодов» Б. А. Пильняка / Т. А. Капырина // Б. А. Пильняк: исследования и материалы : сб. науч. тр. – Коломна, 2007. – Вып. 5. – С. 164–169.
6. Комар, Н. С. «Внутренне конфликтный» характер повести Бориса Пильняка «Иван Москва»: система персонажей / Н. С. Комар // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. – СПб., 2015. – С. 249–257.
7. Панфилов, А. Ю. Таинственная надпись. Булгаков и Пильняк / А. Ю. Панфилов // Проза. ру. – URL: <http://www.proza.ru/2009/01/19/589>.
8. Пильняк, Б. А. Иван Москва / Б. А. Пильняк // Пильняк, Б. А. Роман. Повести. Рассказы / Б. А. Пильняк. – Челябинск, 1991. – С. 255–305.
9. Поселягин, Н. В. Особенности нарративной структуры романа Бориса Пильняка «Голый год» / Н. В. Поселягин // Narratorium. – 2015. – № 1 (8). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634332>.
10. Прохоров, Г. С. Время как стержень художественного мира в прозаической книге Бориса Пильняка «Былье» / Г. С. Прохоров // Б. А. Пильняк: исследования и материалы : сб. науч. тр. – Коломна, 2011. – Вып. 6. – С. 11–21.
11. Прохоров, Г. С. Обратная перспектива как средство построения художественного пространства (На материале романа Б. Пильняка «Соляной амбар») / Г. С. Прохоров // Б. А. Пильняк: исследования и материалы : сб. науч. тр. – Коломна, 2007. – Вып. 5. – С. 182–192.

12. Тамарченко, Н. Д. «Голый год» Б. Пильняка как художественное целое / Н. Д. Тамарченко // Б. А. Пильняк: исследования и материалы : межвуз. сб. науч. тр. – Коломна, 1991. – Вып. 1. – С. 16–26.

13. Федорова, Т. Н. О структуре художественного времени в повестях Б. Пильняка «Иван Москва» и «Красное дерево» / Т. Н. Федорова // Проблемы взаимодействия эстетических систем реализма и модернизма. – Ульяновск, 1998. – С. 9–16.

14. Шайтанов, И. О. Метафоры Бориса Пильняка, или история в лунном свете / И. О. Шайтанов // Пильняк, Б. А. Повести и рассказы. 1915–1929 / Б. А. Пильняк. – М., 1991. – С. 5–36.

15. Яблоков, Е. А. Счастье и несчастье Москвы («Московские» сюжеты у А. Платонова и Б. Пильняка) / Е. А. Яблоков // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 221–239.

16. Яворский, Б. М. Физика: Для школьников ст. кл. и поступающих в вузы : учеб. пособие / Б. М. Яворский, А. А. Детлаф. – М., 1998. – 800 с.

Сведения об авторе

Комар Наталия Сергеевна – аспирант кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

nataliya.komar@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).

Philology Sciences. Issue 99. Pp. 94–101.

“INTERNAL CONFLICT” NATURE OF BORIS PILNYAK’S STORY “IVAN MOSKVA”: CHRONOTOPE

N. S. Komar

Chelyabinsk State University. nataliya.komar@bk.ru

This article is devoted to “internal conflict” nature of poetics of “Ivan Moskva” on the level of the chronotope. In the text the image of the world looks unstable because of constant “curvatures” of time and space. The chronotope of the story is inseparably linked with the general theory of the relativity of A. Einstein which assumes such changes. One of the main “curvature” ways is the motive of delirium that creates “the second reality” in the text, and sometimes it’s more reliable than “the true”. Combining the opposite properties of time and space, B. Pilnyak creates the feeling of complexity and instability of the world. Time and space display, on the one hand, uncertainty, on the other, superaccuracy and concreteness.

Keywords: *B. Pilnyak, “internal conflict” poetics, “Ivan Moskva” story, chronotope.*

References

1. Belousova E.G. *Russkaya proza rubezha 1920–1930-h godov: kristallizaciya stilya (I. Bunin, V. Nabokov, M. Gor’kij, A. Platonov)* [Russian prose on the edge of 1920–30: the crystallization of style (I. Bunin, V. Nabokov, M. Gorkiy, A. Platonov)]. Chelyabinsk, 2007. 272 p. (In Russ.).

2. Veselova N.A. *Sistema zaglavij v poetike Borisa Pil’nyaka* [System of titles in the poetics of Boris Pilnyak]. *B.A. Pil’nyak: issledovaniya i materialy* [B.A. Pilnyak. Research and materials. Intercollegiate digest of scientific works], iss. 3–4. Kolomna, 2001. Pp. 113–117. (In Russ.).

3. Golubkov M.M. *Ehsteticheskaya sistema v tvorchestve Borisa Pil’nyaka 20-h godov* [Esthetic system in Boris Pilnyak’s work of the 1920s]. *Boris Pil’nyak: opyt segodnyashnego prochteniya (Po materialam nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya)* [Boris Pilnyak: the experience of today’s reception (According to materials of the scientific conference devoted to the 100th anniversary of the writer’s birthday)]. Moscow, 1995. Pp. 3–10. (In Russ.).

4. D’yachkova E.B. *Problema vremeni v proizvedeniyah B. Pil’nyaka* [The problem of time in B. Pilnyak’s works]. *Boris Pil’nyak: opyt segodnyashnego prochteniya (Po materialam nauchnoj*

konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) [Boris Pilnyak: the experience of today's reception (According to materials of the scientific conference devoted to the 100th anniversary of the writer's birthday)]. Moscow, 1995. Pp. 63–70. (In Russ.).

5. Kapyrina T.A. Poetika vremeni v «Sozrevanii plodov» B.A. Pil'nyaka [The poetics of time in «Fruit Ripening» by B.A. Pilnyak]. *B.A. Pil'nyak: issledovaniya i materialy* [B.A. Pilnyak. Research and materials], iss. 5. Kolomna, 2007. Pp. 164–169. (In Russ.).

6. Komar N.S. «Vnutrenne konfliktnyj» harakter povesti Borisa Pil'nyaka «Ivan Moskva»: sistema personazhej [“Internal conflict” nature of Boris Pilnyak's story “Ivan Moskva”: system of characters]. *Pushkinskie chteniya-2015. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin readings – 2015. Artistic strategies of classical and modern literature]. Saint Petersburg, 2015. Pp. 249–257. (In Russ.).

7. Panfilov A.YU. Tainstvennaya nadpis'. Bulgakov i Pil'nyak [Mysterious inscription. Bulgakov and Pilnyak]. *Proza.ru*. [Prose.ru]. Available at: <http://www.proza.ru/2009/01/19/589>, accessed 16.11.2015. (In Russ.).

8. Pil'nyak B.A. *Ivan Moskva* [Ivan Moskva]. Pil'nyak B.A. *Roman. Povesti. Rasskazy* [Novel. Tales. Stories]. Chelyabinsk, 1991. Pp. 255–305. (In Russ.).

9. Poselyagin N.V. Osobennosti narrativnoj struktury romana Borisa Pil'nyaka «Golyj god» [Characteristics of Boris Pilnyak's Novel «Naked Year» Narrative Structure]. *Narratorium*, 2015, no. 1 (8). Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634332>, accessed 16.11.2015. (In Russ.).

10. Prohorov G.S. Vremya kak sterzhen' hudozhestvennogo mira v prozaicheskoj knige Borisa Pil'nyaka «Byl'e» [Time as a base of artistic world in Boris Pilnyak's prosaic book «Byl'e»]. *B.A. Pil'nyak: issledovaniya i materialy*. [B.A. Pilnyak. Research and materials], iss. 6. Kolomna, 2011. Pp. 11–21. (In Russ.).

11. Prohorov G.S. Obratnaya perspektiva kak sredstvo postroeniya hudozhestvennogo prostranstva (Na materiale romana B. Pil'nyaka «Solyanoj ambar») [Reverse perspective as a way of constructing the artistic space (based on the B. Pilnyak's novel «Salt Barn»)]. *B.A. Pil'nyak: issledovaniya i materialy*. [B.A. Pilnyak. Research and materials. Digest of scientific works], iss. 5. Kolomna, 2007. Pp. 182–192. (In Russ.).

12. Tamarchenko N.D. «Golyj god» B. Pil'nyaka kak hudozhestvennoe celoe [«Naked Year» by B. Pilnyak as an artistic whole]. *B.A. Pil'nyak: issledovaniya i materialy* [B.A. Pilnyak. Research and materials], iss. 1. Kolomna, 1991. Pp. 16–26. (In Russ.).

13. Fedorova T.N. O strukture hudozhestvennogo vremeni v povestyah B. Pil'nyaka «Ivan Moskva» i «Krasnoe derevo» [About the structure of artistic time in B. Pilnyak's «Ivan Moscow» and «Mahogany»]. *Problemy vzaimodejstviya esteticheskikh sistem realizma i modernizma* [Problems of interaction of aesthetic systems of realism and modernism]. Ul'yanovsk, 1998. Pp. 9–16. (In Russ.).

14. Shaytanov I.O. *Metaforj Borisa Pil'nyaka, ili istoriya v lunnom svete* [Boris Pilnyak's metaphors, or History in a moonlight]. Pil'nyak B.A. *Povesti i rasskazy. 1915–1929* [Tales and short stories. 1915–1929]. Moscow, 1991. Pp. 5–36. (In Russ.).

15. Yablokov E.A. Schast'e i neschast'e Moskvy («Moskovskie» syuzhety u A. Platonova i B. Pil'nyaka) [Happiness and misfortune of Moskva (the “Moscow” plots at A. Platonov and B. Pilnyak)]. *«Strana filosofov» Andrey Platonov. Problemy tvorchestva* [“Country of philosophers” by Andrei Platonov. Problems of work], iss. 2. Moscow, 1995. Pp. 221–239. (In Russ.).

16. Yavorskij B.M., Detlaf A.A. *Fizika: Dlya shkol'nikov st. kl. i postupayushchih v vuzy* [Physics: For senior pupils and entrants to universities]. Moscow, 1998. 800 p. (In Russ.).

УДК 83.3 (5Уз)
ББК 894.375

А. А. Курбанов

СТИЛЬ ВЫСОЧАЙШЕГО СООТВЕТСТВИЯ, ИЛИ ЦЕПЕОБРАЗНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ (о поэтике прозаических заголовков поэмы «Фархад и Ширин» Алишера Навои)

Прозаические заголовки поэмы «Фархад и Ширин», как и все произведения великого поэта, написаны в особом стиле. Его можно назвать стилем высочайшего соответствия, или цепеобразной взаимосвязанностью. Свойство этого стиля таково, что отдельная джумла или весь прозаический заголовок строится на одном или двух центральных словах, а другие лексемы и языковые средства так или иначе связываются с центральным словом, причем эта связь прослеживается в содержании, значении, цвете, запахе, вкусе, воздействии, времени, месте и так далее. Проанализирован ряд образцов этого стиля.

Ключевые слова: Низами Гянджави, «Пятерица», Алишер Навои, традиция, оригинальность, «Фархад и Ширин», прозаический заголовок, таносуб, стиль.

Великий узбекский поэт Алишер Навои жил и творил в XV в. Его огромное литературное наследие включает в себя четыре дивана, объединенные общим названием «Хазойин улмаони» («Сокровищница мыслей»), и великую «Хамсу» («Пятерицу»), состоящую из пяти дастанов: «Хайрат ул-аброр» («Смятение праведных»), «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Сабъаи сайер» («Семь странников»), «Садди Искандари» («Стена Искандера»). Создание «Пятерицы» сыграло исключительную роль не только в творчестве самого Навои, но и во всей тюркоязычной литературе средневекового Востока.

Как известно, первая «Пятерица» была создана великим азербайджанским поэтом Низами Гянджеви, героико-романтическая поэзия которого на протяжении ряда веков вдохновляла поэтов последующих поколений, пытавшихся подражать ему. Более того, «Пятерица» Низами Гянджеви всегда воспринималась как вершина поэтического творчества, как общепризнанный эталон, что породило традицию создания «Пятериц» другими поэтами с целью испытания своего таланта и мастерства. Эта задача была чрезвычайно сложной, порой почти невыполнимой в силу целого ряда причин. Во-первых, поэт должен был следовать традиции практически во всем: и в тематике, и в сюжете, и в трактовках образов, и в метрике стиха, и в названиях поэм. Во-вторых, несмотря на строгое следование традиции, заложенной Низами, вновь создаваемые поэмы должны были быть достаточно

оригинальными. Именно поэтому, несмотря на обилие предпринятых попыток, лишь немногие авторы могут быть поставлены в один ряд с великим Низами. Это индийский поэт Амир Хусрав Дехлави, персидский поэт Абдуррахман Джамшиди и узбекский поэт Алишер Навои.

Оригинальность «Пятерицы» Алишера Навои можно выявить во всех компонентах поэтики, в том числе в прозаических заголовках глав. Наличие их в тексте определено традицией. Тем не менее Алишер Навои следует ей не в полной мере, существенно обогащая форму и содержание заголовков, стремясь довести их до совершенства. Так, заголовки в произведениях предшественников Навои очень коротки. Они состоят из одной или двух строк. Количество же строк в заголовках «Хамсы» Навои варьируется от пяти до одиннадцати строк, что само по себе воспринимается как новаторство. Но важно подчеркнуть, что роль прозаических заголовков поэм в поэтике «Хамсы» более чем значительна. С одной стороны, они представляют собой краткое изложение важнейших эпизодов, лежащих в основе стихотворных глав [8]. С другой же стороны, они являются ключом к пониманию смысла этих глав, а нередко и идейного содержания включающих их поэм в целом. Наконец, с точки зрения поэтического мастерства, они могут быть поставлены наравне с лучшими лирическими произведениями поэта.

В научно-исследовательской литературе о Навои есть отдельные замечания о роли проза-

ических заголовков в художественной структуре «Хамсы» [3; 6; 8], но их поэтический стиль специальному анализу еще не подвергался. Изучение этой проблемы, с одной стороны, дает яркое представление о художественном своеобразии прозаического заголовка, с другой стороны, о поэтическом мастерстве Алишера Навои, каким он был великим и неповторимым художником слова.

Стиль поэтического заголовка как относительно самостоятельного элемента композиции «Хамсы» имеет ряд формальных и содержательных особенностей. Отличительной чертой заголовков является их высокая организованность и со стороны формы, и со стороны содержания. Почти каждый заголовок украшен поэтическим искусством саджъ, то есть рифмовкой. Рассмотрим с этой точки зрения поэму «Фархад и Ширин».

Ни во вступительной части, ни в основных главах поэмы, где рассказывается сюжет о любви Фархада и Ширин, ни в заключении нет ни одного заголовка, где не появлялся бы саджъ. Например, заголовок VII главы, посвященной восхвалению мавляна Нуриддина Абдуррахмана Джамии, состоит из трех джумл: 1) Ҳазрати шайх ул-исломий мавлоно Нуриддин Абдурахмон Жомий (мадда зиллаху) мадҳидаким (О восхвалении Их светлости шейх-уль-ислама мавляна Нуриддина Абдуррахмана Джамии); 2) бу лабташнаи водийи хайратқа мунигдек маъни бодасининг жомии анинг химмати майхонасининг сувчиларидин дамодам тўлди (это чаша смысла непрестанно наполнялась виночерпиями мейханы величия Его для жаждущих долины изумления) 3) ва анинг дуоси паймонасининг соқийларидин лаболаб бўлди (и чаша благословения наполнялась виночерпиями Его до краев) [2]. Вторая и третья джумлы заканчивались созвучными словами: дамодам тўлди (непрестанно наполнялась) = лаболаб бўлди (наполнялась до краев). Здесь видим два вида саджа: 1) сажъи мутавазин (соразмерный, но нерифмованный садж: дамодам = лаболаб, фаувлун // фаувлун); 2) сажъи мутавазий (и соразмерный, и рифмованный садж: тўлди = бўлди, фаълу // фаълу).

Нужно отметить, что по традиции рифмованность должна ограничиваться двумя джумлами. Но в поэме «Фархад и Ширин» есть такие заголовки, где рифмованность распространяется на три джумлы. Например, заголовок XXXVII главы: 1) Бонунинг баҳона домин очқони (О том, как открыла Бону силоч

отговорки); 2) ва хийла донасин сочқони (и как сыпала зернышки уловки); 3) ва ул зийрак қушнинг бу дона ва домдин рам қилиб қочқони (и как ускользнула смышленная птица, испугавшись этих зернышек и силка) [2]. Сажълар: очқони (открыла) = сочқони (сыпала) = қочқони (ускользнула). Так же построен заголовок XLI главы, рассказывающий историю после того, как Фархад был коварно схвачен и приведен к Хосрову: 1) Фарҳодни ул хайлнинг Хусрав қошига еткурғони (О том, как тот отряд привел Фархада к Хосрову), 2) ва Хусрав анинг бошидин оегигача салосил ва ағлол ҳукми сурғони (и как Хосров приказал заковать Фархада в цепи с головы до ног), 3) ва Бузург Уммид ҳикмат била ул бандларға муқайяд девона димоғига хуш кетурғони (и как Бузург Уммид мудро привел в чувство того закованного в цепи одержимого) [2]. Сажълар: еткурғони (привел) = сурғони (приказал) = кетурғони (привел <в чувство>).

В поэме есть и такие саджированные отрезки, которые состоят даже из четырех частей. В XVI главе, где описано, как Фархад осваивал тайны искусства каменотеса у Корана, а тайны искусства художника – у Мани, поэт объединил четыре жумлы в одну рифму: 1) Фарҳоднинг Қоран била хоро йўнарда мукорин бўлуб, балки ул Ойнинг бу Зухал била қирон қилмоғи (Не только сближение Фархада с Кораном, сделавшее его каменотесом, но и сближение той Луны с этим Сатурном), 2) ва бу фанда анга соҳибқиронлиқ эшиги очилмоғи (и открытие ему дверей счастья в этом ремесле), 3) ва Моний қалам мўйидин тасвир фанин қаламбақалам, балки мў-бамў билмоғи (и не только постижение им от волосяной кисти Мани науки о рисовании, но и познание шаг за шагом), 4) ва жамии санойиъ ва хунар дақойиқи анинг илгига келмоғи (и приход в его руки всех искусств и тонкостей ремесла) [2]. Сажълар: қирон қилмоғи (сближение) = очилмоғи (открытие) = билмоғи (познание) = келмоғи (приход). Возрастание числа рифмующихся отрезков в заголовках, с одной стороны, создает приятное звучание в них, а с другой стороны, объединение трех или четырех джумл в одну рифму придает особенную взаимосвязанность.

Когда речь идет о содержательной взаимосвязи между джумлами в заголовках, необходимо уделить особое внимание такому выразительному средству, как таносуб (соответствие). Известный литературовед Рашидиддин Ватвот (1088–1182) в своем произведении «Ҳадоиқ

ус-сехр фи дакойик уш-шеър» («Сады волшебства в тонкостях поэзии») о нем писал так: «Этот прием называют также мутанасиб – «соответствие», а заключается он в том, что поэт объединяет в бейте однородные предметы, такие как луна и солнце, стрела и лук, уста и очи, роза и тюльпан» [5. С. 123]. По высказыванию поэта-ученого М. Шайхзады, «в искусстве таносуб соответствующие и близкие понятия или слова собираются в одном месте» [7. С. 143]. Таким образом, и древние, и современные исследователи утверждают, что таносуб – это искусство описания мыслей, чувств или переживаний с помощью однородных или соответствующих слов.

Однако в произведениях великого поэта место и значение понятия таносуб гораздо значимее. В творчестве Навои таносуб не является отдельным видом искусства: будучи проявлением стиля, таносуб охватывает не только однородные слова или близкие по смыслу, но и связанные многими другими признаками. Другими словами, в произведениях Навои весь инструментарий художественных фигур, таких как ташбех, истиора, тазод, талмех, илтизом, иштикок, шибхи иштикок и десятки других словесных и содержательных приемов, взаимно связаны закономерностями таносуб, что проявляется как особый вид художественного мышления. Это качество, присущее стилю произведений великого поэта, можно назвать юксак таносуб (высочайшее соответствие) или занжирсимон алокадорлик (цепеобразная взаимосвязанность). Свойство этого стиля таково, что отдельная джумла или весь прозаический заголовок строится на одном или двух центральных словах, а другие слова и речевые средства так или иначе связываются с центральным словом, причем эта связь прослеживается в содержании, значении, цвете, запахе, вкусе, воздействии, времени, месте и так далее. Центральным словом может быть главная тема, изображаемый образ или деталь.

В прозаическом заголовке главы II рассказывается, что Ширин в паланкине выходит из своего замка. По пути поднялся ветер и откинул занавеску паланкина. Увидев красоту Ширин, Шеруя страстно влюбляется. Это событие описывается так: «Куешни шафақгун аморийга солиб, фалак кўрғонидин чикорғонда сахобмонанд аморий зайли очилмоғи ва Шеруяни бир кўрмоки заррадек саргашта қилмоғи» (Открытие занавески, подобной облаку, в тот момент, когда поместив солнце в паланкин,

подобный заре, вышли из дворца, подобного небосводу, и кружение головы Шеруи пылинкой в луче солнца) [2. С. 434].

Главное слово в этом отрывке – куеш (солнце): поэт сначала сравнивает Ширин с солнцем и далее продолжает связывать все события и детали с этим понятием. В первой фразе паланкин похож на багряную зарю, дворец – на небосвод, занавеска паланкина – на облако: паланкин багряный, как заря; дворец высок и надежен, как небосвод; занавеска паланкина нежна и легка, как облако. Таким образом, Ширин, выходящая из дворца, – это солнце, поднимающееся на небосвод в свете зари и укрытое облаком. Во второй фразе говорится, что, когда занавеска откинулась и Шеруя неожиданно увидел Ширин, от ее красоты у него закружилась голова, и он в одно мгновение потерял разум. Великий поэт сравнивает это состояние Шеруи с пылинкой, кружащейся в луче солнца: Ширин – солнце, голова Шеруи – пылинка; как меняется она в луче солнца, так изменяется и Шеруя от солнцеподобной красоты Ширин.

В отрывке слова, обозначающие солнце, небосвод, зарю, луч, являются взаимосвязанными. Здесь очевидно, как великий поэт, «используя подробности одного события или картины, искусно следует главной теме» [7. С. 253]: Ширин – подобная солнцу, дворец – подобный небосводу, паланкин – подобный заре, занавеска – подобная облаку, Шеруя – пылинке в луче. В то же время, образуя цепеобразную связь, эти слова в данном отрывке также служат важным композиционным средством: куеш – фалак – шафақ – сахоб – зарра (солнце – небосвод – заря – облако – пылинка).

Несмотря на то, что юность – пора увеселения, в душе Фархада веселье стало уступать место печали. Озабоченный состоянием сына, Хакан, в надежде обрадовать Фархада, строит четыре дворца и создает четыре сада. В заголовке XIV главы душевное состояние Фархада и его отца Хакана описывается так: «Фарходнинг шабоб гулшанидаким, тараб гулбунининг нишот гуллари очмоқ маҳалли дурур, дард хорлари кўргузмоки ва булбулдек шавк ўти хорхоридин фиғон тузмоки ва Хоқон бу иштин ғунчадек дилтанг бўлиб, анинг чораси учун тўрт боғ тархин солғони ва тўрт қаср бино қилғониким, шояд бу боғлардин мақсуд гули топилғай ва ул қасрлардин мурод эшиги очилғай» [2. С. 73].

В первой фразе Навои сравнивает юношескую пору с цветником: шабоб гулшани (цвет-

ник юности). Продолжая описание, в связи со словом цветник вводятся слова гулбун (куст) и гул (цветок). По утверждению поэта, юношество является порой распускания цветов радости на кусте увеселения: шабоб гулшанидаким, тараб гулбунининг нишот гуллари очмоқ маҳалли дурур. Однако Фархад вместо того, чтобы веселиться в этом цветнике, проявляет шипы печали, плачет от муки огня страсти, подобно соловью: дард хорлари кўргузмоки ва булбулдек шавк ўти хорхоридин фиғон тузмоки. В этом отрывке слова хорлари (шипы) и соловей находятся в одном смысловом ряду со словами цветник, куст и цветок. Заслуживает внимания также слово хорхор. Подлинное значение этого слова – «боль, страдание, трудности, горе», но в силу того, что это слово стоит рядом со словом хорлари, кажется, что хорхор – форма множественного числа от слова хор, имеющего значение «шип». По сути дела, это и есть настоящая цель поэта и его неповторимое искусство: создать не только смысловую связь между словами, но и связь формальную: хор (шип) – хорхор (страдание).

Во второй фразе говорится о том, что Хакан переживает, видя грусть Фархада. Его тоску поэт сравнивает с бутонем: ғунчадек дилтанг бўлиб (опечален, как бутон). Хакан с надеждой говорит: «Ах, если бы его душа раскрылась!», строит для Фархада четыре дворца, создает четыре сада, и надеется на то, что в этих садах находится заветный цветок и в этих дворцах открываются двери желаний: Умидвор бўладики, шояд бу боғлардин мақсуд гули топилгай ва ул қасрлардин мурод эшиги очилгай. В этой фразе есть три слова, связанные с цветником: ғунча (бутон), боғ (сад) и гул (цветок). Соответствующие слова, дополняя друг друга в прозаическом заголовке, образуют следующую цепеобразную связь: гулшан – гулбун – гул – хор – булбул – хорхор – ғунча – боғ – гул (цветник – куст – цветок – шип – соловей – шипы (хорхор) – бутон – сад – цветок). Также очевидно, что метафоры, созданные на основе соответствующих слов, явились мощными связующими звеньями в композиционно-стилистической цепи: шабоб гулшани (цветник юности) – тараб гулбуни (куст веселья) – нишот гуллари (цветы радости) – дард хорлари (шипы печали) – булбулдек фиғон тузмак (плакать как соловей) – шавк ўти хорхори (шипы огня страсти) – ғунчадек дилтанг бўлмоқ (опечалиться, как бутон) – боғ тарҳи (рисунок сада) – мақсуд гули (цветок желаний).

Высокое художественное мастерство великого поэта таково, что содержательная и формальная связь между образами и изобразительными средствами многогранна. Это свойство можно видеть в заголовке главы XLV, где Ширин пишет письмо Фархаду, заточенному в Селасильском узилище. Поэт говорит: «Шириннинг найи килки шакаррезлик, балки саҳифаи кофурийға мушкбезлик қилғони ва ҳажр қарошоми мушкидин рўзгори тийра бўлиб, ул ройиха юбусатидин димоғи заъфи қувватин ва судоғи шиддатин ва номус пардалари нофасида ишқ ғаммоз мушки исин ниҳон асрамоқ суубатин ракам урғони ва Фарҳод ўқуб анинг сунбули мушкинидек печу тобдин эси озғони ва беҳудона анинг номасиға жавоб езғони» [2. С. 368].

Заголовок состоит из трех фраз, в нем Ширин пишет Фархаду о темных днях разлуки, трудности сохранения их любви в тайне, а также выражает смятение и тревогу Фархада, когда он прочитал письмо Ширин, а также намерение Фархада написать ответ. Главное слово в этом заголовке – имя Ширин. Великий поэт, нанизывая слова, близкие по смыслу с Ширин, о неизъяснимой прелести, о мрачных сумерках разлуки, о горечи страданий и волнений, создал неповторимый образ в искусстве.

В первой фразе поэт так описывает написание письма Ширин: Шириннинг найи килки шакаррезлик, балки саҳифаи кофурийға мушкбезлик қилғони (О том, как тростниковый калям Ширин рассыпал на страницы из камфары сахарный песок, нет, не сахарный песок, а мускус). Ширин, как известно, имя главной героини произведения, но вместе с тем это определенное слово с определенным значением. У слова ширин существуют следующие смысловые грани: 1) прелестный на вкус; 2) прелестный запах. Поэт называет калям Ширин найи килк (тростниковое перо). Можно понять, что перо Ширин сделано из тростника. Но это перо Ширин, поэтому оно сделано не из простого тростника, а именно из тростника сахарного. Поэтому оно на странице не пишет слова, а сыплет сахарный песок. Нет, – говорит поэт, тут же отрицая прежнее выражение, – оно сыпало на камфарную бумагу не сахар, а мускус. Камфара – ароматное вещество белого цвета, мускус же – черного. Если поэт, говоря «сахар», имеет в виду слова Ширин, то, говоря «камфарная страница», он имеет в виду белую ароматизированную бумагу, говоря «мускус», имеет в виду ароматические черные чернила.

Переведя на современный русский язык данный отрывок по смыслу, получим следующее: перо Ширин из сахарного тростника рассеивает сахар, вернее, мускус по камфарной белой ароматизированной странице. Во фразе следующие слова образуют цепеобразную связь: ширин – шакар – шакар қамиш – кофур – мушк (сладкий – сахар – сахарный тростник – камфара – мускус). Все эти слова имеют значение «сладкий», они служат для утверждения того, что все вещи, связанные с Ширин, приятны: слова, перо, бумага, чернила.

Вторая фраза состоит из двух частей: (1) ва ҳажр қаро шоми мушкидин рўзгори тийра бўлиб, ул ройиҳа юбусатидин димоғи заъфи қувватин ва судоғи шиддатин, (2) ва номус пардалари нофасида ишқ ғаммоз мушки исин ниҳон асрамоқ суубатин рақам урғони (Писала о том, (1) как трудно выразить, какой темной стала ее жизнь из-за мускуса черного вечера разлуки, и какой сильной стала ее головная боль от слабости духа и напряженности, (2) и как трудно скрыть выдающий тайну мускусный запах любви за мускусной завесой чести). В первом отрезке все слова между собой связываются по своей отнесенности к черноте: ҳажр – қаро – шом – мушк – тийра – юбусат – заъф – судоғ (разлука – черный – вечер – мускус – темный – сухота – слабость – головная боль). Слова, обозначающие черный цвет, четко передают внутренний мир Ширин, передают на бумаге ее бесконечные страдания в разлуке. Среди этих символических слов слово мускус занимает очень важное место. Оно отсылает к двум значениям: 1) черный цвет; 2) приятный запах. Здесь поэт имеет в виду оба значения: с одной стороны, дни Ширин черны, как мускус, мускус разлуки иссушает, усиливает беспокойство (черный цвет); а с другой стороны, мускус через слово ройиҳа со значением «благоухание, приятный запах» образует таносуб со словом ширин, связывает эту фразу с предыдущей.

Вторая часть фразы о том, как трудно скрыть любовь от посторонних, также построена на соответствии слов, связанных со словом ширин. Исходя из общей логики таносуб прозаического заголовка, поэт сравнивает любовь Ширин с мускусом. С приятным запахом связаны следующие слова: мушк, парда, нофа, ис (мускус, завеса, нофа (мешочек для мускуса), благоухание). На первый взгляд, между словами мускус и парда (завеса) нет никакой связи, но это слово в ряду со словом мускус, подобно

слову най (тростник) в связи с Ширин, приобретает особое контекстуально обусловленное значение. Как написано в древних книгах, мускус добывается из мускусных желез кабарги, водящейся в степях Хотана, и является редким веществом. Обычно животный мускус, добываемый из кабарги, покрыт пленкой. Поэт, говоря номус пардаси (завеса чести), делает намек на эту мускусную пленку. Нофа – это мешочек с мускусом. Уподобляя любовь мускусу, а завесу чести – пленке, покрывающей мускус, поэт описывает душевное состояние, о котором говорят в народе: «Мушк исин ешурса бўлмас» – Нельзя скрыть благоухание мускуса: любовь – это мускус, честь – пленка мускуса. Как благоухание мускуса нельзя удержать в мешке, так и любовь, похожую на благоухание мускуса, трудно сохранить за завесой чести.

В последней фразе говорится о состоянии Фархада во время чтения послания Ширин: ва Фарход ўқуб, анинг сунбули мушкинидек печу тобдин эси озғони ва беҳудона анинг номасига жавоб езғони (как Фархад, прочитав (письмо Ширин), обезумел от волнения, подобного ее мускусному гиацинту, и как писал ответное письмо в состоянии безумия). Великий мастер сравнивает переживания и трепет Фархада при чтении письма Ширин с волнистыми волосами Ширин. Настоящий волшебник слова, Навои мог бы описать растерянность и волнение Фархада другими словами, другими яркими сравнениями. Но, не нарушая общей соотносительности в прозаическом заголовке, снова обращается к словам, связанным с именем Ширин, отсылающим к приятному запаху: сунбул, мушкин, печу тоб (гиацинт, мускусный, закрученность). Сунбул (гиацинт) – это растение, растущее на склонах гор, по которым сочится вода; его волокна напоминают девичьи волосы. Поэтому в литературе прошлого волосы любимой часто сравниваются с гиацинтом. Слово мушкин означает «мускусный», печу тоб – «волнистый, закрученный, петлевидный». Слова сунбул и мушкин относятся к волосам Ширин. Между описаниями тела и состояния Фархада и волос Ширин также есть тонкая связь. Одним из постоянных свойств волос возлюбленной является их волнистость (закрученность): ҳалқа-ҳалқа. Слово ҳалқа, то есть кольцо, связано со словом цепь, а цепь, в свою очередь, – со словом безумие. Из сказанного следует, что сравнение тела Фархада с волосами Ширин не случайно, извивание его тела, когда читал ее письмо, подобно волнистым волосам Ширин,

и его безумие в момент написания ответного письма есть результат волнистости и закрученности волос Ширин.

Таким образом, в прозаических заголовках художественное изображение во многом построено на слове ширин (приятный) и связанных с ним словах. Высочайшее соответствие, таким образом, – основное в заголовках. Это не игра словами и, тем более, их значениями, а нечто, создаваемое исключительно по требованию содержания. Эта особенность поэтического стиля Навои нашла свое отражение в его отношении к тонкостям значения отдельных слов. Так, в первой фразе приведены три слова: шакар, кофур и мушк (сахар, камфара и мускус). Во всех трех словах есть один смысл – ширин (приятное), но у них разный цвет: у первых двух веществ белый цвет, у мускуса же цвет черный. Это объясняется тем, что помимо слов Ширин, которые приятны, как сахар, как камфара и как мускус, есть и страница, которая бела, как сахар и как камфара. В последующих фразах поэт из этих слов оставляет только мушк (мускус). Ибо во второй фразе для выражения горестей Ширин, а в третьей – страданий Фархада в разлуке, более соответствующим является не белый, а черный цвет.

Слова, приведенные во второй и третьей фразе, составляют цепеобразную связь именно с «черным цветом» слова мускус: каро – шом – тийра – юбусат – заъф – судоъ – парда – сунбул (мускус – черный – вечер – темный – сухота – слабость – головная боль – завеса – гиацинт).

Все изложенное выше, на наш взгляд, является еще одним свидетельством величия Алишера Навои как мастера слова.

В заключение можно сказать, что принципы поэтического изображения Алишера Навои определились еще в ранний период его творчества. «Если появлялась матла (начальный бейт газели) на какую-нибудь тему, – писал он об особенностях своих газелей во Вступлении к своему первому дивану «Бадойи ул-бидоя» («Красоты начала»), – то я стремился к тому, чтобы все остальные бейты и со стороны образного выражения, и со стороны смысла были ответственны ей, то есть этой матле» [1. С. 22]. Это и является признаком стиля высочайшего соответствия. Этот стиль присущ не только газелям, но и всем другим произведениям великого поэта: лирическим, эпическим, стихотворным и прозаическим. Одним из блестящих проявлений этого являются и прозаические заголовки глав поэмы «Фархад и Ширин».

Список литературы

1. Алишер Навоий МАТ. 20 томлик / Навоий Алишер. – Тошкент, 1990. – Т. 1. – 485 с.
2. Алишер Навоий МАТ. 20 томлик / Навоий Алишер. – Тошкент, 1991. – Т. 8. – 510 с.
3. Жалолов, Т. «Хамса» талқинлари / Т. Жалолов. – Тошкент, 1968. – 88 с.
4. Носиров, О. Ўзбек адабиетида ғазал / О. Носиров. – Тошкент, 1972. – 78 с.
5. Рашид ад-Дин Ватват Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р) / Ватват Рашид ад-Дин. – М., 1985. – 327 с.
6. Рустамий, А. Адиллар одобидан адаблар / А. Рустамий. – Тошкент, 2003. – 84 с.
7. Шайхзода, М. Асарлар. Олти томлик. Тўртинчи том / М. Шайхзода. – Тошкент, 1972. – 372 с.
8. Қаюмов, А. Асарлар. 3-жилд / А. Қаюмов. – Тошкент, 2009. – 378 с.

Сведения об авторе

Курбанов Абдулхамид Абдукаюмович – старший научный сотрудник-исследователь Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами, Республика Узбекистан.

akurbanov-57@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 102–108.*

**THE STYLE OF THE HIGHEST COMPLIANCE
OR CHAIN-LIKE SEMANTIC LINKS
(poetics of prose poem titles «Farhad and Shirin» by Alisher Navoi)**

A. A. Kurbanov

Tashkent State Pedagogical University of Nizami, Uzbekistan. akurbanov-57@mail.ru

This article about prosaic headers poem “Farhad and Shirin”, like all the works of the great poet, written in a particular style. This style can be called a style of the highest conformance or chain-like interconnectedness. The property of this style is that a separate “jumla” or all of the prosaic title of being built on one or two main words and other words and verbal means somehow communicate with the main word, and this connection can be content, value, color, smell, taste, influence, time, place, and so on. Besides that there was analyzed a number of fine examples of this style.

Keywords: *Nizamiy Ganjaviy, “Hamsa”, Alisher Navoi, tradition, creativity, “Farhad and Shirin”, prose headlines, tanosub, style.*

References

1. Alisher Navoi *Mukammal asarlar tuplami. 20 tomlik* [Complete works in 20 volumes], vol. 1. Tashkent, 1990. 485 p. (In Uzbek).
2. Alisher Navoi *Mukammal asarlar tuplami. 20 tomlik* [Complete works in 20 volumes], vol. 8. Tashkent, 1991. 510 p. (In Uzbek).
3. Jalolov T. *“Xamsa” talqinlari* [Interpretation of Hamsa]. Tashkent, 1968. 88 p. (In Uzbek).
4. Nosirov O. *Uzbek adabiyotida gazal* [Gazelle of the Uzbek literature]. Tashkent, 1972. 78 p. (In Uzbek).
5. Rashid ad-din Vatvat *Sady volshebstva v tonkostyax poezii (Xada'ik as-sixr fi daka'ik ash-shi'r)* [Magic Gardens of the Niceties of Poetry]. Moscow, 1985. 327 p. (In Uzbek).
6. Rustamiy A. *Adiblar odobidan adablar* [Talks about the art of writers]. Tashkent, 2003. 84 p. (In Uzbek).
7. Shayxzoda M. *Asarlar. 6 tomlik* [Works. 6 volumes], vol. 4. Tashkent, 1972. 372 p. (In Uzbek).
8. Qayumov A. *Asarlar* [Works], vol. 3. Tashkent, 2009. 378 p. (In Uzbek).

УДК 811. 512. 141'373.213
ББК 81.2 Баш - 3

Н. А. Ласынова, Л. Р. Сулейманова, Ф. М. Сулейманов

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ БАШКИРСКИХ ОРОНИМОВ

Изучение структурно-словообразовательной типологии топонимов представляет большой интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку каждое географическое название образуется по законам того языка, которому оно принадлежит. Определение закономерностей образования топонимов, выявление основных структурных типов помогает установить их грамматическое строение, и таким образом способствует правильной научной этимологии, отделению иноязычных топонимов от общего состава местных названий. Вот почему вопросам структуры, словообразования топонимов уделяется большое внимание в ономастике. В языкознании над вопросами структуры и словообразования топонимов работали В. А. Никонов, Н. А. Баскаков, Дж. Г. Киекбаев, О. Н. Трубочев, В. Н. Топоров, Г. Е. Корнилов, А. К. Матвеев, Г. И. Донидзе, Н. В. Подольская, О. Т. Молчанова, О. А. Султаньяев, С. Молла-Заде, Г. Ф. Саттаров, Р. З. Шакуров, Ф. Г. Хисамитдинова, А. А. Камалов, В. Ш. Псянчин, М. Г. Усманова, Г. Х. Бухарова, З. Ф. Габдрахманова, Л. М. Хусаинова, Р. Я. Халитов и др. По структурно-словообразовательным признакам башкирские оронимы можно разделить на две большие группы: однокомпонентные и двухкомпонентные. Однокомпонентные оронимы утратили определяемую часть названия и образованы морфематическим способом с помощью аффиксации и сложения основ. В двухкомпонентных оронимах определяемой частью онима выступают географические термины, выражающие различные формы рельефа и другие географические объекты. Вместе с первыми компонентами они образуют названия, образованные морфематическим и лексико-синтаксическим способами, путем сложения основ и лексикализации словосочетаний.

Ключевые слова: *ороним, оротермин, гидротермин, ойкотермин, положительная форма рельефа, отрицательная форма рельефа, “нулевая” форма рельефа.*

Структурно-словообразовательный анализ лексических единиц какого-либо языка необходим для выявления продуктивных словообразовательных аффиксов и структурных моделей определенного языка. Большинство исследователей-лингвистов рассматривают в структурно-словообразовательном аспекте ту или иную семантическую и грамматическую группу лексем. Например, в трудах М. И. Карабаева [8], С. Ф. Каримовой [9], Л. Р. Сулеймановой [16] и др. рассматриваются словообразовательные особенности определенных тематических групп лексем башкирского языка.

Изучение структурно-словообразовательной типологии географических названий представляет большой интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку каждое географическое название образуется по законам определенного языка [5]. Определение закономерностей образования топонимов, выявление основных структурных типов помогает установить их грамматическое строение и, таким образом, способствует пра-

вильной научной этимологии, отделению иноязычных топонимов от общего состава местных названий. Вот почему вопросам структуры, словообразования топонимов уделяется большое внимание в ономастике.

Вопросы структуры и словообразования башкирских топонимов мы находим в трудах и диссертационных исследованиях известных башкирских ономастологов Р. З. Шакурова, А. А. Камалова, В. Ш. Псянчина, Ф. Г. Хисамитдиновой, М. Г. Усмановой, Г. Х. Бухаровой, З. Ф. Габдрахмановой, Л. М. Хусаиновой, Р. Я. Халитова и других.

Р. З. Шакуров, А. А. Камалов, М. Г. Усманова по структуре все топонимы делят на простые и сложные, далее М. Г. Усманова сложные топонимы классифицирует по структурным моделям [17]. Ф. Г. Хисамитдинова башкирские ойконимы разделяет на одноосновные и двуосновные [19], башкирские мифотопонимы делятся Г. Х. Бухаровой на неграмматические и грамматические онимы [2], тюркские гидронимы Оренбуржья Р. Я. Халитовым делятся на

непроизводные и производные [18], Л. М. Хусаинова башкирские микротопонимы делит на простые, сложные и сокращенные [20]. В плане источникового материала по изучаемой теме интересны историко-этнографические работы Ф. М. Сулейманова, в которых представлен ряд старинных и возникших в более позднее время простых и сложных топонимов и микротопонимов, выявленных автором из архивов и путем полевых исследований [14; 15].

При анализе башкирских оронимов мы в основном придерживаемся вышеназванных классификаций. Но, как отмечает О. Т. Молчанова, изучающая тюркские топонимы Горного Алтая, каждый вид наименований географических объектов имеет свои специфические способы образования [11].

В. А. Жучкевич в работе «Общая топонимика» подчеркивает, что обычным способом словообразования башкирских географических названий является словосочетание. Башкирские оронимы и гидронимы он делит на три группы: 1) названия, представляющие сочетание определения с определяемым (часто географическим термином); 2) названия, утратившие вторую часть словосочетания; 3) названия, утратившие первую, атрибутивную, часть словосочетания или не имевшие ее [4].

В. Ш. Псянчин в работе «Словообразовательные модели оронимов Башкирии» указывает, что башкирские оронимы образованы в основном путем сложения двух и трех компонентов, одни из которых являются определяемой частью, другие – определениями. В роли определяемой части выступают географические термины. Оронимы, в составе которых имеются термины, обозначающие объекты меньшего размера, больше всего наблюдаются в микротопонимии. В макротопонимии оронимические термины малоупотребительны. Такое явление, видимо, зависит от популярности географических объектов, с одной стороны, и от большой масштабности их, с другой [12].

По собранным фактическим и теоретическим материалам оронимы Башкортостана с точки зрения структуры и словообразования можно разделить на две большие группы: однокомпонентные и двухкомпонентные.

Первую группу составляют оронимы, состоящие из одного слова. Они обычно называют крупные по масштабу и общеизвестные объекты, которые известны населению без какого-либо подчеркивания того, что они являются возвышенностями, равнинами или впади-

нами. Например, Елмэрзэк, Ирэмэл, Ирэндек, Йэнгүзэй, Комарзак, Кырака, Кыркты, Мағаш, Мэйэрзэк, Урал и так далее. В редких случаях одноосновные оронимы встречаются и в названиях микрообъектов: Алтын, Бизергән, Бүжә, Гәнкә, Йәнтәл, Кәнгәк, Типкес и так далее.

В одноосновных, утративших номенклатурный термин оронимах, можно выделить следующие группы по словообразовательным признакам: а) непроизводные оронимы; б) производные оронимы.

К непроизводным оронимам относятся названия, образованные путем перехода в они нарицательных имен существительных, собственных имен существительных и субстантивации имен прилагательных, глагольных форм. Например, от антропонимов: *Муса* (гора), *Мортаза* (поляна), *Зарифа* (местн.); от нарицательных имен существительных: *Тумар* букв. ‘Кочка’ (сенокосное угодье), *Арык* букв. ‘Арык’ (поляна), *Туш* букв. ‘Широкий склон горы’ (холм), *Әсәй* букв. ‘Мама’ (гора), *Тутай* букв. ‘Сестра’ (поляна), *Бурһык* букв. ‘Барсук’ (гора), *Дөйә* букв. ‘Верблюды’ (местность); от имен прилагательных: *Ауыш* букв. ‘Наклонный, покатый’ (холм), *Әсе* букв. ‘Соленый’ (поляна), *Асыл* букв. ‘Драгоценный’ (горный массив); от глагольных форм: *Колама* букв. ‘Не падай’ (гора), *Сумған* букв. ‘Погрузилась’ (впадина), *Кайнау* букв. ‘Кипеть’ (гора) и так далее.

В оронимии Башкортостана встречаются также субстантивированные производные имена прилагательные, глагольные формы, образованные способом аффиксации и сложения основ.

В образовании этой группы наименований в большинстве случаев участвуют аффиксы *-лы/-ле*, *-ло/-лө*, указывающие на обладание орообъекта слагающими породами, растительностью; *-лык/-лек*, *-лок/-лөк*, выражающие скопление, обилие, концентрацию конкретных предметов в определенной местности и так далее. Например, *Шәреле* букв. ‘Сырая, водянистая’ (ложбина), *Әселе* букв. ‘Солончаковая’ (поляна), *Сейәле* букв. ‘Вишневая’ (гора), *Усаклык* букв. ‘Осинник’ (сенокосное угодье), *Муйыллык* букв. ‘Черемушник’ (поляна), *Сейәлек* букв. ‘Вишеник’ (гора) и так далее.

Вторую группу оронимов мы рассматриваем как двухкомпонентные лексические единицы. При этом вторыми компонентами или определяемой частью выступают орографические термины, указывающие на различные

формы рельефа. Анализ собранного материала дает нам возможность классифицировать оронимы юго-восточной части Башкортостана по структуре следующим образом:

1. Оронимы, определяемыми компонентами которых выступают термины, обозначающие положительные формы рельефа (объекты, возвышающиеся над равнинным уровнем).

В оронимии положительными формами рельефа называют объекты, возвышающиеся над равнинным уровнем. А. А. Камалов определяет, что в башкирском языке применяется примерно 70 терминов для характеристики положительных форм рельефа [7].

В исследуемом нами регионе Башкортостана употребляются следующие орографические термины, обозначающие положительные формы рельефа на башкирском языке: *арка* 'хребет', *бейек* 'высота, вершина', *бит* 'склон горы', *кабак* 'обрыв, скат', *кая* 'скала, утес', *кыр* 'гребень горы', *кырака* 'горный отрог, вышина', *кырла* 'гребень горы', *морон* 'мыс', *сагыл* 'косогор', *сусак* 'сопка', *тау* 'гора', *таш* 'камень', *түбә* 'вершина, холм', *түң* 'бугорок, холм', *түш* 'склон горы', *уба* 'холм, курган', *ур* 'подъем, возвышение', *һырт* 'хребет', *яр* 'берег, яр'. Эти термины обозначают горную систему, возвышенность, холм, вершинные части горы, склон, подножие и мыс.

2. Оронимы, определяемым компонентом которых является термин, обозначающий отрицательные формы рельефа (всевозможные типы понижений по отношению к уровню равнины).

В географии всевозможные типы понижений по отношению к уровню равнины называют отрицательными формами рельефа. В исследуемом нами регионе зафиксированы оронимы с терминами *йыра* 'рытвина, овраг, канава', *йырын* 'овраг', *кысык* 'теснина', *мәмерйә* 'пещера', *сокор* 'яма, впадина, котлован', *уй* 'овраг, низменность', *уя* 'ложбина, овраг, низменность', *үзән* 'долина', *үзәк* 'долина, овраг', которые обозначают объекты, относящиеся к отрицательным формам рельефа.

3. Оронимы, определяемым компонентом которых является термин, обозначающий «нулевые» формы рельефа (объекты, расположенные на равнинном уровне).

Орообъекты, находящиеся на равнинной местности, называют объектами, расположенными на «нулевой» отметке. В башкирском языке их обозначают терминами *бакса* 'огород', *басыу* 'поле, пашня', *буй* 'побережье, луг', *ер* 'местность, участок земли', *кыуак*

букв. куст, кустарник, но в географических названиях употребляется в значении 'местность', *сабын* 'покос, сенокосное угодье', *төбәк* 'местность', *тугай* 'луг', *һаз* 'чаща, дебри', *ялан* 'поле, степь'.

4. оронимы, определяемым компонентом которых являются гидротермины.

Гидротермины типа *быуа* 'пруд', *йылга* 'река', *күл* 'озеро', *козок* 'колодец', *койо* 'колодец, ключ, родник' принимают участие в образовании оронимов.

5. Оронимы, определяемым компонентом которых являются ойкотермины.

Такого рода оронимы встречаются и в исследуемом регионе Башкортостана, употребляющиеся для обозначения местности, в которой были какие-то жилищные строения или поселения. В нашей картотеке зафиксировано 33 оронима, в составе которых вторым компонентом является ойкотермин. Встречаются термины поселений: *йорт* 'усадебный двор', *кышлау* 'зимовье', *урын* 'местность', *утар* 'зимовье, хутор, усадьба, имение', а также термины жилищ и построек – *аласык* 'летняя кухня, лачуга', *кәртә* 'ограда, хлев', *кыуыш* 'шалаш', *өй* 'дом, изба', *ызма* 'зимовка, зимовье' [19].

Первый компонент состоит из одного слова и находится в атрибутивном отношении, способ связи между компонентами – примыкание. Первые компоненты выражены производными и производными именами прилагательными, именами существительными, числительными, глагольными формами и предложениями. Например:

1) непроизводное имя прилагательное + оротермин: *Ямантау* букв. 'Плохая гора', *Караташ* букв. 'Черный камень', *Оло һырт* букв. 'Большой хребет', *Әсебейек* букв. 'Солончаковая возвышенность', *Буйсагыл* букв. 'Продольный косогор', *Кесейыра* букв. 'Малая канава', *Корузак* букв. 'Сухая ложбина', *Озонялан* букв. 'Длинная поляна';

2) производное имя прилагательное + оротермин: *Елдарка* букв. 'Ветренный хребет', *Остосусак* букв. 'Остроконечная сопка', *Йәйпәгыз* букв. 'Плоский хребет', *Сейәлетүш* букв. 'Вишневый склон', *Йүкәлеуй* букв. 'Липовая ложбина', *Канлыбил* букв. 'Кровавый перевал', *Төһәзсокор* букв. 'Бездонная яма', *Йыланлытугай* букв. 'Змеиный луг';

3) имя существительное + оротермин: *Яулыктау* букв. 'Гора-платок', *Еләктүбә* букв. 'Ягодный холм', *Тамсүзәк* букв. 'Ложбина капли', *Төйләгәнүзәк* букв. 'Ложбина коршуна';

4) двусоставное предложение + оротермин: *Кызларсеңләгән тау* букв. 'Гора, где девушки пели плач' (лит. *кыззар*), *Кызбасканташ* букв. 'Камень, куда наступила девушка', *Яуартылган түбә* букв. 'Холм, через который перевалило войско', *Йәшенаткан түбә* букв. 'Холм, в который ударила молния', *Илегоскангая* букв. 'Скала, откуда свалилась косуля', *Атсапкан билән*, *Айыуталаган үзәк* букв. 'Ложбина, где медведь искусал', *Айыубакырганъялан* букв. 'Поле, где ревел медведь';

5) односоставное неопределенноличное предложение + оротермин: *Кумыз тарткангая* букв. 'Скала, где играли на комузе', *Киндерйәйгән түши* букв. 'Склон, где расстелили коноплю'.

В отдельных случаях оротермины имеют аффиксы III лица категории принадлежности *-ы/-е, -һы/-һе*, которые связаны с первым компонентом способом изафета (II тип).

В оронимах этой группы первые компоненты могут быть выражены такими частями речи, как имена существительные, прилагательные и глаголы, состоящими из одного слова. Они образованы в основном по следующим моделям:

1) нарицательное непроизводное имя существительное в неопределенном притяжательном падеже в ед. числе + оротермин с аффиксом принадлежности: *Мәсет түңе* букв. 'Холм мечети', *Тирмән түбәһе* букв. 'Холм мельницы', *Өкө каяһы* букв. 'Скала Филина', *Һыйыр сағылы* букв. 'Косогор коровы', *Татар түше* букв. 'Склон татарина', *Һыйыр йылғаһы* букв. 'Река коровы', *Губернатор юлы* букв. 'Дорога губернатора';

2) нарицательное непроизводное существительное в неопределенном притяжательном падеже во мн. числе + термин: *Кыззар тауы* букв. 'Девичья гора', *Бабайзар тауы* букв. 'Гора стариков', *Кыззар ташы* букв. 'Камень девушек', *Фашиктар түбәһе* букв. 'Холм влюбленных', *Үлектәр убаһы* букв. 'Холм мертвецов', *Казактар үре* букв. 'Подъем казахов', *Байзар баксаһы* букв. 'Сад богатых';

3) нарицательное составное имя существительное в неопределенном притяжательном падеже в ед. числе + термин: *ак + бур* > *Акбур тауы* букв. 'Гора мела', *һабан + туй* > *Һабантуй тауы* букв. 'Гора, где проводят сабантуй', *ак + кош* > *Аккош тауы* букв. 'Гора лебедя' и так далее;

4) нарицательное производное существительное + оротермин: *телә-* + *-к* > *Теләк*

тауы букв. 'Гора желания', *караңгы-* + *-лык* > *Караңгылык тауы* букв. 'Гора темноты', *утын* + *-лык* > *Утынлык тауы* букв. 'Гора дровяника';

5) антропоним + термин: Антон каяһы букв. 'Скала Антона', *Айса кырлаһы* букв. 'Гребень Айсы', *Бейеш кыракаһы* букв. 'Гребень Бейеша', *Банат мороно* букв. 'Мыс Банат', *Сибай биләне* букв. 'Перевал Сибая', *Канифә юлы* букв. 'Дорога Канифы', *Гагарин ере* букв. 'Местность Гагарина', *Надя баһыуы* букв. 'Поле Нади';

6) субстантивированное причастие + оротермин: *Курган тауы* – причастие прошедшего времени курган + тауы, *Үлмәс тауы*, *Кәрәкмәс тауы* – *үлмәс*, *кәрәкмәс* – причастия будущего времени в отрицательной форме + тауы;

7) атрибутивное словосочетание + термин: *Етегыз тауы* букв. 'Гора семи девушек', *Озонгыр түбәһе* букв. 'Холм длинного гребня', *Караһыйыр бейеге* букв. 'Возвышенность черной коровы', *Акташ бите* букв. 'Склон белого камня', *Һаһыкбейә түше* букв. 'Склон вонючей кобылы' (лит. *Һаһык*), *Шүлгәнташ мәмерйәһе*, *Бурылбейә сокоро* букв. 'Яма чалой кобылы', *Күкбейә үзәге* букв. 'Ложбина сивой кобылы';

8) комплетивное словосочетание + термин: *Суйынтапкан тауы* букв. 'Гора, где добывали чугун', *Тактаярган тауы* букв. 'Гора, где пилили доску', *Казанһалган һыртты* букв. 'Гребень, где оставили котел', *Бураткан үзәге* букв. 'Ложбина, где подстрелили волка';

9) словосочетание, образованное способом изафета (II тип) + оротермин: *Күгәрсен ташы тауы* букв. 'Гора, где есть камень голубя', *Айыу өңө тауы* букв. 'Гора, где есть берлога медведя', *Колон йылғаһы тауы* букв. 'Гора, где есть река жеребенка', *Озонгыр башы тауы* букв. 'Гора, где начинается длинный гребень';

10) двусоставное предложение + оротермин: *Катайһугышкан тауы* букв. 'Гора, где сражался катый (название племени)', *Яугасты тауы* букв. 'Гора, по которой сбежало войско', *Мәйетбар тауы* букв. 'Гора, где есть труп', *Котташа аркаһы* букв. 'Хребет, где переваливает счастье', *Ергүскән түбәһе* букв. 'Холм, где сместилась Земля', *Төлкоскан каяһы* букв. 'Скала, откуда свалилась лиса', *Колабейәшыуған бите* букв. 'Склон, по которому скользила саврасая кобыла'.

В некоторых случаях орографические термины, обозначающие положительные формы рельефа, являются определительной частью

Термины, обозначающие положительные формы рельефа							Термины, обозначающие «нулевые» формы рельефа						Термины, обозначающие отрицательные формы рельефа					Другие термины	
тау	таш	түбә	кыр	бейек	кая	түш	ялан	туғай	һаз	буй	кыуак	бағыу	үзәк	билән	сокор	уй	бил	ойкотермины	гидротермины
328	133	69	19	18	18	12	81	62	42	20	14	13	99	26	21	14	11	42	15
579							232						171					57	

названий. Например, *Сағылузак* букв. 'Ложбина на косогора', *Сусактау* букв. 'Выступающая гора', *Сусакташ* букв. 'Торчащий камень', *Сусак тауы* букв. 'Пик горы', *Сусак башы* букв. 'Вершина сопки', в которых термин *сусак* употребляется в значении «торчащая, выступающая».

Наиболее часто употребляемые термины в составе оронимов исследуемого нами региона отражает следующая таблица. В ней отражены только те географические термины, которые употреблены в более, чем 10 названиях.

Преобладающее большинство башкирских оронимов образованы II типом тюркского изафета. В таких названиях, типа *Корузак*, *Елдарка*, *Тамсүзак* наблюдаем явление элизии.

Элизии подвергаются гласные [о], [э], [ы]. В интервокальной позиции и в сочетании с сонорными согласными как [й], [р], [н], [v] наблюдается чередование [к] > [г], [к] > [ғ], например, йәйпә + кыр > *Йәйпәғыр*, илек + оскан + кая > *Илегоскангая*, кумыз + тарткан + кая > *Кумызтарткангая* и так далее. По структуре башкирские оронимы образованы по модели «определяющая часть + определяемая часть». В роли определяемой части выступают орографические термины, указывающие на расположение объекта относительно уровня равнины. 2/3 оронимов в нашей картотеке образованы с помощью географических терминов, а 1/3 оронимов утратили определяемый компонент.

Список литературы

1. Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. – М., 1996.
2. Бухарова, Г. Х. Башкирская мифотопонимия : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Х. Бухарова. – Уфа, 1998. – 23 с.
3. Габдрахманова, З. Ф. Топонимия северо-восточного Башкортостана : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. Ф. Габдрахманова. – Уфа, 1992. – 18 с.
4. Жучкевич, В. А. Общ. топонимика : учеб. пособие / В. А. Жучкевич. – М., 1980. – 288 с.
5. Зайнуллин, М. В. Словообразовательные и семантические типы глагольных микротопонимов в башкирском языке / М. В. Зайнуллин // Ономастика Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 113–117.
6. Ишбаев, К. Г. Словообразование башкирского языка / К. Г. Ишбаев. – Уфа, 1994. – 284 с.
7. Камалов, А. А. Башкирские географические термины и топонимия / А. А. Камалов. – Уфа, 1997. – 384 с.
8. Карабаев, М. И. Лексико-синтаксический способ словообразования в башкирском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Карабаев. – Уфа, 2006. – 26 с.
9. Каримова, С. Ф. Структурно-семантические и словообразовательные особенности местоимений в башкирском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ф. Каримова. – Уфа, 2011. – 23 с.
10. Ласынова, Н. А. Оронимия Юго-Восточного Башкортостана (лингвистический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Ласынова. – Уфа, 2004. – 23 с.
11. Молчанова, О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Саратов, 1982. – 256 с.

12. Псянчин, В. Ш. Словообразовательные модели оронимов Башкирии / В. Ш. Псянчин // Ономастика Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 277–281.
13. Словарь топонимов Республики Башкортостан / отв. ред. А. А. Камалов, Р. З. Шакуров. – Уфа, 2002. – 200 с.
14. Сулейманов, Ф. М. История деревни Салимово Зилаирского района / Ф. М. Сулейманов // Ватандаш (Соотечественник). – 2013. – № 9. – С. 32–42.
15. Сулейманов, Ф. М. Юго-восточный Башкортостан: малоизученные страницы истории и этнографии / Ф. М. Сулейманов. – Уфа, 2013. – 268 с.
16. Сулейманова, Л. Р. Лексика и фразеология погребально-поминального обряда в башкирском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Р. Сулейманова. – Уфа, 2006. – 25 с.
17. Усманова, М. Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар / М. Г. Усманова. – Уфа, 1994. – 272 с.
18. Халитов, Р. Я. Гидронимия Оренбуржья : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Я. Халитов. – Уфа, 2002. – 24 с.
19. Хисамитдинова, Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа, 1991. – 304 с.
20. Хусаинова, Л. М. Башкирская микропонимия: структура, семантика, этимология : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Хусаинова. – Уфа, 2002. – 27 с.
21. Шакуров, Р. З. По следам геогр. названий / Р. З. Шакуров. – Уфа, 1986. – 184 с.

Сведения об авторах

Ласынова Найля Азаматовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирской филологии Сибайского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.
nalasinova@mail.ru

Сулейманова Луиза Рауфовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирской филологии Сибайского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.
luizasul22@yandex.ru

Сулейманов Фуат Мурзагалиевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией историко-гуманитарных исследований Государственного автономного научного учреждения «Институт региональных исследований Республики Башкортостан», г. Уфа.
fuatms@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 109–116.*

STRUCTURAL AND DERIVATIONAL TYPOLOGY OF BASHKIR ORONYMS

N. A. Lasynova

Bashkir State University Sibai Institute (filial), Ufa. nalasinova@mail.ru

L. R. Suleimanova

Bashkir State University Sibai Institute (filial), Ufa. luizasul22@yandex.ru

F. M. Sulejmanov

State autonomous scientific institution «Institute for Regional Studies of the Republic of Bashkortostan», Ufa. fuatms@yandex.ru

Studying of structural and derivational typology of toponyms represents a great interest not only for toponymics, but also for linguistics in general as each place name is formed under laws of that language

to which it belongs. Determination of regularities of formation of toponyms, identification of the main structural types helps to establish their grammatical structure, and thus promotes the correct scientific etymology. That is why much attention in onomastics is paid to questions of structure, word formation of toponyms. In linguistics V. A. Nikonov, N. A. Baskakov, J. G. Kiyekbayev, O. N. Trubachev, V. N. Toporov, G. E. Kornilov, A. K. Matveev, G. I. Donidze, N. V. Podolskaya, O. T. Molchanova, O. A. Sultanyayev, S. Molla-Zade, G. F. Sattarov, R. Z. Shakurov, F. G. Hisamitdinova, A. A. Kamalov, V. Sh. Psyanchin, M. G. Usmanova, G. H. Bukharova, Z. F. Gabdrakhmanova, L. M. Khusainova, R. Ya. Halitov, etc. worked on questions of structure and a word formation of toponyms. According to structural and word-formation characteristics the Bashkir oronims can be divided into two big groups: unicomponent and two-component. Unicomponent oronims lost the definition of the name and are formed in the morphemic way by means of affixation and addition of bases. In two-component oronims as the definition of an onim used the geographical terms expressing various forms of a relief and other geographical objects act. Together with the first components they form the names formed morphemic and leksiko-syntactic in the ways, in the way of addition of bases and leksikalization of phrases.

Keywords: *derivational typology, toponyms, the Bashkir oronims, formed in the morphemic way, geographical terms, various forms of a relief, word formation of toponyms.*

References

1. Uraksin Z.G. (ed.) *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, 1996. (In Russ.).
2. Buharova G.H. *Bashkirskaya mifotoponimiya* [Bashkir mythotoponymy]. Ufa, 1998. 23 p. (In Russ.).
3. Gabdrahmanova Z.F. *Toponimiya Severo-Vostochnogo Bashkortostana* [The toponymy of the North-East of Bashkortostan]. Ufa, 1992. 18 p. (In Russ.).
4. Juchkevich V.A. *Obchaya toponimika* [Common toponymy]. Minsk, 1980. 288 p. (In Russ.).
5. Zainyllin M.V. Slovoobrazovatel'nye i semanticheskie tipy glagol'nyh microtoponimov v bashkirskom iazyke [Word formed and semantic types of the verbal microtoponyms in the Bashkir language]. *Onomastika Povoljya* [Onomastics of the Volga Region]. Ufa, 1973. Pp 113–117. (In Russ.).
6. Ishbaev K.G. *Slovoobrazovaniye bashkirskogo iazyka* [The word formation of the Bashkir language]. Ufa, 1994. 284 p. (In Bashk.).
7. Kamalov A.A. *Bashkirskiye geograficheskiye terminy i toponimiya* [Bashkir geographic terms and toponymy]. Ufa, 1997. 384 p. (In Russ.).
8. Karabaev M.I. *Leksiko-sintaksicheskii sposob slovoobrazovaniya v bashkirskom iazyke* [Lexico-syntactic way of word formation in the Bashkir language]. Ufa, 2006. 26 p. (In Russ.).
9. Karimova S.F. *Strukturno-semanticheskiye i slovoobrazovatel'nye osobennosti mestoimeniy v bashkirskom iazyke* [Structural-semantic and morphological features of pronouns in the Bashkir language]. Ufa, 2011. 23 p. (In Russ.).
10. Lasynova N.A. *Oronimiya Iugo-Vostochnogo Bashkortostana (lingvisticheskiy analiz)* [Oronyms Southeast of Bashkortostan (linguistic analysis)]. Ufa, 2004. 23 p. (In Russ.).
11. Molchanova O.T. *Strukturnye tipy turkskikh toponimov Gornogo Altaya* [Structural types of the turkic toponyms of Mountain Altai]. Saratov, 1982. 256 p. (In Russ.).
12. Psyanchin V.Sh. Slovoobrazovatel'nye modeli oronimov Bashkirii [Derivational model of oronims of Bashkiria]. *Onomastika Povoljya* [Onomastics of the Volga Region]. Ufa, 1973. 278 p. (In Russ.).
13. Kamalov A.A., Shakurov R.Z. (eds.) *Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan* [Dictionary of toponyms in the Bashkortostan Republic]. Ufa, 2002. 200 p. (In Russ.).
14. Suleimanov F.M. Istoriya derevni Salimovo Zilairского rayona [The history of the village Salimovo Zilairsky district]. *Vatandash (Sootechestvennik)* [Compatriot], 2013, no. 9, pp. 32–42. (In Russ.).
15. Suleimanov F.M. *Iugo-Vostochnyi Bashkortostan: maloizuchennyye stranicy istorii i ehtnografi* [South-East of Bashkortostan: the little-known pages of history and ethnography]. Ufa, 2013. 268 p. (In Russ.).

16. Suleimanova L.R. *Leksika i frazeologiya pogrebal'no-pominal'nogo obriada v bashkirskom iazyke (etnolingvisticheskiy analiz)* [Vocabulary and phraseology burial and funeral rites in the Bashkir language (ethno-linguistic analysis)]. Ufa, 2006. 25 p. (In Russ.).

17. Usmanova M.G. *Imya otchey zemli. Istoriko-lingvisticheskoe issledovaniye toponimii basseyna reki Sakmar* [The name of the father's land. Historical and linguistic study of toponymy the basin Sakmar river]. Ufa, 1994. 272 p. (In Russ.).

18. Khalitov R.Ya. *Gidronimiya Orenburj'ya* [The Hydronyms Of The Orenburg Region]. Ufa, 2002. 24 p. (In Russ.).

19. Khisamitdinova F.G. *Bashkirskaya oykonimiya XVI–XIX vv.* [Bashkir oikonomia of XVI–XIX centuries]. Ufa, 1991. 304 p. (In Russ.).

20. Khusainova L.M. *Bashkirskaya microtoponimiya: struktura, semantika, etimologiya* [Bashkir microtoponyms: structure, semantics, etymology]. Ufa, 2002. 27 p. (In Russ.).

21. Shakurov R.Z. *Po sledam geograficheskikh nazvaniy* [In the footsteps of geographical names]. Ufa, 1986. 184 p. (In Russ.).

УДК 81'374.26
ББК 81.2

Т. В. Лукоянова, С. И. Маджаева

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ – ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Анализируется медицинский словарь определенной области медицины, а именно «Хирургический инструментарий». Подтверждается модификация состава языка медицины. Статья свидетельствует об изменении словарного состава языка. Анализ терминов созданного словаря показал наличие аффиксальнообразованных, простых, многокомпонентных и сложных терминов. Указываются этапы составления словаря.

Ключевые слова: словарь, медицинский термин, коммуникация, хирургический инструментарий, терминология.

Язык представляет собой саморазвивающийся механизм, рождение и исчезновение слов в котором представляет одно из основных проявлений исторического процесса развития лексики каждого языка, что подтверждается словами И. А. Бодуэн де Куртенэ: «в языке нет неподвижности. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется» [1. С. 348]. В лексике отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно приводит к изменениям в словарном составе языка.

К таким общественным переменам относятся и развитие науки. Развитие науки влечет за собой появление новых терминов, так как именно термины являются важнейшим средством научной коммуникации, информационно-когнитивной структурой. В терминах заключены специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной деятельности; термин служит средством познания окружающего мира и передачи научных знаний следующим поколениям.

Развитие науки влечет за собой появление новых терминов. Например, прогресс в области телемедицины, видеоэндоскопической и малоинвазивной хирургии привел к появлению новых терминов: *рентгеноконтрастный буж* – *die Röntgenkontrastbougie, röntgenkontraste Sonde* – *radiopaquedilator, X-ray-contrastbougie*; *электротрепан* – *der Elektrotrepan, derelektrischer Trepanbohrer, elektrische Schädelssäge* – *electric trepan*; *электрокаутер* – *der Elektrokauter, der Glühkauter* – *electrocautery*; *микрокаутер* – *der Mikrokauter* – *micro(thermo)cauter*; *микроманипулятор* – *das Mikromanipulator* – *micromanipulator*; *прибор для стереотаксиса*

– *stereotaxischer Apparat* – *stereotaxis apparatus*; *криоскальпель* – *der Kryoskalpell* – *cryoscalpel*; *инсуфлятор* – *der Pulverbläser* – *insufflator*; *кальпель лазерный* – *das Laserskalpell* – *laserscalpel*; *ультразвуковой гармонический скальпель* – *ultraschall harmonische Skalpelle* – *ultrasonic harmonic scalpel* и др.

Словарный состав любого языка не поддается точному учету и имеет «открытый» характер, однако необходим учет терминов. Результатом такой работы являются словари. Словари необходимы не только для упорядочения терминов, но и для профессиональной коммуникации, а также для изучения медицинского термина.

Известны следующие виды медицинских словарей: переводные, толковые, энциклопедические (см. В. Ф. Новодранова, Е. В. Бекишева, Л. А. Татарина). Первым толковым словарем в области медицинских наук был «Врачебный словарь» А. Н. Никитина (1835). В 1892–1893 гг. вышел в переводе с немецкого «Первый энциклопедический медицинский словарь» А. Виларе. Большим событием стало издание «Энциклопедического словаря медицинских терминов» под редакцией академика Б. В. Петровского (1982–1984). Нельзя не отметить издание «Международной анатомической терминологии» под редакцией Л. Л. Колесникова (2003) на латинском, английском и русском языках. Термины в данном словаре расположены соответственно по системам организма и органам. Список латинских терминов и их английских эквивалентов соответствует Международной анатомической терминологии, утвержденной на XV Международном анатомическом конгрессе в Риме (Италия) в

1999 г. Прогресс в области медицины, а также взлет теоретической активности в области медицинского терминоведения в XXI в. стали основной причиной появления «узких» словарей: толковый англо-русский словарь и русско-английский словарь метафорических терминов черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии В. Ф. Новодрановой, латино-англо-русский словарь-справочник офтальмологических терминов Л. А. Татариновой и др.

Наше внимание привлекло отсутствие словаря языка медицины «Хирургический инструментарий», в связи с этим нами был составлен русско-немецко-английский словарь хирургического инструментария. Постоянное расширение международных контактов, интенсивность обмена медицинской информацией, возросшая значимость немецкого языка, который является официальным языком Германии, Австрии, Бельгии, Швейцарии и Люксембурга, на котором говорят в Канаде, США, Российской Федерации и некоторых странах Южной Америки, стали причинами составления словаря. Это обусловлено также расширяющимся сотрудничеством в области медицины в нашем регионе. Повышение квалификации в Германии, общение с немецкоговорящими коллегами повлекло за собой увеличение числа желающих изучить не только разговорный, но и медицинский немецкий.

Составленный нами словарь содержит 1143 термина раздела «хирургический инструментарий». Он состоит из русского слова и его перевода на английский и немецкий языки.

На первом этапе составления словаря мы выбирали термины из различных немецких и русских текстов по теме «хирургический инструментарий», систематизировали их в алфавитном порядке.

Затем мы распределили их по темам и построили фрейм «хирургический инструментарий». Фрейм «хирургический инструментарий» состоит из 10 слотов, 5 из них основные:

1) колющий медицинский инструментарий: *die Nadel, die Kanüle, die Blutentnahmekanüle, die Suturnadel, die Herzpunktionsnadel, der Knochenmarkpunktionstroker*;

2) режущий медицинский инструментарий: *das Amputationsmesser, das Valvotommesser, das Lasermesser, das Tenotom, das Augenskalpell, das Präparierskalpell, die Blutentnahmelanzette*;

3) оттягивающий медицинский инструментарий: *der Wundsperrer, der Schraubenretractor, der Aortenerweiterer, der Uterusdilator*;

4) зажимный медицинский инструментарий: *die Quetsche, das Magenkompressorium, die Darmquetsche, die Schieberpinzette*;

5) зондирующий медицинский инструментарий: *die Dehnsonde, der Harnröhrensteinsucher, die Metallbougie*.

И 5 дополнительных: шприцы (*die automatische Spritze, die Dauerspritze, die Syrette*); соединяющий инструментарий (*die Nagel für Malleolus- und Kondylusfixierung, der Dreilamellenagel*); специальный инструментарий (*der Rippenapproximator, das Stiften- und Nagelziehgerät*); сшивающий инструментарий (*das Bronchusstumpfnähgerät, der Apparat / das Gerät zum Setzen der Magendarmanastomose*); аппаратура для трансфузий, нагнетания, отсасывания (*die Kapillardrainage, die Absaugvorrichtung, der Elektroaspirator*).

При изучении способов терминообразования нами были даны лингвистические характеристики терминов подсистемы «хирургический инструментарий», вошедшие в словарь. Анализ показал, что для медицинской терминологии подсистемы «хирургический инструментарий» на немецком языке характерны следующие способы терминообразования:

1. Словообразование. Из проанализированных нами 1143 терминов 619 являются композитами. Мы классифицировали сложные существительные, исходя из двух принципов, данных М. Д. Степановой: а) по структурно-генетическому типу; б) по типу синтаксико-семантической связи между компонентами сложного слова – и пришли к следующему выводу [5]:

1. Классификация по структурно-генетическому типу показала, что для терминов раздела «хирургический инструментарий» в немецком языке характерны полносложные соединения (390 терминов). Например: *das Bauchmesser – нож брюшистый, der Schrägstichel – игольник долотообразный, das Schabeisen – распатор (скребок), der Zweiflanschdilator – дилататор двухлопастный*.

2. Согласно классификации по синтаксико-семантическому типу для терминов раздела «хирургический инструментарий» в немецком языке характерны определительные сложные существительные. Таковых было выявлено 598 терминов. Кроме того, наиболее распространенным является тип определительного сложного слова с определителем-существительным (488 терминов). Например: *das Rippenmesser – нож реберный, das Hornhautmesser – нож роговичный, der*

Knochenmeißel – долото костное. 48 из проанализированных нами терминов принадлежат к типу определительного сложного слова с определителем-прилагательным (*der Flachmeißel* – долото плоское, *die Universalzange* – щипцы универсальные, *die Ganzspritze* – шприц неразборный), 44 термина – к типу определительного сложного слова с определителем-глаголом (*der Drillbohrer* – бурав, *die Faßzange* – зажим, *die Absaugpumpe* – насос отсасывающий) и только 18 – к типу определительного сложного слова с определителем-числительным (*die Zweispurknochenhaltezange* – костедежатель двухдорожжковый, *der Dreilamellenerweiterer* – дилататор трехлопастный). 15 терминов принадлежат к типу сочинительных сложных существительных (*der Messer-Spatel* – нож-шпатель, *das Löffel-Raspatorium* – ложка-распатор).

II. Аффиксальное терминообразование представляет собой создание терминов из имеющихся в языке корневых морфем по словообразовательным моделям, типичным для данного языка. Анализ показал, что для предметной области медицины «хирургический инструментарий» в немецком языке характерно терминообразование с использованием следующих терминологических элементов: **-tom** – «разрез, рассечение» (*das Tenotom* – нож сухожильный, *das Nephrotom* – нефротом), **-skop** – «инструмент для визуального осмотра» (*das Zystoskop* – цистоскоп, *das Laryngoskop* – ларингоскоп), **-orium** – устройства, оборудование (*das Perforatorium* – перфоратор), **-klast** – дробить (*das Kranioklast* – краниокласт).

Для предметной области медицины «хирургический инструментарий» в немецком языке также характерны следующие суффиксы: **-chen** (образует уменьшительные существительные среднего рода, служит для обозначения малого размера предмета, например: *das Röhrchen* – канюля), **-er** (образует существительные мужского рода, обозначающие наименования орудий действия и других предметов; такие термины являются результатом переноса значения, например: *der Erweiterer* – дилататор, *der Absauger* – отсос), **-um** (образует существительные среднего рода, например: *das Operationsinstrumentarium* – инструментарий хирургический), **-e** (образует существительные женского рода, например: *die Guillotinschere* – ножницы гильотинные, *die Knochenzange* – кусачки костные).

Производные единицы, как подчеркивает Е. С. Кубрякова, можно рассматривать как

«когнитивно-дискурсивные образования» [2. С. 429], поскольку они формируются и создаются в определенных контекстных условиях не только как коммуникативные, но и как мыслительные единицы. Анализируя значение терминологических элементов, носитель языка уже предполагает, исходя из своего языкового опыта, возможные их значения.

Следует отметить, что в предметной области медицины «хирургический инструментарий» немецкого языка также есть простые термины (*der Schlauch* – зонд, *der Acus*, *die Nadel* – игла, *der Spiegel* – зеркало, *der Forzeps* – щипцы акушерские). Согласно М. Д. Степановой, простые слова не разложимы на более мелкие единицы – морфемы – и не являются производными от какого-либо другого слова; простые слова одновременно являются словами корневыми. К корневым словам М. Д. Степанова также относит исконно неодносложные слова или такие слова, которые не поддаются разделению на корень и аффикс в связи с тем, что последний является редким, единичным образованием или пережиточным явлением в языке и уже давно слился с корнем [5]. Однако данный тип терминов составляет лишь 3,5 % от проанализированных нами терминов.

III. В словарь были внесены и многокомпонентные терминологические словосочетания. Многокомпонентные словосочетания являются признаком прогрессивного периода развития науки и техники. Чем сложнее становится наука, тем сложнее языковые средства, обозначающие в этих областях предметы и явления. В нашем случае 313 терминов представляют собой многокомпонентные терминологические словосочетания: *die Klemme für Duktus Botallow* – зажим для Боталлова протока; *das gegipfelte Instrument* – инструмент остроконечный; *das Instrument mit stumpfen Ende* – das stumpfendige Instrument – инструмент тупоконечный.

IV. Словарь демонстрирует и семантические отношения. В него вошли 128 терминов-эпонимов; 30 антонимов; 436 синонимов. Основной причиной такого большого количества синонимов является то, что в немецком языке практически у каждого заимствованного термина есть немецкий эквивалент.

Анализ русско-немецко-английского словаря языка медицины «хирургический инструментарий» позволил выделить и термины-метафоры. Всего их 122.

В своем исследовании мы пришли к выводу, что в медицине наиболее часто использует-

ся метафора для описания явления путем сравнения его с хорошо известным предметом или явлением, то есть ассоциативная метафора. Все 122 проанализированные нами медицинские метафоры-термины принадлежат к ассоциативному виду. При этом можно выделить группы, когда медицинские метафоры-термины были образованы за счет сравнения:

с животными и частями тела животных: *das Hornhautmesser* – нож роговичный, *die Moskitoklemme* – зажим кровоостанавливающий типа «Москит»;

частями тела человека: *das Nadelohr* – ушко иглы;

действиями человека: *medizinischer Abkneifer* – выкусыватель медицинский;

растениями: *das Linsenmesser* – нож чечевицеобразный;

бытовыми предметами и инструментами из другой области: *das Gabelraspaorium* – распатор вилообразный, *das Knochenlevatorium* – элеватор костный, *korbformiger Extraktor* – экстрактор корзиночный (для удаления камней из мочеоточника), *die Knopfsonden* – зонды пуговчатые;

оружием: *die Kugelzange* – щипцы пулевые.

Для того чтобы понять метафору, необходимо проследить путь ее создания, а это неизбежно

но требует умственного усилия в «преодолении несовместимости значений» и «восстановлении смысловой гармонии» [3]. Так, например, щипцы пулевые – щипцы с изогнутыми губками, оканчивающимися острым зубцом. Раньше эти щипцы предназначались для извлечения мягких свинцовых пуль, сейчас используются при различных гинекологических вмешательствах для захватывания и удержания шейки и тела матки [7].

В заключение отметим, что с развитием науки и техники проблема создания словарей не теряет актуальности. Словари, являясь собранием терминов, играют большую роль в духовной культуре, так как в них отражаются знания, которыми обладает данное общество в определенную эпоху. Кроме того, медицинский словарь является источником изучения специального термина. Так, анализ терминов в созданном нами словаре показал наличие следующих специальных единиц языка медицины «хирургический инструментарий»: простые термины, многокомпонентные, сложные. Анализ также показал, что данные термины вступают в семантические отношения.

Подобный словарь поможет не только студентам-медикам, но и специалистам в области хирургии.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. 1.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.
3. Маджаева, С. И. Способы номинации в медицинской терминологии / С. И. Маджаева // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – № 1 (22). – URL: <http://tverlingva.ru>
4. Новодранова, В. Ф. Из истории медицинского терминоведения / В. Ф. Новодранова, Е. В. Бекишева // Язык медицины : всерос. межвуз. сб. науч. тр. – Самара, 2007. – Вып. 2. – С. 19–27.
5. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М., 2007. – 378 с.
6. Татарина, Л. А. Структурно-семантический анализ офтальмологической терминологии в английской научной литературе / Л. А. Татарина. – Одесса, 1985 – 150 с.
7. Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. – М., 1984. – Т. 3. – 512 с.

Сведения об авторах

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета. sanya-madzhaeva@yandex.ru

Лукоянова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета. lucoyanova_tanya@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 117–121.*

SPECIAL DICTIONARY IS A SOURCE FOR STUDYING OF TERMINOLOGY

T. V. Lukyanova

Astrakhan State Medical University. sanya-madzhaeva@yandex.ru

S. I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University. lukyanova_tanya@mail.ru

This article is devoted to analysis of the medical vocabulary of specific field of medicine, namely “Surgical instruments”. The article confirmed the fact of modification of the language of medicine. This article indicates changes in the vocabulary of the language. An analysis of the terms of compiled dictionary showed the presence of terms, formed by means of affixes, simple, multicomponent and complex terms. The article specifies the stages of dictionary compiling.

Keywords: *dictionary, a medical term, communication, surgical instruments, term formation.*

References

1. Bodujen de Kurtenje I.A. *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju* [Selected works on general linguistics], vol. 1. Moscow, 1963. (In Russ.).
2. Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards learning about language: Parts of speech with a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.).
3. Madzhaeva S.I. *Sposoby nominacii v medicinskoj terminologii* [Nomination methods in medical terminology]. *Mir lingvistiki i kommunikacii* [The world of linguistics and communication], 2011, no. 1 (22). Available at: <http://tverlingva.ru>, accessed 13.10.2014. (In Russ.).
4. Novodranova V.F., Bekisheva E.V. *Iz istorii medicinskogo terminovedenija* [From the history of terminology medical]. *Jazyk mediciny* [Language of Medicine], iss. 2. Samara, 2007. Pp. 19–27. (In Russ.).
5. Stepanova M.D. *Slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo jazyka* [Derivation of modern German language]. Moscow, 2007. 378 p. (In Russ.).
6. Tatarinova L.A. *Strukturno–semanticheskij analiz oftal'mologicheskoy terminologii v anglijskoj nauchnoj literature* [Structural and semantic analysis of ophthalmic terminology in English literature]. Odessa, 1985. 150 p. (In Russ.).
7. *Jenciklopedicheskij slovar' medicinskih terminov* [Collegiate dictionary of medical terms], vol. 3. Moscow, 1984. 512 p. (In Russ.).

УДК 070
ББК 076

Л. А. Месеняшина

КАТЕГОРИЯ ФОРМАТА В МЕДИАДИСКУРСЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

Анализируется употребление слова «формат» в терминологическом и нетерминологическом качестве. Изучение динамики семантики этого слова позволяет обнаружить формирование у него нового терминологического значения, открывающего новые перспективы исследования устройства институционального дискурса.

Ключевые слова: теория массовой коммуникации, формат, жанр, институциональный дискурс.

В теории современных отечественных СМИ до сих пор нет единства мнений по поводу того, что такое формат, – термин ли это, маркер ли профессионального жаргона, а может быть, просто модное словечко. Настоящее сообщение представляет собой попытку поиска ответа на этот вопрос. В течение двух последних десятилетий происходило то, что можно назвать экспансией слова *формат*, поскольку оно не только широко употребляется в речи людей, так или иначе причастных к журналистике, но является своего рода показателем того, что лицо, употребляющее это слово, «находится на уровне», «соответствует требованиям современности» и так далее. И это, в общем, понятно, потому что «языковой вкус эпохи» формируется именно средствами массовой информации. Поэтому неудивительно, что больше всего попыток прояснить для себя значение и употребление этого слова предпринимается именно журналистами – практиками и теоретиками. На наш взгляд, на причины экспансии этого термина проливает свет рассуждение одной из участниц дискуссии, имевшей место на радио «Свобода», Милены Орловой, заместителя редактора отдела «Культура» газеты «Коммерсантъ»: «Само слово «формат» для меня связано исключительно с моей первой профессией, а именно историей искусства. И в моем представлении формат – это просто размер картины, высота и ширина – это, собственно, и есть формат. Потом я вспомнила одно такое искусствоведческое выражение, которое бытовало в 60-е гг., – «картины чемоданного формата», где под этим подразумевались следующие вещи: работы художников нонконформистов, таких подпольщиков, которые были сделаны специально небольшими, чтобы их удобно было вывезти за границу в диплома-

тическом чемодане. И, соответственно, слово «формат» здесь уже обрело некий, не побоюсь этого слова, идеологический смысл» [7].

Как видим, у истоков экспансии слова *формат* лежала его изначальная многозначность. Прямое его значение, как отмечает Т. И. Сурикова, было отчетливо терминологическим: «В полиграфию термин вошел в XVIII в. в значении «размер печатного издания, размер листа». Причем в ходу был формат как термин, плюс к нему прикреплены еще и номенклатурные полиграфические наименования, обозначающие конкретные размеры изданий, скажем, *формат А 4*, *формат А 3*, *формат А 2*. Речь идет уже не просто о внешнем виде, размере, а о совершенно определенном размере, эталоне, стандарте в полиграфической промышленности. Сема *стандарт* оказывается в этом термине для профессионального сознания актуализированной» [5].

Во второй же половине XX в. у слова складывается переносное значение: «внешняя форма, коррелирующая с определенным идеологически маркированным содержанием». На идею идеологической маркированности, на наш взгляд, стоит настаивать. Об этом говорит и известный поэт Тимур Кибиров: ««Формат» – это попросту замена слова «идеология». Раньше редакторы говорили: «идеологически чуждо», «идеологически неприемлемо». Теперь говорят – «не наш формат»». На идеологической значимости этого слова настаивает и М. Соколов, акцентируя внимание на том, что употребление этого слова связано с обязательными идеологическими сдвигами, с подчеркнутым разрывом с традициями прошлого: «Традиционный язык нес в себе идею ранга, иерархии, системы требований и так далее. А появление словечек типа «проект» или «фор-

мат» эту идею ранга снимает. Очень привлекательно, очень демократично» [8]. Размытость смысловых границ при этом, как видим, имеет принципиальное значение.

Но при такой многозначности слово тотчас теряет свою терминологичность, не уходя, тем не менее, из сферы профессионального употребления. На принципиальной нетерминологичности этого слова настаивает Г. Я. Солганик: «Если попытаться определить значение этого слова, то можно предложить такое толкование: “Совокупность характеристик, признаков, определяющих соответствие норме, правилам какого-либо мероприятия, события, явления и т. п.”. Развитие значения слова продолжается, и трудно прогнозировать его результат. Широкое употребление этой лексемы показывает, что язык, практика нуждаются в таком слове широкого значения. Но как термин оно пока не оформилось, если под термином понимать строго определенное понятие» [5].

Проанализировав разнообразные употребления слова *формат*, Т. И. Сурикова делает вывод о том, что «в “поведении” модного крайне расплывчатого и неопределенного слова *формат* можно констатировать две противоположных тенденции: первая – это возможная терминологизация одного из значений, благодаря которой удовлетворяется коммуникативная потребность дополнить существующие классификации СМИ, и вторая – это экспансия модного слова в коммуникации, доходящая до полного обесмысливания понятия» [5]. Таким образом, мы видим, что динамика слова *формат* в современном русском языке реализует две противоположные тенденции: 1) тенденцию к детерминологизации термина; 2) тенденцию к перемещению термина из одной терминосистемы в другую.

В плане первой тенденции можно отметить, что пока это слово еще не стало общеупотребительным, поскольку в своем нетерминологическом значении оно остается идеологически и профессионально маркированным (С. В. Светана относит его к профессионализмам в речи журналистов [5]). И, несомненно, его дальнейшие перспективы представляют интерес для социолингвистики.

Вторая же тенденция представляет интерес для теории языка и для теории массовой коммуникации. Многие теоретики и практики массовой коммуникации, считая формат значимой для массовой коммуникации категорией, пытаются прежде всего устранить семан-

тическую неопределенность этого термина. А поскольку за термином, как известно, должно стоять понятие, ученые стремятся определить логические границы этого понятия, выявить его существенные признаки, определить его соотношение с другими, уже устоявшимися категориями в сфере СМИ, дать ему дефиницию. При этом первым и ближайшим к категории формата понятием оказывается понятие жанра. Я. Н. Засурский обращает внимание на то, что в XIX в. формат был одним из факторов продуцирования новых жанров в СМИ и с появлением Интернета жанроформирующая роль формата отнюдь не исчезает [3]. Действительно, например, передовая статья («передовица») – это формат, но вместе с тем и особый жанр, которого не существовало до появления форматированных газет. Другой пример – так называемый роман-фельетон, возникший во Франции в 30-е гг. XIX в., заимствованный впоследствии и русской прессой.

Некоторые ученые усматривают между жанром и форматом отношение «часть – целое». «Можно сказать, – отмечает А. В. Николаева, – что внутрижанровая речевая структура становится форматом, в который без остатка помещаются традиционные жанры» [5]; «жанр – это элемент формата» (О. Р. Лашук [5]). Г. В. Лазутина, указывает на весьма важные признаки этого понятия: «понятие «формат» в настоящий период выступает в качестве меры соответствия какого-либо информационного продукта ключевым признакам той совокупности продуктов, с которой он соотносится»; «формат определяет место информационных продуктов в процессе коммуникации» [3].

А. А. Тертычный, наконец, дает формату следующее определение: «Формат издания есть устоявшееся, стереотипное представление о совокупности его типологических, профильных и единичных характеристик, которому должны соответствовать (на протяжении действия этого стереотипного представления) все номера конкретного СМИ». К числу таких характеристик ученый относит следующие: 1) представление о целях издания; 2) представление о предметно-тематической направленности издания; 3) представление об особенностях отображения действительности; 4) представление об использовании определенных методов отображения действительности; 5) представление об использовании жанровых форм, то есть представление о том, какие жанры и конкретные варианты их реализации являются наибо-

лее подходящими для данного издания; б) доминантный интерес того сегмента аудитории, на который рассчитано издание [3].

Автором этих строк в одной из недавних публикаций было высказано предположение о том, что категория жанра описывает внутреннюю структуру речевого (или аудиовизуального) высказывания (произведения), а категория формата описывает положение того же произведения в системе коммуникативных отношений, обусловленных техническими, коммерческими, юридическими и так далее условиями коммуникации. Будучи категорией внешней по отношению к речевому произведению, формат не может не оказывать известного деформирующего воздействия на жанровые нормы этого произведения и через их посредство – на его текст. Отсюда и локутивные сдвиги в высказывании под воздействием категории формата [4]. Таким образом, для дальнейшего исследования соотношения категорий жанра и формата важно представления о внутренней устроенности жанра дополнить представлениями о наборе взаимоотношений жанра с форматом. Что считать существенным для характеристики внутренней структуры жанра, остается вопросом дискуссионным, основные моменты этой дискуссии достаточно подробно изложены в работе В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» [1]. Вслед за Т. В. Шмелевой мы считаем, что в состав жанрообразующих признаков входят следующие: 1) образ автора; 2) образ адресата; 3) целеустановка; 4) фактор прошлого; 5) фактор будущего; 6) диктум; 7) формальные особенности [9].

Характеристику жанра по этим признакам можно принять за модель (достаточно, впрочем, грубую) внутренней структуры речевого жанра. Теперь сопоставим этот перечень признаков с перечнем признаков категории формата, предложенный А. А. Тертыхным: 1) представление о целях издания будет корреспондировать с целеустановкой жанра; 2) представление о предметно-тематической направленности издания – с диктумом; 3) представления об особенностях отображения действительности и об использовании определенных методов

отображения действительности – с формальными особенностями жанра; 4) доминантный интерес того сегмента аудитории, на который рассчитано издание, – с категорией адресата. Таким образом, мы видим, что важнейшие для внутренней структуры жанра характеристики «прорастают» наружу и находят свое продолжение внутри формата, определяя тем самым положение в нем того или иного жанра.

Что же остается за пределами этих интегральных характеристик, связывающих внутреннюю структуру элемента с системой в целом? Внутренняя структура жанра окажется маркированной следующими категориями: образ автора, фактор прошлого и фактор будущего. Находит ли в категориях формата свое отражение образ автора? Если вспомнить приведенные выше слова Т. Кибирова, то это несомненно. Образ автора коррелирует с собственником средства массовой информации, и не случайно вопрос о зависимости/независимости журналиста от собственника издания так остро стоит в современной журналистике (достаточно вспомнить недавний скандал в редакции «Эхо Москвы» [6]). Что касается факторов прошлого и будущего, то это уже прерогатива главного редактора. Именно от него зависит то или иное видение перспектив издания, перспективы же определяются, исходя из того или иного понимания истории издания.

Итак, анализ категории формата издания позволяет нам убедиться в том, что ранее высказанное нами предположение о том, что категория жанра описывает внутреннюю структуру речевого (или аудиовизуального) высказывания (произведения), а категория формата описывает положение того же произведения в системе коммуникативных отношений, обусловленных техническими, коммерческими, юридическими и так далее условиями коммуникации, – справедливо.

Дальнейшие перспективы исследования лежат в сфере экстраполяции соотношения жанра и формата в медиадискурсе за пределы последнего в сферу иных видов институционального дискурса [2].

Список литературы

1. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М., 2010. – 597 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
3. Межкафедральный семинар «Динамика жанров и форматов» // Медиаскоп: электрон. науч. журн. – URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>. – Дата обращения: 18.10.1014.

4. Месеняшина, Л. А. И еще раз о жанре и формате / Л. А. Месеняшина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 26 (355). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 93. – С. 73–76.
5. Методический семинар «Динамика развития форматов и жанров в современных СМИ» // Медиаскоп: электрон. науч. журн. – URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>. – Дата обращения: 18.10.1014.
6. Скандал в «Эхе Москвы»: главред Венедиктов оказался под угрозой увольнения // «Фокус». – URL: <http://focus.ua/news/319343/>, <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>. – Дата обращения: 18.11.1014.
7. Фанайлова, Е. Формат. Радио «Свобода». 05.03.2006, 15:00. – URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/133576.html>. – Дата обращения: 18.01.2015.
8. Формат // «Сеанс». – 2010. – № 29/30. – URL: <http://seance.ru/n/29-30/vertigo-nulevnye/format/format-mnenia>. – Дата обращения: 18.01.2015.
9. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров. – М.: 2007. – С. 81–89.

Сведения об авторе

Месеняшина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.

mesenyashing@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).

Philology Sciences. Issue 99. Pp. 122–126.

CATEGORY OF A FORMAT IN A MEDIA DISCOURSE AND BEYOND ITS LIMITS

L. A. Mesenyashina

Chelyabinsk State University. mesenyashing@mail.ru

In the article the using word “format” is analyzed like a terminus and like a non-terminus. The study dynamics of this word’s semantic lets an opportunity to discover a new terminus meaning of this word. The analyzes materials of series discussions in which took part practical journalists and mass-media theorists gave an opportunity to deduce that the word “format” was polysemantic primordially. The comparison totality genre characteristics with totality format characteristics, which had proposed by A. A. Tertychny, gave an opportunity to ascertain that the most impotent for inherent genre structure characteristics continue in format structure and determinate by this factor the position of every genre there. This new terminus names a category which discover new perspectives of institutional discourse structure study.

Keywords: *mass-media theory, format, genre, institutional discourse.*

References

1. Dementiev V.V. *Teoria rechevykh zhanrov* [The speech genres theory]. Moscow, 2010. 597 p. (In Russ.).
2. Karasik V.I. *Jazykovoï krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [The language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 477 p. (In Russ.).
3. Mezhekafedralny seminar «Dinamika zhanrov i formatov» [Interdepartmental seminar «The dynamics of genres and formats»]. *Mediaskop. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Mediaskop. Network science journal]. Available at: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>, accessed 18.10.2014. (In Russ.).
4. Mesenyashina L.A. *Jeshe raz o zhanre i formate* [About genre and format one’s more]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk university. Philology. Art Criticism], 2014, iss. 93, no. 26 (355), pp. 73–76. (In Russ.).

5. Metodicheskiy seminar «Dinamika razvitiya formatov i zhanrov v sovremennykh SMI» [Methodology seminar «The dynamics of genres and formats evolution of modern mass-media»]. *Mediaskop* [Mediaskop]. Available at: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>, accessed 18.10.2014. (In Russ.).
6. Scandal v «Ekhe Mockvy»: glavred Venediktov okasalsya pod ugrozoi uvolneniya [Scandal in «Moscow echo»: the general editor Venediktov is threaten with dismissal]. *Focus* [The Focus]. Available at: <http://focus.ua/news/319343/>, <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>, accessed 18.11.2014. (In Russ.).
7. Fanailova E. «Format» Radio «Svoboda» [“Format” Radio «Freedom»]. Available at: <http://www.svoboda.org/content/transcript/133576.html>, accessed 18.01.2015. (In Russ.).
8. Format [The format]. «Seans» [“Seance”]. Available at: <http://seance.ru/n/29-30/vertigo-nulevyie/format/format-mnenia/>, accessed 18.01.2015. (In Russ.).
9. Shmeleva T.V. Model rechevogo zhanra [The speech genre model]. *Antologija rechevyh zhanrov* [The anthology of speech genres]. Moscow, 2007. Pp. 81–89. (In Russ.).

УДК 81-112
ББК 81.2Англ

Н. И. Тарасова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСЕМЫ FAIR В XII–XV ВЕКАХ (на материале корпуса среднеанглийской прозы и поэзии)

Рассматривается влияние факторов культурно-исторического характера на функционально-семантическое развитие абстрактного прилагательного *fair*. Материалом исследования служат памятники английской религиозной и светской литературы XIII–XV вв. Изучение случаев употребления прилагательного *fair* в контекстах, взятых из письменных памятников эпохи, дает возможность проследить синонимические и антонимические связи лексемы *fair* и сделать выводы о развитии ее семантической структуры.

Ключевые слова: лексическая семантика, историческое развитие, эстетическая оценка, лингвокультурная картина мира.

В рамках современного антропологического направления прочно утвердилось мнение, согласно которому исторические изменения в семантической структуре слова отражают эволюцию сознания социума, развитие абстрактного мышления, разграничение отдельных признаков и свойств, которыми обладают окружающие человека объекты. Особый интерес в этом отношении представляет лексика высокого уровня абстрактности, поскольку данный слой лексики в процессе своего исторического развития в наибольшей степени подвержен влиянию факторов экстралингвистического характера: культурно-исторических, социально-политических, религиозных и так далее. Отсюда и корреляция между эволюцией отдельных групп абстрактной лексики и актуализацией в общественном сознании той или иной сферы человеческого существования.

Подтверждением сказанному могут служить некоторые особенности функционально-семантического развития абстрактного прилагательного *fair* (среднеангл. *fayre, faire, fiere*) в XIII–XV вв. Согласно сведениям этимологических словарей, данная лексема восходит к протогерманскому прилагательному **fagraz*, имевшему общеоценочное положительное значение: *подходящий, годный, соответствующий* [4]. В дальнейшем у лексемы *fair* появляется ряд частнооценочных значений: *приятный на вид, привлекательный, чистый, свежий, ясный, яркий, благоприятный, попутный* (о ветре), *почтенный* и т. п.

Приблизительно в XI–XII вв. прилагательное *fair* приобретает также функцию положи-

тельной морально-этической оценки, что было связано с появлением в его семантической структуре таких смысловых компонентов, как *праведный, честный, справедливый, безгрешный*. Подобные значения реализовывались в первую очередь в произведениях религиозной литературы, поскольку в Средневековом обществе морально-этические принципы были неотделимы от религиозных. В следующем текстовом фрагменте говорится, например, о праведной и чистой жизни, которую должен вести истинный христианин:

Feier lif and clene to leden in Disse liue (Lambeth Homilies) [5].

В рассматриваемую эпоху подобные контексты отличались не только особой религиозной, но и социальной значимостью, а следовательно, и высокой степенью воспроизводимости, повторяемости. Поэтому реализуемые в них значения слов постоянно переносились в другие коммуникативные сферы, закреплялись в языке в целом, в узусе [3].

Строгая предписательность нормы, бытовавшей в сознании средневекового человека, обуславливала первоначальное отсутствие потребностей в четком разделении компонентов оценочного значения. В связи с этим у прилагательного *fair* наряду с функцией положительной эстетической и морально-этической оценки присутствовала функция положительной социальной оценки. В некоторых из зафиксированных контекстов именно социальная оценка выходит на первый план, а прилагательное *fair* используется, прежде всего, как средство выражения почтительности по отно-

шению к представителям высшего слоя общества, дворянства, рыцарства. Примером могут служить такие обращения, как *fair damoysselles, fair sire, fair knight*.

Несомненный интерес вызывают также выявленные в ходе исследования религиозных письменных памятников контексты, в которых прилагательное *fair* употреблялось по отношению к Богу, Деве Марии, ангелам и святым и вербализовало понятие божественной красоты – слияния красоты духовной и физической:

What forsothe is the good of hym, and what the faire of hym [5].

(О, как велика благость Его и какая красота Его!)

Нерасчлененность положительного оценочного значения и неотделимость эстетической оценки от морально-этической являются особенностью средневекового мировоззрения. В средневековых текстах добродетельный человек зачастую красив внешне, а человек, живущий не в соответствии с христианской моралью, некрасив и уродлив.

В Средневековой эстетике абстрактный идеал божественной красоты концептуализировался при помощи понятия «божественного света». Свет выступал в качестве символа божественной сущности. По мнению религиозных средневековых мыслителей, мир как творение Божье пронизан «божественным светом», и в этом заключается его красота:

«О Божья дочь и мать всех вещей, связь и упрочение мира, жемчужина смертного, зеркало падшего, **свет вселенной**. Мир, любовь, добродетель, правление, сила, порядок, закон, цель, путь, водитель, источник, жизнь, **свет, сияние, вид, образ, правило мира**» [1. С. 831].

Восприятие красоты как света прочно входит в средневековое сознание. Красивое видится средневековому человеку как излучающее внутренний свет. Неслучайно поэтому в контекстах со значением положительной эстетической оценки в качестве ближайших синонимов лексемы *fair* наиболее часто используются прилагательные *shēne, brihte, wlite*, в смысловой структуре которых, так же как и самой лексемы *fair*, сочетались компоненты *свет* и *красота*. Между этими компонентами не существовало, по-видимому, четкой границы, и они составляли единый синкретический признак.

Эта закономерность находит отражение не только в текстах религиозной, но и светской литературы, которая находилась под ее силь-

ным влиянием. Однако с течением времени (особенно к концу средневекового периода) именно светская литература (и рыцарская, и городская) постепенно становится той коммуникативной средой, в которой получали дальнейшее развитие эстетические нормы и понятия. При этом эстетические категории приобретают все большую самостоятельную ценность, что в свою очередь вело к особо активному в ту эпоху процессу формирования специализированных средств выражения эстетической оценки.

По мере развития светской литературы появляются контексты, где эстетическая оценка приобретает самостоятельную ценность. Шел активный процесс семантической специализации лексических единиц и выделения специализированных средств эстетической оценки.

Важную роль в этом процессе играла лексема *fair*, на что указывает и высокая частотность ее употребления. Так, в ходе анализа письменных памятников, которые входят в корпус среднеанглийской прозы и поэзии, было зафиксировано 8198 случаев употребления лексемы *fair* в контекстах со значением положительной эстетической оценки, тогда как синонимичные ей лексемы *wlite* (внешность, красота) и *shēne* (прекрасный, сверкающий) встречаются в 3000 и 1000 контекстов соответственно. На ключевое положение прилагательного *fair* в системе средств передачи положительной эстетической оценки в XIII–XV вв. повлияло то, что оно являлось основным средством передачи понятия *красивый, красивая* в английских переводах библейского текста, где оно выступает в качестве эквивалента латинского прилагательного *pulcher* (красивый, прекрасный). Так, например, в англоязычной версии Ветхого Завета данная лексема используется при описании Сарры, Ребекки, Рахили, Иосифа, царя Давида, его сына Авессалома, Вирсавии, Есфири и др.

... *he seide to Saray, his wiif, I knew that a fair woman* (... сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина прекрасная видом);

Rachel fair in face (Рахиль была красива лицом);

forsothe she was a ful feyr woman (... а та женщина [Вирсавия] была очень красива);

there was not a man as feyr as Absolon in al Irael... (Не было во всем Израиле мужчины столь красивого, как Авессалом).

В исследованных контекстах, описывающих внешнюю красоту людей, прилагательное *fair* оказывается в одном синтагматическом

ряду с прилагательными *bryght* и *shēne*, в значении которых присутствуют семы *красивый* и *блестящий, сияющий*. Особенностью проанализированных контекстов является употребление сразу нескольких прилагательных со сходным значением, что применительно к рассматриваемой эпохе не может считаться тавтологией. Важно отметить, что, с точки зрения функциональности, лексема *fair* могла употребляться применительно к мужчинам и женщинам, а также к неодушевленным предметам, к примеру, деталям костюма и оружию.

Hys Armoure founde he fayre and bryght;

Его доспехи он нашел прекрасными и сияющими;

For the lady fayre and bryght;

Для дамы прекрасной, исполненной блеска.

Однако в XVII в. появляется выражение *fair sex* (прекрасный пол), и лексема *fair* сужает свою сферу применения. Отныне она используется исключительно по отношению к женщинам.

В ряде проанализированных контекстов наблюдается наличие в окружении лексемы *fair* словосочетаний, дополнительно указывающих на эстетический оценочный компонент в ее значении: *красивый для глаз, красивый для взгляда: «Fair to the eyen, and delitable to the sighte. Ful gracious and fair to biholde. And but I be to-morn as fair to seene»*.

По мере закрепления положительного эстетического значения в семантической структуре прилагательного *fayre* оно начинает употребляться в контекстах, дающих более детальное описание внешности человека, черт лица: *«But sikerly she hadde a fair forheed; many a fair visage; fair of face; fair was this mayde in excellent beautee»*.

Идеал красоты человека в Средневековой Европе включал в себя такие черты, как светлые волосы, светлые (голубые) глаза, белоснежная кожа. Неслучайно, что примерно с XIII в., отражая эстетические вкусы эпохи, в значении лексемы *fair* сочетаются семы *красивый* и *светлый*, когда речь идет о цвете кожи, волос, глаз. Можно предположить, что изначально этот компонент значения являлся контекстуально-обусловленным и проявлялся особенно отчетливо в контекстах, где прилагательное *fair* вступало в антонимические связи с прилагательными *black*, *browne*, означавшими *темноволосый, смуглый*. Так, в следующем

фрагменте из «Римских деяний» сравниваются две дочери императора:

This Emperour had II doughtirs, one faire, another blak. Впоследствии соотношение оценочного и дескриптивного компонента значения лексемы *fair* изменяется, сема *светлый* выходит на первый план и вытесняет сему *красивый*:

I vowe to god, thou hast a ful fair skyn (светлая, белая кожа).

Таким образом, в процессе своего функционально-семантического развития лексема *fair* переходит из категории языковых средств, обладающих нерасчлененным, общеоценочным значением, в категорию специализированных средств языковой реализации положительной эстетической оценки.

Ряд исследователей отмечают важность изучения письменных памятников эпохи для реконструкции картины мира общества на исследуемом хронологическом срезе. Наше исследование подтверждает мысль Е. М. Вольф, которая отмечает, что «по текстам можно вывести обобщенную ценностную ориентацию социума» [4. С. 218]. Так, в частности, соотношение дескриптивного и оценочного компонентов в семантической структуре лексемы *fair* позволяет сделать определенные выводы о характере представлений человека Средневековья о красоте и проследить динамику их развития на протяжении исследуемого периода.

В письменных памятниках XII–XIII вв. понятие «красота» было во многом неотделимо от морально-этической составляющей. Красивый человек – это, прежде всего, праведный человек, живущий в соответствии с христианской моралью. При этом средневековые авторы не дают подробного описания его физического облика: отсутствует описание цвета волос, черт лица, тела. Однако в XIV–XV вв. складывается идеал внешности человека. В общественном сознании все более отчетливо актуализируется сфера эстетики, облику человека уделяется более пристальное внимание. Особую роль играет идея света и блеска. Первоначально фигурирующая в религиозных текстах как концептуализация божественности, «божественного света», эта идея постепенно занимает место в эстетической сфере. В описании прекрасных дам подчеркиваются сияющие, светлые глаза и волосы, белоснежная кожа. Таким образом, утверждается вполне определенный идеал человеческой внешности, господствовавший на протяжении нескольких веков.

Вышесказанное позволяет говорить о том, что при изучении процесса исторического развития лексических единиц (особенно высокого уровня абстракции) требуется анализ не только словарных данных, но и анализ возможно большего числа конкретных контекстов употребления этих единиц в различных коммуникативно-речевых сферах на определенных хронологических срезах. Решению этой задачи способствует привлечение современных электронных корпусов текстов, в первую очередь исторических.

Представляется, что предложенный подход дает возможность не только фиксировать результаты исторических изменений в семантике лексических единиц, но и изучать сам процесс развития этих изменений, то есть движение от одного значения к другому внутри смысловой структуры слова. Важную роль в верификации полученных в ходе исследования выводов играют факты общеисторического, социокультурного характера, которые и лежат в основе этих изменений.

Список литературы

1. Алан Лилльский. Плач природы / пер. с лат. М. Л. Гаспарова // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. – М., 1972. – С. 330–346.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М., 1985. – 228 с.
3. Колокольникова, М. Ю. Дискурс-анализ в диахроническом исследовании лексической семантики / М. Ю. Колокольникова // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 106–112.
4. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford, 1996.
5. Corpus of Middle English Prose and Verse. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/c/cme/browse.html>. – Дата обращения: 11.07.2015.

Сведения об авторе

Тарасова Наталья Игоревна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

derniere.etincelle@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 127–131.*

SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE MIDDLE ENGLISH ADJECTIVE *FAIR* (the analysis of corpus of Middle English prose and verse)

N. I. Tarasova

Saratov State University N. G. Chernyshevsky. derniere.etincelle@yandex.ru

The article looks into the influence of extra-linguistic factors on the historical development of the abstract adjective **fair**. The material of the research is the Middle English religious and secular written records of the XIII–XV centuries. The thorough study of a number of contexts taken from the written records of the period gives insight into the nature of the synonym and antonym lexical relations between the adjective **fair** and other Middle English adjectives thus making it possible to track down its semantic development.

Keywords: *lexical semantics, historic development, aesthetic evaluation, linguo-cultural map of the world.*

References

1. Alain of Lille. De planctu naturae [The Plaint of Nature]. *Pamyatniki srednevekovo latinskoi literatury X–XII vv.* [The Medieval Latin Literature Records (the X–XII century)]. Moscow, 1972. Pp. 330–346. (In Russ.).

2. Wolf E.M. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [The Functional Evaluation Semantics]. Moscow, 1985. 228 p. (In Russ.).
3. Kolokolnikova M.Yu. Diskurs-analiz v diakhronicheskom issledovanii lexicheskoi semantiki [The Discourse Analysis in the Diachronic Study of Lexical Semantics]. *Izvestia visshih uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnie nauki* [Proceedings of the higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences], 2010, no. 1, pp. 106–112. (In Russ.).
4. *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford University Press, 1996.
5. *Corpus of Middle English Prose and Verse*. Available at: <http://quod.lib.umich.edu/c/cme/browse.html>, accessed 11.07.2015.

УДК 802/ 809.1 – 52
ББК 81.2

Л.О. Тимошенко

КАРТИНА МИРА РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ КЛАССИКОВ XIX ВЕКА

Рассматривается актуальная в лингвистике проблема раскрытия национальной картины мира на примере заимствований из европейских языков в русский в произведениях русских классиков XIX в.: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. Выделяется общее и особенное в творчестве данных писателей, отмечается как общая черта добрый юмор и сочувствие к недостаткам русского характера и политического строя.

Ключевые слова: *национальная картина мира, заимствованная лексика, самосознание, психологические универсалии.*

Темой данной статьи является сравнительное изучение заимствований в произведениях русских классиков XIX в.: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого – с точки зрения их влияния на картину мира русского самосознания. Классиками и о классиках написано немало. Выбор данных авторов определяется их выдающейся и основополагающей ролью в формировании русского языка XIX в., в утверждении литературной нормы русского языка той поры, обогащенного европейскими заимствованиями. И если В. А. Жуковского, И. С. Тургенева, Н. И. Карамзина можно назвать выдающимися славянофилами в русской культуре, то А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой были европейски образованными писателями, не боявшимися вносить в русский язык европейские заимствования, какие-то свои «словечки», но и не злоупотреблявшие ими.

Исследованиями творчества данных писателей занимались такие ученые, как С. Д. Абрамович, А. И. Казинцев, Н. А. Казинцева, А. В. Михайлов, В. В. Федоров, Д. И. Чижевский, В. Г. Белинский, В. В. Виноградов, Л. И. Вольперт, Ю. М. Лотман, Е. А. Липницкая, Е. И. Потемкина, И. О. Сарычев, Э. Г. Бабаев, В. З. Горная, В. А. Жданов, Т. С. Карлова, К. Н. Ломунов, Т. Л. Мотылева и многие другие.

Цель – выявить характерные черты русской картины мира XIX в. сопоставительным методом изучения иностранных заимствований в произведениях русских классиков той поры. Данная статья опирается на ранее составленные автором тематические классификации иностранной (заимствованной и в орфографии) и собственно заимствованной лексики в

романах «Мертвые души», «Евгений Онегин», «Воскресение», отражающие образ жизни и сферу занятий людей XIX в.

Объектом исследования является заимствованная лексика упомянутых художественных произведений. Автор также исследует долю заимствованной лексики в общей лексике романов этих писателей.

Методами исследования являются сопоставительный, сравнительно-исторический.

Автором статьи были проанализированы поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души», роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и роман Л. Н. Толстого «Воскресение». Диахронический срез представлен в статье описанием разных периодов XIX в. в творчестве изучаемых писателей. А. С. Пушкин творил в начале XIX в., Н. В. Гоголь – в середине XIX в., Л. Н. Толстой писал в конце XIX в. Данная статья написана в связи с исследованием автором европейских заимствований в произведениях великих классиков. Сравняя произведения классиков в целом и в частности, автор статьи приходит к выводу о схожести образа жизни аристократии XIX в. У всех помещиков той эпохи были деревенские поместья с крестьянскими душами. Все помещики той поры любили щегольнуть выездом в «свет» и блестящим образом жизни, следованием моде, праздным образом жизни.

Новизна исследования заключается в выделении общего и особенного в стиле А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого с точки зрения тематического использования заимствований из европейских языков в своих произведениях, в выделении психологических универса-

лий у данных писателей в русском характере. Такие негативные общие черты национального характера, как стремление к звучности и непонятности, выражающиеся в высокопарной заимствованной лексике, контрастное сочетание в одной фразе понятий, отражающих реалии простого быта, например, как нельзя лучше показывают уклад высших слоев русского общества.

Актуальность исследования определяется общепонятным универсальным языковым требованием к осмысленному словоупотреблению заимствований на фоне значительно обогащения русского языка европеизмами и потребностью в сохранении национальной самобытности, в балансировании между западничеством и славянофильством.

Тематически заимствования в произведениях изучаемых писателей можно подразделить следующим образом: у Н. В. Гоголя – одежда, ткани, обувь, предметы мебели, архитектура, социальная жизнь, политика, быт, искусство, название человека («словечки»), военные термины, названия цветов.

У А. С. Пушкина – иностранные клише, высокопарная лексика, высокое и низкое, жизнь поэта, известные личности, мода как законодательница жизни, мифологические герои, литературоведческие термины, театральная лексика, кулинарная лексика, вино, одежда, привычки, кабинет.

У Л. Н. Толстого – тюремная лексика, предметы и детали одежды, разгульная светская жизнь, местопребывание, медицинская лексика, канцелярская лексика, политическая и юридическая лексика, художественная лексика, контраст, спортивная лексика, редкая и стилизованная лексика.

Как видим, общими в тематических классификациях у всех трех писателей являются разделы «одежда», «социальная жизнь», «высокое и низкое»; у А. С. Пушкина, например, «вот наш герой подъехал к сениям», «и хлебник уж не раз отворял свой васисдас»; его аналог – «словечки» у Н. В. Гоголя, например, «мраморы», «инкомодите» (от фр. *incommodité* – неудобство); «контраст» и «редкая и стилизованная лексика» с претензией на высокое и непонятное у Л. Н. Толстого, например, «Мисси (Мария)», «сени суда»; «капитонированная коляска», «корпуленция», «ритуфель», «комильфотность», «апрофондировать».

Французские заимствования употребляются Л. Н. Толстым при описании какого-то щекотливого места или положения, в распространен-

ных клише, в стандартных ответах и репликах, в обращениях (как в именах собственных, так и нарицательных, когда хотят блеснуть эрудицией или привлечь внимание), в названиях иностранных книг, в записках, в описании дам, в нарочито прозаических бытовых вопросах, чтобы придать им тем самым значимость, в высокопарных описаниях.

Рассматривая стиль А. С. Пушкина, В. В. Виноградов выделяет в нем: «1) церковно-славянизмы, являвшиеся не только пережитком русского языка, но и приспособлявшиеся к выражению сложных явлений и понятий в разных стилях современной А. С. Пушкину литературной (в том числе и поэтической) речи; 2) европеизмы (преимущественно во французском обличье) и 3) элементы живой русской национально-бытовой речи, широким потоком хлынувшие в стиль А. С. Пушкина с середины двадцатых годов» [1. С. 5].

Из произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого были выбраны наиболее часто встречающиеся слова и фразы иноязычной и заимствованной лексики, объединенные в группы по тематическому признаку и отражающие авторскую концепцию данных писателей.

Во всех трех произведениях в классификации заимствований присутствуют разделы одежда, светская жизнь и мода, политическая лексика, профессиональная художественная лексика, высокопарная и юмористическая лексика. Но у Пушкина это иностранные клише, например, *tete-a-tete*, *comme il faut*, *Madame*, *Monsieur* [2]; у Гоголя смешные «словечки» и фразы без перевода, значение которых обычно понятно – субдительная суперфлю (фигуристая модная светская дама), сконапель истоар (то, что называется «история») [3]. Сразу оговоримся, что не все окказионализмы Н. В. Гоголя (и даже не большая их часть) вошли в русский литературный язык. У Толстого это редкая и стилизованная лексика: фальшивая княгиня, капитонированная коляска, рамоли, комильфотность и многое другое. Все эти так называемые авторские окказионализмы – «словечки» – составляют уникальный стиль данных писателей, и, что удивительно, ни одно иностранное клише не употребляется у данных авторов в одинаковых контекстах, хотя заимствованиями романы эти практически пестрят. Также авторские стили Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого характеризуются грамматической вариативностью: у Н. В. Гоголя встречаем «атлась», «мус-

лины», «мраморы», у Л. Н. Толстого «кофе» и «кофей», «зал» и «зала», «другие деятельности», «стояли июльские жары» [4] и др., что говорит о неустойчивости литературной нормы той поры.

У Н. В. Гоголя заимствования служат исключительно сатирическим приемом. Во многом это характерно и для А. С. Пушкина, когда он сочетает высокое и низкое: «вот наш герой подъехал к сенам», «и хлебник уж не раз отворял свой васисдас». Французская мода не только в одежде, в образе жизни знати, но и в языке без чувства меры и уважения к своему, национальному, вызывает у русских классиков добрый смех, а порой и насмешку над модниками. Французский образ жизни, насаждаемый в светских кругах России, праздность, балы, театры, карты, салоны находят выход у данных писателей не в невинной комедии, а в драме жизни главных героев, в критике общественного строя, в сочувствии положению крестьянства.

«Одной из новаторских особенностей Л. Н. Толстого, особенностей, определивших его мировую значительность как художника, было умение писателя раскрыть внутренний мир своих героев» [5. С. 3].

Личные амбиции главных героев романов в контексте самодержавной России, терпящей кризис под натиском европейских традиций, переплавляются и эволюционируют, показывая человеческий характер и весь общественный уклад той поры в динамике. У Чичикова Н. В. Гоголя главная страсть его жизни может быть выражена русской поговоркой: «не быть, а слыть». Ему нужно побольше фиктивных крестьянских душ, он хочет прославиться, блеснуть в свете, сделать карьеру. Средства к данной цели его не интересуют. У Онегина всеподавляющими являются его эгоизм и хандра, называемая модным английским словом «сплин» – традиционная болезнь русских аристократов той поры. В отличие от Чичикова, он ни к чему не стремится. Движущими силами его жизни являются привычка и случайные любовные интриги, но «изменяет – мигом утешался, откажут – рад бы отдохнуть». Подлинное движение души начинается у Онегина лишь в конце романа, и то оно обусловлено не внутренней эволюцией характера, а «уколом» самолюбия от женщины, на которую в свое время он не посчитал нужным обратить внимание. И это «внешнее» движение, «внешний» толчок, не пережитые душой глубоко и не переосмысленные всем существом, приво-

дят к еще большему пессимизму, уединению, путешествиям в желании забыться, убежать от самого себя.

У Л. Н. Толстого в душе Нехлюдова, праздного молодого барина, капризы которого привыкли исполнять с детства, происходит подлинная эволюция, но так же, как и у героя А. С. Пушкина, стимулом ее является любовная интрига. Как и Онегин, Нехлюдов получает «щелчок по носу» от женщины, которая его когда-то любила, но теперь отвергла. Но по своему духовному складу Нехлюдов тоньше Онегина, его «дама» в беде, хотя сама, как видно, ничуть от этого не расстроилась, а наоборот, рада, что на каторге познакомилась с интеллигентными людьми.

Купить или выпросить себе любовь и расположение другого человека и запоздалое раскаяние за грехи молодости ни Онегину, ни Нехлюдову в конечном итоге не удастся. И Чичиков не преуспевает в своих «дутых» амбициях. Драматический финал всех трех произведений нисколько не затрудняет их прочтение. Позитив и оптимизм писателей неискоренимо выражаются в изображении глубоких, сильных, подлинно человеческих чувств, в представлении и «переплавке» главных героев под влиянием этих чувств – любви, сострадания, раскаяния. Герои изучаемых произведений идут по пути рефлексии, раскаяния, самоосознания.

Юмор, как разновидность оптимизма, является в данных произведениях стилистическим приемом, активно использующим заимствования. Он служит для обличения косности и неумеренности в подражании всему иностранному. Недаром и у А. С. Пушкина, и у Л. Н. Толстого, и у Н. В. Гоголя встречаем «высокое и низкое», высокопарную лексику.

Что касается стиля данных писателей, то «украшенный» романтический стиль Н. В. Гоголя изобилует метафорами, гиперболами, различными словечками, странными фамилиями, производящими комический эффект» [6. С. 196].

У А. С. Пушкина простой быт сельских аристократов раскрывается через называние повседневных реалий «высокими» непонятными фразами, придавая комический эффект «пыжащейся» аристократии, о чем мы уже писали выше.

Как отмечал А. П. Чехов, «самое интересное у Л. Н. Толстого – князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители» [7. С. 54], словом, человеческие характеры.

Таким образом, исследуя три выдающихся произведения русской классики XIX в., можно прийти к выводу, что картина мира русского национального самосознания той поры, типичными выразителями которой были герои с претензией на интеллигентность (Чичиков был чиновником, Онегин держал в деревне библиотеку, Нехлюдов свободно разговаривал на английском, французском, немецком языках и вел дневник), характеризуется праздным образом жизни аристократов, их заботами об одежде, интерьере дома, желании поразить встречного любой ценой, что происходило, по всей вероятности, от собственной внутренней пустоты и нереализованности и, вследствие этого, ощущения ущербности, выражающемся в хандре. Но, тем не менее, некоторая тяга к знаниям в них присутствовала, например, Чичиков был чиновником, Онегин изучал политэкономия, Нехлюдов – социальную статистику.

В своем желании выделиться во что бы то ни стало, эти герои погружаются в незнакомые звучные названия из европейских языков, слепо перенимая чужую культуру, которая не всегда приемлема на русской почве (читаем у А. С. Пушкина: «но панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет»). И сам поэт отчасти поддается общей моде на все иностранное, говоря в своем романе, что не приемлет русский язык без грамматической ошибки, особенно у дам. Он смеется над «семинаристом в юбке» и «академиком в чепце», хотя основной читающей публикой той поры были именно дамы.

Меткий взгляд со стороны – с позиций своего и другого класса общества, рассмотрение данного события (интриги романа) в общественном масштабе, мастерски представлен-

ного писателями-стилистами и психологами, придает глубину, правдивость и непреходящее значение романам А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого.

«Поступки человека видны всем и должны быть одинаковы для всех; они определяются общими нормами и могут составлять предмет общей оценки. И содержание внутреннего строя жизни, по самому его существу, будучи личным, у каждого – свое, имеет у каждого несравнимое своеобразие» [8. С. 304].

Трагизм положения России XIX в.: вычурность и праздность самого образованного слоя русского общества – аристократии, нищета крестьянства, зреющая революция 1905 г. – в свете иронии и юмора классиков литературы в их философском отношении к жизни в сочетании с недюжинным писательским талантом, детальной прорисовкой ситуаций и наглядным изображением русских характеров – сглаживается, заставляя читателя удивляться меткости замечаний, сделанных почти полтора века назад. Картина мира русского самосознания в произведениях классиков русской литературы отличается самобытностью русского характера, его талантливостью и способностью к самосовершенствованию, как, например, у Л. Н. Толстого. Использование писателями-классиками иностранных заимствований значительно обогащает русский язык и придает эмоциональный оттенок национальной картине мира. Современный русский характер остался тем же, только он стал более американизированным, нивелировавшимся технократией, а не офранцузенным. Век компьютерных технологий и развития техники пытается затмить человеческую составляющую современного русского характера.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М., 1941.
2. Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. / А. С. Пушкин. – М., 1986. – Т. 2. – 526 с.
3. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – М., 2008. – 510 с.
4. Толстой, Л. Н. Воскресение. Рассказы / Л. Н. Толстой. – М., 1984. – 526 с.
5. Карлова, Т. С. Вопросы психологического анализа в наследии Л. Н. Толстого / Т. С. Карлова. – Казань, 1959. – 68 с.
6. Гоголь, Н. В. Материалы и исследования / под ред. Ю. В. Манна. – М., 1995. – 255 с.
7. Ломунов, К. Н. Писатели-современники о последнем романе Л. Н. Толстого («Воскресение» в оценке А. П. Чехова и А. М. Горького) / К. Н. Ломунов // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование / под ред. К. Н. Ломунова. – М., 1991. – С. 54.
8. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М., 1992. – 511 с.

Сведения об авторе

Тимошенко Людмила Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа.
lyudmila.timosh@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 132–136.*

**THE PICTURE OF THE WORLD OF THE RUSSIAN OUTLOOK
IN THE BORROWINGS IN THE WORKS OF RUSSIAN CLASSICS
OF THE XIX CENTURY**

L. O. Timoshenko

Bashkir State University, Ufa. lyudmila.timosh@mail.ru

The given article is devoted to the topical in modern linguistics problem of divulging the national picture of the world on the example of the borrowings from the European languages into Russian in the works of the classics of the Russian literature of the XIX century A. S. Pushkin, N. V. Gogol, L. N. Tolstoy. The author of the article studies correspondingly such their works as “Eugene Oneghin”, “The Dead Souls” (“Mertviye Doushi”) and “Resurrection” (“Voskreseniye”). The author of the article points out the common and the specific in the work of the mentioned writers, highlighting as a common feature the kind humour and compassion to the drawbacks of the Russian character and political system. The topicality of the research is determined by the understandable universal language requirement for the sensical word usage of borrowings on the background of significant enrichment of the Russian language with Europeisms and the need for preserving of the national Russian character in the balance between the Westernism and the Slavyanophilism. As a result of the investigation, the author comes to the conclusion that all the studied Russian writers – A. S. Pushkin, N. V. Gogol, L. N. Tolstoy as a common feature of their style had the high and the low in the contrast of the phrase, context, used vastly the highflown imposing soundy lexics in the speech of aristocracy, concealing the squalid reality and masterfully presented the psychological portraits of their heroes.

Keywords: *the national picture of the world, the borrowed lexics, self-perception, psychological universals.*

References

1. Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow, 1941. (In Russ.).
2. Pushkin A.S. *Sochineniya v 3 t.* [Compositions in 3 vol.], vol. 2. Moscow, 1986. 526 p. (In Russ.).
3. Gogol N.V. *Mertviye Doushi* [The Dead Souls]. Moscow, 2008. 510 p. (In Russ.).
4. Tolstoy L.N. *Voskreseniye. Rasskazy* [Resurrection. Stories]. Moscow, 1984. 526 p. (In Russ.).
5. Karlova T.S. *Voprosy psichologicheskogo analiza v nasledii L. N. Tolstogo* [The problems of Psychological Analysis in L. N. Tolstoy's Heritage]. Kazan', 1959. 68 p. (In Russ.).
6. Gogol N.V. *Materialy I issledovaniya* [Materials and research]. Moscow, 1995. 255 p. (In Russ.).
7. Lomunov K.N. Pisateli-sovremenniki o poslednem romane L.N. Tolstogo (“Voskreseniye” v otsenke A.P. Tchekhova i A.M. Gor'kogo) [Contemporary writers about the last novel by L.N. Tolstoy (“Resurrection”, esteemed by A.P. Tchekhov and A.M. Gorky)]. *Roman L.N. Tolstogo “Voskreseniye”*. *Istoriko-funktsionalnoye issledovaniye* [Leo Tolstoy's novel “Resurrection”. Historical and functional research]. Moscow, 1991. 195 p. (In Russ.).
8. Frank S.L. *Dukhovniye osnovy obshchestva* [The Spiritual Foundations of Society]. Moscow, 1992. 511 p. (In Russ.).

УДК 81'373.47

ББК 6/8.81.81.2.81.40/79.81.2.81.1.81.432.1

Л. А. Фатыхова, Л. М. Шакирьянов

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНТРАДИКТОРНЫХ, КОНТРАРНЫХ, НЕСОВМЕСТИМЫХ И КОНВЕРСИВНЫХ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются случаи лингвистической актуализации в английском языке контрадикторных, контрарных, несовместимых и конверсивных логико-семантических отношений между контрастирующими языковыми единицами семантического поля. Делается вывод о том, что в анализируемом языке такие единицы функционируют в семантических полях в составе семантических пар, семантических цепочек (или последовательностей) и семантических множеств.

Ключевые слова: логико-семантические отношения, контрадикторность, контражность, несовместимость, конверсивность, семантическое поле, антонимия, классификация антонимов.

Рассмотрение случаев лингвистической актуализации *контрадикторных, контрарных, несовместимых и конверсивных* логико-семантических отношений между контрастирующими единицами семантического поля осуществляется в рамках решения двух первостепенных лексикографических задач в части построения семантической классификации антонимов, а именно: 1) распределение контрастирующих языковых единиц по семантическим полям (см., например, [2; 7; 9; 12]); 2) выявление характера семантической связи между значениями этих единиц в таких полях. Отметим, что всего в рамках такого подхода выделяют восемь логико-семантических отношений, в числе которых, помимо уже упомянутых, также *комплементарные, реверсивные, контрастирующие и широко-контрастирующие* отношения [3; 5; 6; 9; 11; 15; 16].

Рассмотрим вынесенные в название логико-семантические отношения более подробно, а также остановимся на случаях их лингвистической актуализации в английском языке.

Контрадикторные логико-семантические отношения есть результат противопоставления языковых единиц на основании наличия между ними взаимоисключающих смысловых характеристик, например, *open/close, known/unknown, ready/unready, consistent/inconsistent, right/wrong, to succeed / to fail* и так далее.

Актуализация *контрадикторных* логико-семантических отношений способна затрагивать целые словосочетания, в которых непосредственно взаимоисключающими смыслами обладают только атрибутивные элементы таких словосочетаний, актуализирующих противо-

поставление всей структуры, например, *correct answer / incorrect answer, prepared speaker / unprepared speaker, lucky player / unlucky player*.

Своеобразие *контрарных* логико-семантических отношений состоит в том, что они актуализируются между двумя и более контрастирующими языковыми единицами, в силу чего они также характеризуются как семантические цепочки (или семантические последовательности). В этом состоит их главное отличие от *контрадикторных* логико-семантических отношений, которые, в отличие от *контрарных*, не допускают «включения» в состав своей структуры дополнительных, промежуточных, элементов с «ослабленными» значениями, например, *triumph – win – success – luck – ill luck – fail(ure) – loss – defeat – collapse; blinding – dazzling – shining – bright – clear – dim – dark – black – pitch-dark(-black) – impenetrable*.

Выявление всех элементов в контрарной цепочке и определение позиции в ней каждого антонима производится на основе результатов компонентного анализа, который может выполняться с помощью изучения семантического поля (парадигматический подход) или дискурса (синтагматический подход). Такой метод также позволяет выявить ряды синонимических и антонимических корреляций внутри общих антонимо-синонимических блоков (далее АСБ) (см., например, [7]).

Элементы АСБ выстраиваются на основании логико-семантической категории «интенсивности» (или «градуальности»). В качестве центральных элементов АСБ выступают стилистически нейтральные слова, которые образуют его доминанты; позиции «полюсов»

контрарной семантической цепочки занимают слова с ярко выраженной высокой или низкой степенью проявления признака.

При построении АСБ допускается нестандартное расположение доминант, то есть стилистических нейтральных слов в синонимических рядах.

Так, возможно наличие «плавающей» доминанты, в результате чего наблюдается «смещение» одного из компонентов семантического ядра по контрарным шкалам синонимических рядов. В этом случае релевантный компонент не всегда выполняет функцию крайнего элемента той или иной семантической последовательности, то есть формально не «возглавляет» свой синонимический ряд. Вместе с тем за доминантой можно обнаружить другие, заядерные, элементы.

Рассмотрим один из таких случаев.

В 7-элементном АСБ «*highly liquid assets – quick assets – liquid assets – assets with an average degree of liquidity – lowly liquid assets – slow assets – illiquid assets*» в роли ядра выступает пара номинаций *liquid assets / illiquid assets*.

Ядро здесь носит «смещенный» характер: так, если первый компонент ядра, номинация *liquid assets*, является центральным элементом своего синонимического ряда, в котором позицию семантического «полюса» занимает номинация *highly liquid assets*, то второй компонент, номинация *illiquid assets*, в своем синонимическом ряду таковой не является; напротив, она является крайней, абсолютной величиной семантической последовательности.

Лингвистическая актуализация *несовместимых* логико-семантических отношений (или отношений *несовместимости*) осуществляется с помощью выстраивания семантических групп из семантически несовместимых языковых единиц, каждая из которых носит характер «исключения» по отношению ко всему множеству репрезентантов данного типа отношений.

Логико-семантические отношения *несовместимости* условно перенимают семантическую модель когипонимических (эквонимических) отношений, существующих между членами одного семантического множества с одним общим гиперонимом, например, отношения несовместимости между когипонимами семантической группы *dog, cat, mouse* и так далее как имеющими общий гипероним *animal* (см., например, [12; 14]). Вместе с тем, они от-

личаются от конвенциональных когипонимов смысловой завершенностью формируемых семантических групп, которая обусловлена периодизацией процессов человеческой деятельности. Это позволяет охарактеризовать данный тип логико-семантических отношений как отношения «исключения», в отличие от когипонимических, обозначаемых, как правило, как отношения «включения».

Несовместимые логико-семантические отношения фиксируются между контрастирующими языковыми единицами благодаря их строгому соответствию следующим двум суждениям: 1) «If A is X, then A is not Y, Z»; 2) «If A is not X and Y, then A is Z» [9. С. 105].

Так, в семантическом множестве *January, February, March, April, May, June, July, August, September, October, November, December* между языковыми единицами его составляющими, наблюдается актуализация *несовместимых* логико-семантических отношений, которая осуществляется благодаря строгой оформленности семантического множества (12 языковых единиц), объединенного под одной общей суперординатой – *year*.

Каждая из 12 лексем обладает отношением «исключения» по отношению ко всему семантическому множеству. Так, *January* обладает таким отношением к *February, March, April, May, June, July, August, September, October, November, December*, что подтверждается соответствием релевантных языковых единиц двум логическим суждениям: 1) “If A is *January*, then A is not *February, March, April, May, June, July, August, September, October, November, December*; 2) If A is not *February, March, April, May, June, July, August, September, October, November, December*, then A is *January*.

При лингвистической актуализации *несовместимых* логико-семантических отношений можно наблюдать вовлечение в контраст атрибутивных словосочетаний, например, приобретение лексемами *morning trading / afternoon trading / evening trading* статуса семантически несовместимых лексических единиц, то есть реализации отношения «исключения» по отношению ко всей семантической группе. Как мы видим, в данном случае конвенциональные репрезентанты *несовместимых* логико-семантических отношений, а именно лексические единицы, обозначающие процессы человеческой деятельности (*morning / afternoon / evening*), представляя в данных словосочетаниях атрибуты или зависящие слова, вовлекают в *несо-*

вместимые отношения полные атрибутивные словосочетания, включая и главные слова таких словосочетаний (*trading / trading / trading*).

Для актуализации между парой контрастирующих языковых единиц *конверсивных* логико-семантических отношений достаточно наличия между двумя элементами векторной (разнонаправленной) семантической противопоставленности, например, *bridegroom / bride, north / south, indemnitor / indemnitee, bailor / bailee, buyer / seller, to take / to give, up / down, to / from*.

Между лексическими единицами, участвующими в реализации *конверсивных* логико-семантических отношений, формируются смысловые векторы, которые в зависимости от частеречной принадлежности слов могут быть процессуальными, адвербиальными и именными. Так, формирование процессуальных смысловых векторов между *смыслами* двух лексических единиц осуществляется с помощью категориальной семы «разнонаправленное действие», в результате чего появляется пара контрастирующих предикатов, обладающих разнонаправленными смысловыми характеристиками. Аналогичным образом, в результате реализации категориальной семы «направление разнонаправленного действия» конверсивными смысловыми характеристиками наделяются конверсивы-адвербы, в противопоставлении которых участвуют заданные между *смыслами* адвербиальные смысловые векторы. По схожему сценарию происходит образование конверсивов-субстантивов и конверсивов-адъективов, в создании которых участвует категориальная сема «признак разнонаправленного действия», актуализация которой приводит к появлению именных смысловых векторов между *смыслами* контрастирующих лексических единиц.

При актуализации *конверсивных* логико-семантических отношений создание именных смысловых векторов может сопровождаться реализацией между контрастирующими лексическими единицами корреляции семантической производности [3], то есть отношений производного и производящего слова [4]. В этом случае лингвистическая актуализация конверсивов осуществляется с помощью словообразовательных средств, благодаря которым актуализируются «векторные» смыслы, присущие двум исполнителям или участникам разнонаправленного действия или процесса, например, *fiancé / fiancée, lover / lovee*.

Таким образом, в рамках комплексного решения двух первостепенных лексикографических задач в части классифицирования антонимов, а именно распределения контрастирующих языковых единиц по семантическим полям и выявления характера семантической связи между значениями единиц в таких полях, можно выделить восемь типов логико-семантических отношений, актуализирующихся в рамках одного семантического поля.

Как показывает семантический анализ четырех из таких отношений, а именно *контрадикторных, контрарных, несовместимых* и *конверсивных*, случаям лингвистической актуализации которых посвящена данная статья, в зависимости от характера связи, в которую вступают те или иные контрастирующие единицы, в английском языке такие единицы функционируют в семантических полях в составе семантических пар, семантических цепочек или последовательностей и семантических множеств.

Лингвистическая актуализация *контрадикторных* логико-семантических отношений между парой языковых единиц происходит благодаря наличию между ее членами взаимоисключающих смыслов. Выявлено, что помимо отдельных слов контрадикторные антонимы могут также быть представлены контрастирующими словосочетаниями.

Контрарные логико-семантические отношения актуализируются между группой языковых единиц, выстроенных на основании семантической категории «градуальности», что позволяет их охарактеризовать как семантические цепочки или семантические последовательности. В этом заключается их принципиальное отличие от *контрадикторных* отношений. Выявление всех элементов семантической последовательности и определение позиции в ней каждой единицы осуществляется с помощью компонентного анализа. В результате применения такого метода возможно формирование антонимо-синонимических блоков (АСБ) с точным расположением в ней всех элементов. При построении АСБ возможно нестандартное расположение доминанты таких блоков, например, допускается наличие «плавающей» доминанты со «смещением» одного из компонентов семантического ядра по контрарным шкалам синонимических рядов.

Несовместимые логико-семантические отношения актуализируются между членами одного семантического множества с одной об-

шей суперординатой, характеризуясь при этом как отношения «исключения», в чем состоит их отличие от когипонимических отношений, обозначаемых, как правило, как отношения «включения». Выявление элементов семантического множества осуществляется по соответствию той или иной языковой единицы двум суждениям: 1) «If A is X, then A is not Y, Z»; 2) «If A is not X and Y, then A is Z».

Лингвистическая актуализация *конверсивных* логико-семантических отношений между

парой языковых единиц осуществляется по наличию разнонаправленного семантического противопоставления их смыслов. Между конверсивными лексическими единицами происходит формирование смысловых векторов, которые в зависимости от частеречной принадлежности слов делятся на процессуальные, адвербиальные и именные векторы.

Список литературы

1. Васильев, Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // *Вопр языкознания*. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
2. Гухман, М. М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера / М. М. Гухман // *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. – М., 1961. – С. 123–162.
3. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М., 2000. – 352 с.
4. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. – М., 1976. – 248 с.
5. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М., 1988. – 168 с.
6. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М., 1982. – 272 с.
7. Уфимцева, А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. – М., 1961. – С. 30–63.
8. Федосов, Ю. В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка / Ю. В. Федосов. – Волгоград, 2001. – 190 с.
9. Шакирьянов, Л. М. Логико-семантическая категория контраста в финансово-экономическом медиа-дискурсе (на материале англоязычных интернет-источников) : дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Шакирьянов. – Уфа, 2014.
10. Шафиков, С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С. Г. Шафиков. – Уфа, 1999. – 92 с.
11. Leech, G. *Semantics* / G. Leech. – Harmondsworth: Penguin, 1974. – 386 p.
12. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 897 p.
13. Ohman, S. Theories of the “Linguistic Field” / S. Ohman // *Word*. – 1953. – Vol. 9, iss. 2. – Pp. 123–134.
14. *The Routledge Handbook of Semantics* / ed. by N. Riemer. – London; New York, 2016. – 534 p.
15. Webster’s Dictionary of Synonyms. – Springfield, 1961.
16. Webster’s New Dictionary of Synonyms. – Springfield, 1984. – 942 p.

Сведения об авторах

Фатыхова Лия Амировна – доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры немецкой и французской филологии факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа.

levshakiryakov@gmail.com

Шакирьянов Лев Морисович – кандидат филологических наук, выпускник очной аспирантуры на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа.

levshakiryakov@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 137–141.*

LINGUISTIC REPESENTATION OF CONTRADICTORY, CONTRARY, INCOMPATIBLE AND CONVERSE LOGICO-SEMANTIC RELATIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE

L. A. Fatykhova

Bashkir State University, Ufa. levshakiryarov@gmail.com

L. M. Shakiryarov

Bashkir State University, Ufa. levshakiryarov@gmail.com

The article touches on the instances of linguistic representation of contradictory, contrary and incompatible logico-semantic relations that hold between contrasted linguistic units as observed within an integrated solution of two major lexicographic tasks specifically pertaining to the problem of classification of antonyms, viz. attribution of contrasted words to semantic fields and determination of the nature of semantic relations that exist between word meanings functioning in such fields.

The analysis of instances of linguistic manifestation of the above mentioned logico-semantic relations shows that, in the English language contrasted linguistic units functioning in linguistic fields appear in semantic pairs, semantic sets, or sequences, and semantic groups.

Keywords: *logico-semantic relations, contradictoriness, contrariety, incompatibility, converseness, semantic field, antonymy, classification of antonyms.*

References

1. Vasil'yev L.M. Teoriya semanticheskikh polej [The theory of semantic fields]. *Voprosy yazykoznanija* [The Issues of Linguistics], 1971, no. 5, pp. 105–113. (In Russ.).
2. Gukhman M.M. Lingvisticheskaya teoriya L. Vajsgerbera [Linguistic theory of L. Weisgerber]. *Voprosy teorii yazyka v sovremennoj zarubezhnoj lingvistike* [Issues in linguistic theory of foreign linguistics], 1961, pp. 123–162. (In Russ.).
3. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.).
4. Meshkov O.D. *Slovoobrazovaniye sovremennogo anglijskogo yazyka* [Word-formation in the modern English language]. Moscow, 1976. 248 p. (In Russ.).
5. Nikitin M.V. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Main aspects of the linguistic meaning theory]. Moscow, 1988. 168 p. (In Russ.).
6. Novikov L.A. *Semantika russkogo yazyka* [Russian semantics]. Moscow, 1982. 272 p. (In Russ.).
7. Fedosov Yu.V. *Principy postroyeniya ideograficheskogo slovarya* [The Principles of Compilation of Ideographic Russian Dictionary of Synonyms and Antonyms]. Volgograd, 2001. 190 p. (In Russ.).
8. Ufimceva A.A. Teorii semanticheskogo polya i vozmozhnosti ih primeneniya pri izuchenii slovarnogo sostava yazyka [Theory of linguistic field and their application in studying the lexicon]. *Voprosy teorii yazyka v sovremennoj zarubezhnoj lingvistike* [Issues in linguistic theory of foreign linguistics], 1961, pp. 30–63. (In Russ.).
9. Shakiryarov L.M. *Logico-semanticheskaya kategoriya kontrasta v finansovo-ekonomicheskom media-diskurse (na materiale angloyazychnyh internet-istochnikov)* [Logico-semantic category of contrast in the media discourse of financial economics (as exemplified by English-language Internet resources)]. Ufa, 2014. (In Russ.).
10. Shafikov S.G. *Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoj semantiki yego edinic* [The theory of semantic field and componential semantics of its units]. Ufa, 1999. 92 p. (In Russ.).
11. Leech G. *Semantics*. Harmondsworth, 1974. 386 p.
12. Lyons J. *Semantics*. Cambridge, 1977. 897 p.
13. Ohman S. Theories of the “Linguistic Field”. *Word*, 1953, 9 (2), pp. 123–134.
14. Riemer N. (ed.) *The Routledge Handbook of Semantics*. London; New York, 2016. 534 p.
15. *Webster's Dictionary of Synonyms*. Springfield, 1961.
16. *Webster's New Dictionary of Synonyms*. Springfield, 1984. 942 p.

УДК 811.112.2
ББК 81.002

Е. А. Ханина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРЫ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается использование в текстах немецкого политического дискурса игры с прецедентными феноменами как один из приемов языковой игры. Поскольку целью политического дискурса является внушение адресатам необходимости эффективных действий и оценок, то он традиционно находится в фокусе повышенного внимания лингвистов, что и определяет актуальность настоящего исследования. Манипулятивные возможности языковой игры проиллюстрированы корпусом собранных примеров.

Ключевые слова: *политический дискурс, языковая игра, намеренное нарушение, прагматика, прецедентный феномен, речевое воздействие.*

Настоящая статья посвящена анализу разного рода игровых трансформаций прецедентных феноменов в текстах немецкого политического дискурса. Игра с прецедентными феноменами представлена в качестве одного из приемов языковой игры, который используется автором для оказания определенного воздействия на получателя. Для того чтобы понять сущность описываемого феномена, обратимся к термину «языковая игра».

Языковая игра (ЯИ) в рамках нашего исследования рассматривается с позиции системности языка и ее реализации в речи. При изучении ЯИ с позиции системности языка в первую очередь имеется в виду отклонение от нормы, которое проявляется на всех языковых уровнях: на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и текстовом [26]. Подобное отклонение от нормы некоторые ученые [1] называют аномалией. Кроме того, отклонение от нормы можно интерпретировать как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней [22]. Или, соотносясь с уровневой организацией языка, языковая игра может выступать как особый вид комического [10]. В более широком смысле под языковой игрой понимают любые манипуляции с языком: его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами [21].

Прежде чем перейти к рассмотрению ЯИ с позиции ее реализации в речи, коснемся семиотической стороны проблемы. Игровой принцип является основой семантической организации и доминирует в порождении смысла произве-

дения [16]. На основе этого положения стало возможным рассмотрение ЯИ как особого вида речетворческой семиотической деятельности [15]. Данный вид деятельности реализуется в трех аспектах: семантике, синтактике и прагматике.

Семантический аспект предполагает изучение ЯИ, которая возникает как результат обыгрывания многозначности или омонимии / омофонии / омографии языковых единиц [27].

Синтаксический аспект изучения ЯИ связан с рассмотрением синтаксических ресурсов текста в качестве объекта языковой игры [20]. При этом имеются в виду прежде всего синтаксические нарушения. Целью таких синтаксических нарушений является придание тексту экспрессии, которая должна оказать на адресата дополнительное воздействие.

Поскольку целью ЯИ является оказание на получателя воздействия, наиболее актуальным аспектом изучения ЯИ мыслится прагматический аспект. ЯИ представляет собой осознанный, намеренный процесс использования человеком возможностей языка для достижения определенных целей, таких как удовлетворение эстетических потребностей человека, создание комического эффекта, а также для других форм воздействия на собеседника [6]. В этой связи интересно изучение игрового эффекта [27] или, если использовать терминологию прагмалингвистики, перлокутивного эффекта [18]. Перлокутивный эффект достигается за счет намеренного нарушения правил использования языка.

Правомерно говорить о намеренном нарушении коммуникативных постулатов П. Грай-

са: категории количества, категории качества, категории отношения, категории способа [4]. При этом отступление от нормы должно четко осознаваться адресантом, а адресат должен понимать, что высказывание не содержит ошибку. Тем самым адресат принимает игру и пытается вскрыть глубинное намерение автора [7]. При рассмотрении семантического, синтаксического и прагматического аспекта языковой игры выявляются механизмы ее реализации в речи.

Под ЯИ в данном случае понимается осознанный, намеренный, прагматически мотивированный процесс использования говорящим возможностей языковой системы с целью оказания воздействия на адресата. Одной из сфер, где используются возможности ЯИ, является политический дискурс.

Политический дискурс представляет собой совокупность речевых актов [2], направленных на завоевание и удержание политической власти [17]. В самую суть политического дискурса заложена манипулятивная направленность. Она осуществляется за счет использования возможностей языка с целью влияния на поведенческую деятельность потенциального избирателя в пользу интересов того или иного политика. Манипуляция является осознанным процессом со стороны адресанта (манипулятора), при этом грамотное использование средств языка ведет к эффективному манипулятивному воздействию.

Политический дискурс, с одной стороны, мобильно реагирует на изменения, происходящие в обществе, отражая его актуальные проблемы, с другой стороны, является транслятором традиций и ценностей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [3]. Одним из приемов ЯИ, нацеленным на формирование у избирателя определенного мнения, побуждающего к принятию необходимого выборного решения, является апелляция к культурно нагруженным знакам – игра с прецедентными феноменами.

Под прецедентным феноменом мы будем понимать потенциально автономный смысловой блок речевого произведения, актуализирующий значимую для автора фоновую информацию и апеллирующий к «культурной памяти» адресата [13]. Включение в текст прецедентного феномена служит целям ЯИ разного рода. Так, использование прецедентного феномена может способствовать поэтизации текста, создавать намек, подтекст, порождать загадку, создавать ироническое, саркастическое,

гротескное, трагическое или иное звучание, способствовать иерархизации смысла, то есть придавать бытовой фразе смысл иносказания: политического, поэтического, философского и так далее, иногда просто порождать непритязательную шутку [9].

Некоторые исследователи [11] придерживаются мнения, что уже само включение прецедентного феномена в текст можно рассматривать как ЯИ со свойственной ей экспрессивностью и оценочностью. Интересно, что в немецкой лингвистике отсутствует данный термин и, как правило, подобные явления обозначают термином «*Anspielung*» (намек), содержащим в себе сему «*Spiel*» (игра) [25]. Нас же интересуют обладающие большим прагматическим потенциалом прецедентные феномены, которые подвергаются по воле автора различным игровым трансформациям.

Игра с прецедентными феноменами базируется на принципе аллюзии [5]. Аллюзия является ассоциативным механизмом отсылки к прецеденту. Но аллюзивный принцип ЯИ в текстах политического дискурса связан не столько с самой отсылкой к прецеденту, сколько с ее новой ассоциативной обработкой в целях воздействия на адресата.

В целом прагматический потенциал прецедентных феноменов проявляется в том, что они являются знаками, апелляция к которым ведет к актуализации знаний и представлений, связанных с прошлым культурным опытом языкового сообщества, значимых в интеллектуальном и эмоциональном планах для его представителей [14]. За прецедентным феноменом всегда стоит инвариант его восприятия, который делает все апелляции к прецедентному феномену коннотативно окрашенными и служит условием актуализации его прагматического потенциала. Прецедентные феномены можно определить как лингвокультурное средство воздействия. Прецедентные феномены используются для создания имиджа, ассоциативной связи с теми или иными культурными символами, подчеркивания статуса или качества политика через прямые или косвенные сравнения с известными личностями, создания социально-психологических установок, предопределяющих выбор в пользу того или иного политического деятеля [25].

Прецедентный феномен может быть представлен текстом, высказыванием, ситуацией или именем. Ниже мы рассмотрим прецедентные высказывания и прецедентные имена, по-

скольку в проанализированных нами немецких текстах мы встретили только эти разновидности прецедентных феноменов. «Прецедентное высказывание – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, 3) имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [цит. по 11. С. 226].

Обратимся к сферам прецедентности, которые послужили основным источником обнаруженных нами прецедентных имен и высказываний. При классификации сфер-источников прецедентных феноменов мы будем опираться на работы А. А. Евтюгиной [8], Ю. Н. Караулова [12], А. Е. Супрун [23], которые достаточно широко рассматривают возможные источники прецедентности. Исследователи предлагают отнести к числу прецедентных феноменов не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что, в свою очередь, увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности. Кроме того, в качестве источников текстовых реминисценций ученые выделяют Библию, античную мифологию, музыку, фольклор, популярные песни, политические тексты, науку, спорт, медицину и др. [19]. На основе проведенного анализа нами были выделены следующие три сферы-источника прецедентных феноменов, используемых в текстах немецкого политического дискурса: фразеология; фоновые знания из области культуры, науки, истории; мифология / фольклор.

Фразеология.

Примеры. (1) *Das Fell des Bären verteilen wir erst nach der Wahl* (Impulse, 25.06.2009). *Шкуру медведя мы будем делить только после выборов* [Здесь и далее перевод примеров наш. – Е. Х.].

Для придания экспрессивности высказыванию политиком обыгрывается пословица «*das Fell des Bären verteilen, bevor man ihn erlegt hat*» (делить шкуру неубитого медведя).

(2) *Das ist Politik von der Hand in den Mund* (Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung,

24.08.2009). *Это политика, едва сводящая концы с концами.*

В данном примере трансформацию претерпело фразеологическое единство «*von der Hand in den Mund leben*» (едва сводить концы с концами). Использование ЯИ направлено на придание высказыванию экспрессивности.

(3) *Realistischerweise muss man aber sagen, dass wir mit Parteien, die Steuern für Reiche senken und den Neubau von Atomkraftwerken wissenschaftlich untersuchen lassen, nicht auf einen grünen Nenner kommen* (F.A.Z., 19.09.2009). *Но реально смотря на вещи, нужно сказать, что мы не сможем прийти к общему «зеленому» знаменателю с партиями, которые понижают налоги для богатых и изучают проекты по возведению новых атомных станций.*

В настоящем высказывании обыгрывается устойчивое фразеологическое единство «*auf einen Nenner kommen*» (прийти к общему знаменателю). За счет добавления во фразеологическое единство прилагательного «*grün*» (зеленый) получилась довольно любопытная ЯИ, обладающая значительной степенью экспрессивности. Тем интересней эта ЯИ, что ее авторство принадлежит политику партии «Союз 90/Зеленые».

(4) *Er macht es mit links* (Der Spiegel, 11/2009). *Он делает это с легкостью / Он делает это с «левыми».*

Рассматриваемая ЯИ построена на потенциальной многозначности прочтения данного фразеологического единства. С одной стороны, фразеологическое единство «*etwas mit links machen*» обозначает «делать что-либо с легкостью», но, с другой стороны, попав в определенный контекст, высказывание может быть понято буквально: в нашем случае речь идет о политике, недавно примкнувшем к крайне левой партии «Ди Линке».

Как видно, случаи ЯИ, сферой прецедентности которых является фразеология, преимущественно направлены на придание высказыванию экспрессивности.

Фоновые знания из области культуры, науки, истории.

Узнаваемые цитаты:

Пример. (5) *Der Gegner steht links* (Fokus, 20.09.2009). *Противник находится слева.*

В настоящем высказывании обыгрывается провокационный заголовок статьи «*Der Feind steht links*» («Враг находится слева»), растянувшийся на всю титульную страницу

«Die Deutsche Arbeitgeber-Zeitung», вышедшей 17.11.1929, в которой содержался призыв к борьбе с левыми гражданскими силами. Политик несколько смягчил оригинальное высказывание, употребив вместо «*Feind*» (враг) «*Gegner*» (противник). Но тем не менее данное высказывание содержит негативную оценку по отношению к партиям крайне левого толка.

(6) *Kinder, Küche, Kanutour* (HNA, 27.08.13). Дети, кухня, тур на байдарке.

В данном примере изменено ставшее крылатым высказывание, предположительно принадлежащее кайзеру Вильгельму II: «*Kinder, Küche, Kirche*» (дети, кухня, церковь), описывающее основные представления о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей. Поскольку речь идет о немецком политике-мужчине Ю. Триттине, то высказывание направлено на создание комического эффекта.

(7) *Jeder kämpft für sich allein* (Der Spiegel, 6/2013). Каждый борется сам за себя.

В настоящем высказывании претерпело игровое изменение название романа Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку» («*Jeder stirbt für sich allein*»), ставшее крылатым. В контексте предвыборной коммуникации имеется в виду, что каждая партия добивается голосов избирателей без оглядки на предполагаемого коалиционного партнера. ЯИ направлена на придание высказыванию экспрессивности.

Известные личности:

Примеры. (8) *Herr Lafontaine, Sie wurden seit Ihrem Rücktritt als Finanzminister und SPD-Chef beschimpft als Pinocchio, Luzifer, Oskar Haider* (Badische Zeitung, 17.09.2009). Госнодин Лафонтен, с момента Вашей отставки с поста министра финансов и председателя СДПГ Вас оскорбительно называют Пинокио, Люцифер, Оскар Хайдер.

Данное высказывание избобилует прецедентными именами. Любопытным представляется обыгрывание имени известного и популярного в 90-е гг. XX в. австрийского политика Йорга Хайдера, слывшего в прессе и среди европейских политиков популистом-выскочкой и радикальным националистом. Использование имени немецкого политика Оскара Лафонтена (*Oskar*) вместе с фамилией Хайдер (*Haider*) выражает резкую негативную оценку по отношению к немецкому политическому деятелю.

(9) *Das ist für uns ein wirklicher Genuss: Angela Merkel, die deutsche Chavez* (Plenarprotokoll, 16/209). Для нас это истинное удовольствие: Ангела Меркель, немецкий Чавес.

Аналогичным образом обыгрывается имя государственного и военного деятеля, президента Венесуэлы У. Чавеса, чьи негативные характерные особенности автор переносит на актуального федерального канцлера Германии.

Строки известных песен:

Пример. (10) *Und Ole von Beust singt vermutlich jeden Morgen vor dem Spiegel: Es grünt so grün, wenn Hamburgs Blüten blühen* (Hamburger Abendblatt, 14.05.2009). А Оле фон Бойст, видимо, каждое утро напевает перед зеркалом: Все так зеленеет, когда цветут гамбургские цветы.

В данном высказывании обыгрывается строчка из знаменитого мюзикла «Моя прекрасная леди». Вместо «*Spaniens Blüten blühen*» («цветут цветы Испании») политик использует «*Hamburgs Blüten blühen*» («цветут цветы Гамбурга»), иронизируя по поводу федеральной земли, где сложилась первая черно-зеленая коалиция (ХДС и «Союз 90/Зеленые»). В данном высказывании также фигурирует «черный политик» и первый бургомистр Гамбурга О. ф. Бойст. Использование ЯИ в данном случае направлено на создание комического эффекта.

Название телепередач:

(11) *Pimp my Peer* (Cicero, 03.2013). Прокачай Пеера.

В высказывании несколько видоизменено название популярной телепередачи «*Pimp my ride*» («Тачку на прокачку»), в каждом выпуске которой команда автомехаников и автодизайнеров ремонтирует и улучшает автомобиль, находящийся в плохом состоянии, но способный ездить. За счет данной ЯИ высмеивается провальный имидж Пеера Штайнбюка и его многочисленные неудачи во время предвыборной гонки.

Очевидно, что обыгрывание прецедентности, сферой которой послужили фоновые знания из области культуры, науки, истории, способствует формированию оценки избирателя, придает высказыванию экспрессивность, создает комический эффект.

Мифология / фольклор.

Примеры. (12) *Genosse Sisyphos* (Der Spiegel, 32/2009). Товарищ Сизиф.

Имя мифологического героя «*Sisyphos*» (Сизиф) употребляется вместе с принятым внутрипартийным обращением членов СДПГ «*Genosse*» (товарищ). В качестве прецедентного феномена выступает известная ситуация, в которой находится герой мифа, обречен-

ный на вечный, изнурительный, бесполезный труд. Очевиден намек на тщетные усилия Ф.-В. Штайнмайера, кандидата от СДПГ, занять пост федерального канцлера.

(13) *Die stumme Bürgerliche und der Biest – so haben sich die Grünen ihr Traumpaar nicht vorgestellt* (Cicero, 03.2013). *Молчаливое буржуа и чудовище – не такой себе представляли зеленые свою идеальную пару.*

В настоящем примере игрой трансформации подверглось название западноевропейской волшебной сказки «*Die Schöne und das Biest*» («Красавица и чудовище»). Через использование ЯИ критике подверглись кандидаты от партии «Союз 90/Зеленые» К. Геринг-Эккарт,

не имеющая опыта выступления на телевидении и поэтому достаточно немногословная, и Ю. Триттин, знаменитый своей несдержанностью и агрессивностью.

Два данных случая ЯИ направлены на формирование негативной оценки относительно упомянутых политиков у избирателя.

Таким образом, проанализированные нами примеры показывают, что использование игры с прецедентными феноменами является достаточно эффективным средством воздействия на адресата. За счет придания экспрессивности, комичности высказыванию и содержащейся в ЯИ оценки становится возможным влиять на поведение электората.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
2. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новаторство / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М., 1991. – 63 с.
3. Ворожцова, О. А. Прецедентные феномены в российском и американском предвыборном президентском дискурсе 2004 г. / О. А. Ворожцова // Политич. лингвистика. – 2007. – Вып. 3 (23). – С. 69–73.
4. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
5. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2008. – 165 с.
6. Денисова, Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Денисова. – М., 2008. – 26 с.
7. Донгак, С. Языковая игра и обманутое ожидание / С. Донгак // Критика и семиотика. – Красноярск, 2001. – Вып. 3/4. – С. 78–84.
8. Евтюгина, А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостилия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Евтюгина. – Екатеринбург, 1995. – 18 с.
9. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М., 2004. – 563 с.
10. Земская, Е. М. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. М. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяева. – М., 1983. – 238 с.
11. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М., 2012. – 296 с.
12. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 262 с.
13. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – М., 2003. – 107 с.
14. Кушнерук, С. Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 198–204.
15. Лисоченко, Л. В. Языковая игра на газетной полосе. Эстетика и поэтика языкового творчества / Л. В. Лисоченко, О. В. Лисоченко // Межвузовский сб. науч. ст. – Таганрог, 2000. – С. 128–142.
16. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
17. Марченко, Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Марченко. – Ставрополь, 2007. – 255 с.

18. Матвеева, Г. Г. Введение в скрытую прагмалингвистику: спецкурс для студентов немецкого отделения / Г. Г. Матвеева, Е. И. Петрова. – Ростов н/Д, 2009. – 97 с.
19. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
20. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта, 2006. – 344 с.
21. Рахимкулова, Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов н/Д, 2004. – 46 с.
22. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М., 1999. – 544 с.
23. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопр. языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
24. Чащина, С. С. Прецедентные феномены в американской рекламе автомобилей: прагматический аспект / С. С. Чащина // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2008. – № 56. – С. 186–193.
25. Januschek, F. Rechtspopulismus und NS-Anspielungen am Beispiel des österreichischen Politikers Jörg Haider / F. Januschek. – Duisburg, 1992. – 95 s.
26. Schmitz, U. Mit „spielen“ spielen / U. Schmitz // Sprache spielen. – Freiburg im Breisgau: Herbert Jürgen Welke Fillibach, 2007. – S. 293–314.
27. Wurth, L. Das Wortspiel bei Shakespeare / L. Wurth. – New York, 1964. – 255 s.

Сведения об авторе

Ханина Елена Александровна – аспирант кафедры немецкой филологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), менеджер проектов Года немецкого языка и литературы, Гете-Институт (Москва, Россия).

haninaea@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 142–149.*

USE OF THE GAME WITH PRECEDENT PHENOMENA IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

E. A. Khanina

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), Goethe-Institut (Moscow, Russia).

haninaea@rambler.ru

The article discusses the use of one of the language game forms – a game with precedent phenomena, in the texts of German political discourse. The language game is a conscious, intentional, pragmatically motivated process of using the opportunities of the language system in order to manipulate an addresser. Two approaches to the study of language game are regarded: studying the language game from the position of the language system and from the position of its realization in speech. Since the purpose of political discourse is the suggestion addressers the need for effective actions and assessments, it is traditionally in the focus of scientific attention, which determines the relevance of the present study. Manipulation capacity of the language game is illustrated by the examples.

Keywords: *political discourse, language game, intentional violation, pragmatics, precedent phenomenon, linguistic manipulation.*

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.).
2. Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskie debaty: traditsii i novatorstvo* [Parliamentary debates: traditions and innovation]. Moscow, 1991. 63 p. (In Russ.).

3. Vorozhtsova O.A. Pretsedentnye fenomeny v rossijskom i amerikanskom predvybornom prezidentskom diskurse 2004 goda [Precedent phenomena in Russian and American presidential discourse 2004]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2007, iss. 3 (23), pp. 69–73. (In Russ.).
4. Grays G.P. Logika i rechevoe obschenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 16. Moscow, 1985. Pp. 217–237. (In Russ.).
5. Gridina T.A. *Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste* [Language game in a literary text]. Ekaterinburg, 2008. 165 p. (In Russ.).
6. Denisova E.A. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkih zagadok i krossvordov)* [Structure and functions of enigmatical text (on the material of Russian riddles and crosswords)]. Moscow, 2008. 26 p. (In Russ.).
7. Dongak S. Yazykovaya igra i obmanutoe ozhidanie [Language game and cheated waiting]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], iss. 3/4. Krasnoyarsk, 2001. Pp. 78–84. (In Russ.).
8. Evtyugina A.A. *Pretsedentnye teksty v poezii V. Vysotskogo (k probleme idiosilya)* [Precedent texts in the poetry of Vladimir Vysotsky (to the problem of idiostyle)]. Ekaterinburg, 1995. 18 p. (In Russ.).
9. Zemskaya E.A. *Yazyk kak deyatelnost': Morfema. Slovo. Rech* [Language as activity: Morpheme. Word. Speech]. Moscow, 2004. 563 p. (In Russ.).
10. Zemskaya E.M., Kitajgorodskaya M.V., Shiryayeva E.N. *Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian speaking. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, 1983. 238 p. (In Russ.).
11. Ilyasova S.V., Amiri L.P. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language game in the communicative space of media and advertising]. Moscow, 2012. 296 p. (In Russ.).
12. Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 1987. 262 p. (In Russ.).
13. Kozhina M.N. *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003. 103 p. (In Russ.).
14. Kushneruk S.L. Ispolzovanie pretsedentnyh fenomenov dlya situativnogo promoushena v rossijskoj pechatnoj reklame [The use of precedent phenomena for situational promotion in Russian print advertising]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2006, iss. 20, pp. 198–204. (In Russ.).
15. Lisochenko L.V., Lisochenko O.V. Yazykovaya igra na gazetnoj polose. Estetika i poetika yazykovogo tvorchestva [Language game on a newspaper strip. Aesthetics and poetics of linguistic creativity]. *Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej* [Interuniversity collection of scientific articles]. Taganrog, 2000. Pp. 128–142. (In Russ.).
16. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyaschih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Individual – text – semiosphere – history]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
17. Marchenko T.V. *Manipulyativnyj potentsial intertekstualnyh vklyuchenij v sovremennoe politicheskoe diskurse* [Manipulative potential of intertextual inclusions in the modern political discourse]. Stavropol, 2007. 255 p. (In Russ.).
18. Matveeva G.G., Petrova E.I. *Vvedenie v skryituyu pragmalingvistiku: spetskurs dlya studentov nemetskogo otdeleniya* [Introduction to latent pragmalinguistic: the course for the students of the German Department]. Rostov-on-Don, 2009. 97 p. (In Russ.).
19. Nahimova E.A. *Pretsedentnye imena v massovoj kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg, 2007. 207 p.
20. Norman B.Yu. *Igra na granyah yazyka* [The game on the language's faces]. Moscow, 2006. 344 p. (In Russ.).
21. Rahimkulova G.F. *Yazykovaya igra v proze Vladimira Nabokova (k probleme igrovogo stilya)* [Language game in the prose of Vladimir Nabokov (to the problem of game style)]. Rostov-on-Don, 2004. 46 p. (In Russ.).
22. Sannikov V.Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry* [Russian language in the mirror of language game]. Moscow, 1999. 544 p. (In Russ.).
23. Suprun A.E. *Tekstovye reministsentsii kak yazykovoe yavlenie* [Text reminiscences as a linguistic phenomenon]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics], 1995, no. 6, pp. 17–29. (In Russ.).

24. Chaschina S.S. Precedentnye fenomeny v amerikanskoj reklame avtomobilej: pragmaticeskij aspekt [Precedent phenomena in the American car advertising: pragmatic aspect]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Ural state university], 2008, no. 56, pp. 186–193. (In Russ.).

25. Januschek F. *Rechtspopulismus und NS-Anspielungen am Beispiel des österreichischen Politikers Jörg Haider* [Right-wing populism and nazism allusions on the example of the Austrian politician Jörg Haider]. Duisburg, 1992. 95 p. (In German).

26. Schmitz U. Mit „spielen“ spielen [To play “playing”]. *Sprache spielen* [To play language]. Freiburg im Breisgau, Herbert Jürgen Welke Fillibach, 2007. Pp 293–314. (In German).

27. Wurth L. *Das Wortspiel bei Shakespeare* [Wordplay in Shakespeare]. New York, 1964. 255 p. (In German).

УДК 811.11
ББК 81. Н-1

И. А. Шипова

КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТАСЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НАРРАТИВНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале немецкого языка)

Метасемиотика художественного текста предлагается к рассмотрению как подход к его исследованию, в котором акцент сделан на формализованные элементы текста. Они реализуются в композиционно-речевых формах повествования, создающих знаковые образования в метасемиотическом пространстве нарративного художественного текста со своими означающими и означаемыми.

Ключевые слова: *метасемиотика, нарративность, композиционно-речевая форма повествования, означаемое, означающее.*

В работе «Семиотика культуры и понятие текста» Ю. М. Лотман пишет о двух тенденциях в динамике развития семиотики: одна из этих тенденций определяется как исследование семиотического функционирования реального текста и обозначается как собственно семиотика, другая названа как стремление к созданию метасемиотики, объектом исследования которой становятся модели текстов, материализация структурных законов языка [5].

Любая метатеория изучает синтаксические, семантические, прагматические и логические (специальные правила вывода) свойства систем с формализованным языком [6]. Это, в свою очередь, предполагает, что объектом ее исследования оказывается не столько содержание объекта, сколько его формальные свойства [9].

Если традиционные лингвостилистические исследования направлены на изучение образных средств языка и эстетического эффекта как результата их воздействия на адресата, то метасемиотический анализ призван выделить структурно-семантические и прагматические характеристики формализованных элементов текста, определить их место в иерархии всей текстовой системы.

Самым распространенным в художественной литературе является нарративный художественный текст (далее: НХТ), семантическое пространство которого организуется благодаря построению содержательных связей, отражающих фиктивный (воображаемый) мир фикциональной реальности. Для его создания существуют техники композиционного струк-

турирования, функционирующие в рамках определенной замкнутой системы, носящей знаковый характер. Как и во всякой знаковой системе, знак в ней имеет свои означающие и означаемые, которые реализуются и воспринимаются в языковых характеристиках текста на всех его уровнях. На лексическом уровне находят свое отражение тематический план повествования и формы его композиционно-речевой презентации. Благодаря грамматическому оформлению, в частности, на уровне морфологии, читается тип повествовательной перспективы текста (например, наличие личных местоимений для обозначения повествователя или их отсутствие), синтаксис определяет ритмику текста, степень его экспрессивности, включенности персонажей в процесс изображения художественного мира и ряд других характеристик. Лингвистические параметры текста представляют собой способ реализации авторского замысла, а способность читателя считывать заключенное в нем содержание гарантирует адекватное восприятие написанного.

Поскольку НХТ, несмотря на все разнообразие его форм и стилей, имеет ряд типичных для него формальных признаков, представляется возможным трактовать его как систему, имеющую признаки формализованного языка, то есть определенные знаковые черты, подлежащие исследованию на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровне. В метасемиотическом исследовании на передний план выходят формальные признаки художественного текста без учета позиций риторики, литературоведения, философии темпорально-

сти, герменевтики и прочих аспектов детализированного анализа его скрытых и явных смыслов. В то же время любая формализованная языковая структура не может адекватно восприниматься, не будучи вписанной в коммуникативную ситуацию [7; 12], в рамках которой языковые выражения реализуют заложенную в них прагматическую интенцию. Поэтому метасемиотическое пространство данного языкового образования подлежит изучению с учетом всех трех составляющих семиотики как метода исследования.

Нарративный художественный текст совмещает в себе увлекательность рассказа со своеобразием художественно-языковой выразительности. Он отражает реальность бытия, наделяя ее всеми достоинствами вымысла и позволяет размышлять над проблемами человеческого существования не в виде абстрактных философских обобщений, а в виде отображенных в нем судеб людей, проживающих события, кажущиеся реальными. Такой текст является продуктом речемыслительной деятельности, по образцу которого строится большинство текстов, включая публицистику, медийные сообщения и даже некоторые виды устной коммуникации.

Нарративность определяется В. А. Андреевой как специфическая стратегия текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история, преломленная сквозь призму определенной точки зрения. Нарративность противопоставляется иным способам текстообразования, таким как *перформативность* (организующий принцип речевого действия), *итеративность* (стратегия обобщения или накопления опыта) и *дескриптивность* (способ речевой идентификации объекта) [1]. Наличие данных способов текстообразования не исключается и в наррации и реализуется в тексте в таких единицах ментального формализованного языка, как композиционно-речевые формы (далее: КРФ) повествования, под которыми понимаются «сложные функциональные тексто-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие ее развитие и придающие ей целостность и законченность» [2. С. 74]. Несмотря на всевозможное комбинирование КРФ в виде различных модификаций, основными формами считаются *сообщение*, *описание* и *рассуждение*.

Опираясь на точку зрения Ю. М. Лотмана, мы рассматриваем НХТ как метасемиотиче-

ское пространство, в котором КРФ являются одним из составляющих его знаков. О композиционно-речевых формах повествования как о способе построения речевого произведения известно со времен М. Т. Цицерона, который упоминал в своем трактате «Об ораторе» формы *рассуждение* и *описание*, выделяя все же как основу всякой речи *повествование* [10. С. 81], для которого в современной науке принят также термин *сообщение*.

Исследователи художественного текста указывают на то, что каждая из КРФ распознается как за счет тематики и семантики соответствующего текстового фрагмента, так и за счет его синтаксического оформления. «От описания повествование отличается тем, что изображаемые явления даются не в одновременности, но в их хронологической последовательности, от рассуждения – тем, что связь изображаемых явлений дается в плане временной, а не логической последовательности» [4. С. 11]. Иными словами, их реализация в тексте отражается в наборе определенных языковых средств, имеющих свои формализованные признаки и потому носящем метазнаковый характер, что для нас принципиально важно. Каждая из КРФ распознается в тексте за счет ряда признаков, что мы проиллюстрируем несколькими фрагментами из романа Клауса Манна «Мефистофель» (1936).

КРФ *сообщение* представляет собой основную форму информационного содержания о событии в его временном развитии, она является ведущей в повествовании [3]. В художественном тексте применительно к этой композиционно-речевой форме используется термин *повествование*, которое «рассматривается либо как разновидность *сообщения*, либо как самостоятельная композиционно-речевая форма» [3. С. 123]. Повествование, как правило, авторская монологическая речь.

(1) «*In den letzten Jahren des Weltkrieges und in den ersten Jahren nach der Novemberrevolution hatte das literarische Theater in Deutschland eine große Konjunktur. Um diese Zeit erging es auch dem Direktor Oskar H. Kroge glänzend, den schwierigen Wirtschaftsverhältnissen zum Trotz. Er leitete eine Kammerspielbühne in Frankfurt am Main. In dem engen, stimmungsvoll intimen Kellerraum traf sich die intellektuelle Gesellschaft der Stadt und vor allem eine angeregte, von den Ereignissen aufgewühlte, diskussions- und beifallsfreudige Jugend, wenn es die Neuinszenierung eines Stückes von Wedekind*

oder Strindberg gab oder eine Uraufführung von Georg Kaiser, Sternheim, Fritz von Unruh, Hasenclever oder Toller» [11. S. 26].

Фрагмент (1) рассказывает об успешной работе литературного театра в Германии после первой мировой войны и ноябрьской революции 1919 г., которым руководит Оскар Х. Кроге – один из персонажей романа. В данном случае КРФ сообщение отличает наличие временных и локальных обстоятельств, название имени персонажа, вводимого в повествование, и сферы его деятельности. Перечисленные параметры в той или иной степени типичны для данной КРФ.

КРФ *описание* служит для выражения факта существования предметов и их признаков, а также для передачи динамического или статического состояния действительности [2].

(2) «Der Fliegergeneral und seine Gattin, die gewesene Aktrice Lotte Lindenthal, waren durch die große Mitteltüre *eingetreten*: Brausendes *Beifallsklatschen* und dröhnender Zuruf begrüßten sie. Durch ein Spalier von Menschen, aus dem Jubel *stieg, schritt* das erlauchte Paar. Kein Kaiser hatte jemals schöneren Einzug gehalten. Der *Enthusiasmus* schien ungeheuer: Jeder von den zweitausend auserlesen feinen Menschen wollte sich, den anderen und dem Ministerpräsidenten durch möglichst lautes *Geschrei* und *Händeklatschen* beweisen, einen wie glühenden Anteil er am dreiundvierzigsten Geburtstag des Hohen Herrn im besonderen und am Nationalen Staate im allgemeinen nahm» [11. S. 21].

Фрагмент (2) иллюстрирует возможности динамического описания, языковые характеристики которого отличают глаголы движения, субстантивированные инфинитивы и существительные с семантикой процессуальности. Данный отрывок, однако, не развивает повествование, а концентрируется на описании момента.

(3) «Frau Bella *lächelte* huldvoll. Sie war sehr einfach, aber nicht ohne eine gewisse ehrbare Koketterie gekleidet; auf ihrer schwarzen, glatt fließenden *Seidenrobe leuchtete* eine weiße Orchidee. Das graue, schlicht frisierte *Haar bildete* einen pikanten Kontrast zu ihrem ziemlich jung gebliebenen, mit dezenter Sorgfalt hergerichteten *Gesicht*. Aus weiten, grünblauen *Augen schaute* sie mit einer reservierten, nachdenklichen Freundlichkeit auf die geschwätzige Dame...» [11. S. 11].

В противоположность (2) фрагмент (3) – пример статического описания. В данном

случае представлено изображение внешности матери главного героя романа. Языковые параметры ограничиваются лексическими единицами обозначения одежды, особенностей лица, волос, деталей поведения. Здесь преобладают глаголы с семантикой статики. Данное описание также как и (2) не влияет на ход событий, описываемых в романе, и не развивает повествование.

В языковых параметрах КРФ описание преобладают лексические единицы с семантикой качественных характеристик, передающие динамические или статические свойства объектов повествования, что может выражаться различными частями речи. Нередко в описаниях присутствует эксплицитная или имплицитная оценочность, выражаемая соответствующими языковыми средствами.

Композиционно-речевая форма *рассуждение* передает размышления, рассуждения, логическое развитие мыслей автора или персонажей литературного произведения. Все подвиды этой формы (разъяснение, комментарий) предполагают эпическую дистанцию от событий и отсутствие временной соотнесенности с ними [3].

(4) «Das Regime geht weiter seinen schauerlichen Weg. Am Rand des Weges häufen sich die Leichen. Wer sich auflehnte, wusste, was er riskierte. Wer die Wahrheit sagte, musste mit der Rache der Lügner rechnen. Wer die Wahrheit zu verbreiten suchte und in ihrem Dienste kämpfte, war bedroht mit dem Tode und mit allen jenen Schrecken, die dem Tod in den Kerkern des Dritten Reiches voranzugehen pflegten» [11. S. 319–320].

Фрагмент (4) – рассуждение автора романа о распространении фашистской идеологии и связанных с ней репрессиях в предвоенной Германии 30-х гг. XX в. Введение данного рассуждения в форме настоящего времени (презент) в (4) свидетельствует об отсутствии непосредственной связи фрагмента с повествованием. В то же время именно в (4) выражается авторская крайне негативная оценка описываемых в произведении событий и всего происходящего в стране, выражающаяся в экспрессивно окрашенных субъектных придаточных предложениях, которые не типичны для объективированного повествования.

Языковые признаки КРФ рассуждение отличаются не только тем, что в тематическом плане происходит уход от основной линии повествования. Как правило, рассуждение содержит экспрессивные синтаксические кон-

струкции, выделяющиеся на фоне нейтрально построенных текстовых фрагментов.

Отличие КРФ друг от друга выражается и в том, что они имеют привязку к определенным видам тема-рематической прогрессии, кроме того композиционно-речевая форма повествования предопределяет характер референционного движения в тексте [7].

На наш взгляд, наименее формализованным и наиболее однозначно определяющим КРФ является лексико-тематическое наполнение отдельного фрагмента текста. Но особенности построения видов КРФ в соединении с данным

наполнением указывают на их формализованный характер. В рамках НХТ композиционно-речевые формы повествования проявляются как определенные типы текста, распознаваемые за счет семантики и синтактики своего языкового оформления, позволяющие автору решать стоящие перед ним прагматические задачи, наиболее важной из которых остается художественная составляющая. Они выступают как знаки-означающие, представляющие собой содержательно-формализованные единицы НХТ, выступающие как элементы его метасемиотического пространства.

Список литературы

1. Андреева, В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Андреева. – СПб., 2009. – 38 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс / М. П. Брандес. – М., 2004. – 416 с.
3. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык : учеб. пособие / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – М., 1989. – 208 с.
4. Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. – М., 1935. – Т. 9. – 832 с.
5. Лотман, Ю. М. Семиотика культура и понятие текста. Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 129–132.
6. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск, 1998. – 896 с.
7. Падучева, Е. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы / В. В. Падучева // Изв. РАН, сер. лит. и яз. – 1995. – Т. 54, № 3. – С. 39–48.
8. Парфенова, В. Н. Референциальные отношения в рамках лингвистики текста (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Парфенова. – М., 2012. – 18 с.
9. Философия : энциклопед. слов. / под ред. А. А. Ивина. – М., 2004. – 1072 с.
10. Цицерон, М. Т. Об ораторе / М. Т. Цицерон // Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972. – С. 75–252.
11. Mann, K. Mephisto. Aufbau-Verlag. – Berlin; Leipzig, 1986. – 322 s.
12. Riesel, E. Deutsche Stilistik / E. Riesel; E. Schendels. – М., 1975.

Сведения об авторе

Шипова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, доцент Московского педагогического государственного университета.

schipowa@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 150–154.*

COMPOSITE-SPEECH NARRATION FORM AS A COMPONENT OF METASEMIOTIC'S SPACE OF NARRATIVE TEXT (German material)

I. A. Shipova

Moscow State Pedagogical University. schipowa@mail.ru

In this article the metasemiotics of the fiction text is offered to consideration as an approach to its research in which the emphasis is placed on the formalized text signs. They are shown in the composite - speech forms of a narration forming sign elements with their meanings and meant in metasemiotics

space of the narrative fiction text. The narration is treated as one of textbuilding ways allowing by combination of message, description and reasoning realizing pragmatically intentions of the author. Each of composite - speech forms of a narration can be distinguished due to semantics and syntactic ways of its expression as well as pragmatics of its updating that allows us to treat them as signs of the narrative fiction text.

Keywords: *metasemiotics, narration, composite-speech forms of a narration, meant, meaning.*

References

1. Andreeva V.A. *Tekstovye i diskursnye parametry literaturnogo narrativa* [Text and diskurs's parameters of literary narrativ]. Saint Petersburg, 2009. 38 p. (In Russ.).
2. Brandes M.P. *Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs* [Stylistics of text. Theoretical course]. Moscow, 2004. 416 p. (In Russ.).
3. Domashnev A.I., Shishkina I.P., Goncharova E.A. *Interpretacija hudozhestvennogo teksta: Nemeckij jazyk*. [Interpretation of the artistic text: German language]. Moscow, 1989. 208 p. (In Russ.).
4. Lunacharskij A.V. (ed.) *Literaturnaja jenciklopedija* [Literary encyclopedia], vol. 9. Moscow, 1935. 832 p. (In Russ.).
5. Lotman Ju.M. *Semiotika kul'tura i ponjatie teksta. Izbrannye stat'i*. [Semiotics is culture and the concept of text. Selected articles], vol. 1. Tallinn, 1992. Pp. 129–132. (In Russ.).
6. Gricanov A.A. (ed.) *Novejšij filozofskij slovar'* [Newest philosophical dictionary]. Minsk, 1998. 896 p. (In Russ.).
7. Paduceva E.V. V.V. Vinogradov i nauka o jazyke hudozhestvennoj prozy [V.V. Vinogradov and the science about the language of artistic prose]. *Izvestija RAN, serija literatury i jazyka* [Proceedings of RAN, a series of literature and language], 1995, vol. 54, no. 3, pp. 39–48. (In Russ.).
8. Parfenova V.N. *Referencial'nye otnoshenija v ramkah lingvistiki teksta (na materiale nemeckogo jazyka)* [Referential relations within the framework of the linguistics of text (on the material of German language)]. Moscow, 2012. 18 p. (In Russ.).
9. Ivin A.A. (ed.) *Filozofija: jenciklopedičeskij slovar'* [Philosophy: encyclopaedic dictionary]. Moscow, 2004. 1072 p. (In Russ.).
10. Ciceron M.T. *Ob oratore* [On the speaker]. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three treatises about the oratorical skill]. Moscow, 1972. Pp. 75–252. (In Russ.).
11. Mann K. *Mephisto*. Aufbau-Verlag. Berlin und Leipzig, 1986. 322 p. (In German).
12. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik* [German Stylistics]. Moscow, 1975. 316 p. (In German).

Д. К. Юсупалиева

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Дается критический анализ особенностей истории телевидения; оцениваются труды исследователей Узбекистана и России, которые внесли достойный вклад в изучение истории возникновения и развития индустрии телевидения в Узбекистане. Дается характеристика разнообразных жанров телевидения Узбекистана, тенденций в развитии телевидения как советского периода (в системе Гостелерадио Советского Союза), так и постсоветского этапа развития телеиндустрии в республике, ее значение в становлении национально-духовных основ и структурных преобразований в жизни общества.

Ключевые слова: социально-культурные процессы, отечественная телеиндустрия, технологический прогресс, тематика и содержание телепрограмм, организационная структура телестудий, историко-социологический анализ развития телевидения, региональные телевещательные компании Узбекистана, законодательная база СМИ, телевизионная журналистика.

В истории человеческой цивилизации телевидение играет познавательную, эстетическую, воспитательную роль, являясь важнейшим свидетелем истории и непосредственным участником создания новых социумов и социально-культурных процессов.

Из неприметного в обществе изобретения (катодной телескопии), которое было сделано 25 июля 1907 г., телевидение превратилось в громадную индустрию на Земле, с которой в последствии сравнялся лишь Интернет. Телевидение является главным изобретением прошлого века. С каждым днем оно оказывает все большее и большее воздействие на умы и чувства людей, формируя их взгляды на жизнь, пристрастия, вкусы, настроение, поведение. Менее чем за сто лет эта индустрия, состоящая из сотен телевизионных каналов, превратилась в символ технологического прогресса и развития человечества.

История развития отечественной телеиндустрии приходится на середину XX в. В советский период развитие телевидения в стране было возможно только в рамках той строгой иерархичной организации, которая сложилась в системе Гостелерадио бывшего Союза. Эта система представляла собой стройную пирамиду, в вершине которой находился Государственный комитет Совмина СССР по телевидению и радиовещанию, осуществлявший функции руководства центральным, региональным, республиканским и местным телевидением. В основании пирамиды находились местные

и областные телестудии, с жестко заданными «Центром» параметрами вещания: временем, тематикой, характером построения передач.

Новая историческая ситуация, возникшая в результате развала бывшего Союза привела к распаду единого телевизионного пространства страны. В развитии телевидения республики начался новый этап – этап трансформации и адаптации к реалиям рыночной экономики. Вместе с тем произошли серьезные изменения в организационной структуре телестудий, в тематике и содержании телепрограмм, развитии местных (областных, городских и районных) телестудий и так далее. Данная тенденция, как и в целом история телевидения, изучение ее особенностей, весьма актуализировалась и представляет особый интерес у представителей общественно-гуманитарных наук.

Всесторонний анализ научной отечественной литературы по истории становления и развития телевидения в Узбекистане дает основание классифицировать ее двумя периодами: советским и периодом независимости.

В публикациях, посвященных разработке истории телевидения в советский период, его проблемы освещаются с позиций коммунистической идеологии, ориентированной на необъективную трактовку рассматриваемых вопросов. Среди работ, изданных в 1960-е гг., следует отметить исследования М. Глейзера, А. Юровского, Н. Варварова, О. К. Авербуха, А. М. Гельмонта и Д. И. Полторака, В. Вильчека, Э. Багирова и И. Кацева, В. Саппака,

П. В. Московского. В 70–80-х гг. XX в. работу в данном направлении продолжили Б. Фирсов, В. Обухов, А. Каримов, Г. Фере, А. Есин, С. Муратов, Н. Бирюков, В. Вильчек и Ю. Воронцов, В. Егоров, Э. Багиров, М. Абдуллаев, З. Есенбаев, А. Баранцев, Т. Эрназаров, М. Мирзаев и др.

Вместе с тем из вышеперечисленного массива литературы отдельного внимания требуют работы А. Каримова и А. Есина. Так, в работе А. Каримова «Телевидение Узбекистана» освещаются вопросы становления национального телевидения, формирования первых телепередач, укрепления материально-технической базы за первое десятилетие его существования (1957–1967 гг.) [10]. В монографии А. Есина «Радио и телевидение Узбекистана: рост, достижения, проблемы» анализируются аналогичные вопросы в совокупности с эволюционным развитием радиовещания. Отличительной чертой данного исследования является то, что оно опирается на документы партийного архива и в нем автор предпринял попытку показать на конкретных примерах деятельность Узбекского телевидения и радиовещания [7].

Кроме того, в освещении исследуемой темы важное место занимает книга З. И. Есенбаева, Т. Э. Эрназарова и У. Я. Ибрагимова «Средства массовой информации и пропаганды Узбекистана», в которой на основе фактического материала, архивных источников и других документов показывается достижения печати, радио и телевидения Узбекистана за 1917–1979 гг., в частности, раскрываются возможности телевидения как средства информирования населения о событиях в стране и за границей, а также о достижениях промышленности, сельского хозяйства, науки, техники, литературы, спорта [5].

Среди диссертационных исследований исторического направления данного периода можно выделить работы А. Каримова [10], Р. Шейнфельда [18], А. Есина [6], Э. Азимова [2]. В целом можно отметить, что в них содержится весомый документальный материал, раскрывающий в определенной мере опыт развития в пространстве тоталитарно-колониального прошлого. Они страдали серьезными концептуально-методологическими изъянами. Написанные с позиции марксистской идеологии в русле схоластических схем коммунистического учения, эти работы отличались стремлением к лакировке «социалистической действительности», замалчиванию негативных явлений, в

том числе в сфере телевидения. В результате исторические знания по тематике оказались деформированными.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что телевидение можно рассматривать в разных аспектах.

Зачастую телевидение рассматривается либо как новый вид искусства, либо как новый вид журналистики, либо как новое средство массовой информации. В действительности оно является одновременно и тем, и другим, и третьим. Просто в каждом случае подчеркнут один из его аспектов.

Следует отметить, что первые работы о телевидении были посвящены преимущественно выявлению его изобразительно-выразительных средств и художественных форм. Эти вопросы обстоятельно исследовались и в последующие годы.

Анализ жанров телепублицистики, закономерностей построения телевизионных программ, методов работы тележурналиста составил второе направление в исследовании телевидения.

Наряду с этим появились работы, в которых основное внимание уделялось социальной природе телевидения, его аудитории, а также предпринимались попытки комплексного исследования его проблем.

По мере накопления знаний о телевидении все настоятельнее ощущается потребность в их систематизации и интеграции с помощью теоретической схемы, которая помогла бы выявить основные факторы, влияющие на эффективность вещания. Но для того, чтобы выработать такую схему и механизм функционирования телевидения, нужно рассматривать его как систему.

Системный подход стал сегодня общепризнанным в науке, он проник как в естествознание, так и в гуманитарные дисциплины в силу необходимости объяснить устройство и функционирование сложных объектов – задача, для разрешения которой приходится исследовать не только свойства элементов, но и отношения их в системе.

Системный подход позволяет, с одной стороны, дать общее представление о процессе, с другой – увидеть компоненты и связи, которые раньше не попадали в поле внимания исследователей.

С обретением независимости Узбекистаном сделаны первые попытки в деле освещения с новых методологических позиций объектив-

ного анализа формирования и развития национальных СМИ. В диссертационном исследовании профессора А. Маврулова СМИ рассматриваются сквозь призму тенденций культурного развития [13].

Следует отметить диссертационное исследование Т. Медреймова, изучавшего особенности поэтапного формирования и развития телевидения в Узбекистане. В нем сквозь призму комплексного изучения становления и развития СМИ республики в 1930–1990 гг., системно исследуются вопросы зарождения и развития телевидения Каракалпакстана, обобщение многолетней работы тележурналистов, укрепления материально-технической базы телевидения, негативного влияния тоталитарного режима и партийных органов на работу телевидения республики [14].

В этом ряду необходимо отметить исследование К. Т. Ирнарзова, в котором на основе анализа материалов СМИ осмысливаются актуальные проблемы национальной жизни и межнациональных отношений, начиная с 1971 по 2002 г. [8].

Среди работ представителей общественно-гуманитарных наук необходимо выделить монографическое исследование К. Бахриева [4]. В нем с позиций юридической науки объективно освещаются правовые основы становления и развития СМИ Узбекистана.

Также среди диссертационных исследований представителей искусствоведческих наук следует отметить работы Н. Курбанбаевой, О. Султанова и И. Рахматуллаевой.

Так, в диссертации Н. Курбанбаевой излагаются проблемы адаптации различных форм театральных произведений на узбекском телевидении, разработки в узбекском телетеатре специфических методов воссоздания литературы средствами телевидения [12].

Вопросы возникновения и истории развития сатирических и юмористических жанров в телевидении Узбекистана, его значение в жизни общества, специфика комедийных программ на современном этапе исследуется в работе О. Султанова [18].

В исследовании И. Рахматуллаевой рассматриваются вопросы истории становления молодежных программ узбекского телевидения в контексте художественно-профессионального осмысления и практического претворения, выявления социального статуса гуманитарных, нравственно-эстетических функций молодежного ТВ, его места в духовной жизни обще-

ства, в воспитании личностных качеств нового поколения молодых людей [17].

Огромный вклад в историю возникновения и развития телевидения в Узбекистане внесли научные труды Х. Акбарова [3], Ф. А. Муминова [15], Г. Кузнецова [11], А. Исмаилова [9], Н. Абдуазизовой [1], М. Мухамедова [16] и многие другие.

Однако, говоря об определенных достижениях в изучении развития телевидения Узбекистана, следует также подчеркнуть, что в связанных с исследованием данного направления работах вовсе не проработаны такие важные вопросы, как:

- сравнительный анализ теоретико-методологических аспектов функционирования телевидения в советский и постсоветский периоды;
- исследование особенностей идеологического зомбирования телезрителей в эпоху «застойного периода»;
- особенности становления и развития региональных телевещательных компаний Узбекистана;
- процессы развития телевидения в условиях либерализации общественно-экономической жизни страны;
- опыт закладки законодательной базы СМИ и формирование конституционных основ свободы слова в независимом Узбекистане.

Обзор научной литературы показывает, что особенности исторического развития телевидения в Узбекистане не подвергнуты системному исследованию, в имеющихся научных изданиях данный вопрос исследуется опосредованно, параллельно с предметом других исследований. В итоге исторический период со второй половины XX в. по настоящее время в научной литературе оказался преимущественно не освещен. Отдельные работы, о которых упоминалось выше, не могут дать полной картины развития деятельности телевидения в республике.

Таким образом, если в советский период телевидение начало формироваться и развиваться на основе идеологических установок, вместе с тем накапливая опыт развития медийного пространства, то постсоветский период открывает новые страницы в развитии истории телевидения в республике, обусловленный, прежде всего, возрождением национально-духовных основ и структурными преобразованиями на основе требований многоукладной экономики.

Сложившаяся ситуация в деле системного изучения истории становления и развития те-

левидения Узбекистана позволяет сделать вывод о том, что постсоветский период развития медиапространства республики остается неизученным, а в советский период много идеологизированных работ. В целом изучение тенденций возникновения и развития телевидения в Узбекистане является одной из актуальных задач исторической науки.

Список литературы

1. Абдуазизова, Н. Мустақил Ўзбекистон журналистикаси тарихи / Н. Абдуазизова. – Ташкент, 2007. – 309 с.
2. Азимов, Э. Я. Деятельность КПУз по усилению роли телевидения в коммунистическом воспитании : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Э. Я. Азимов. – Ташкент, 1984. – 17 с.
3. Акбаров, Х. Кино ва телевидение оламида / Х. Акбаров. – Ташкент, 1991. – 208 с.
4. Бахриев, К. Оммавий ахборот воситалари фаолиятининг хукукий асослари / К. Бахриев. – Ташкент, 2001. – 17 с.
5. Есенбаев, З. И. Средства массовой информации и пропаганды Узбекистана / З. И. Есенбаев. – Ташкент, 1979. – 122 с.
6. Есин, А. Ф. Деятельность Компартии Узбекистана по повышению роли радиовещания и телевидения в коммунистическом воспитании трудящихся : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ф. Есин. – Ташкент, 1977. – 17 с.
7. Есин, А. Радио и телевидение Узбекистана: рост, достижения, проблемы / А. Есин. – Ташкент, 1975. – 161 с.
8. Ирназаров, К. Т. Пресса и межнациональные отношения: критика стереотипов тоталитаризма, анализ политики независимого развития : дис. ... д-ра. ист. наук / К. Т. Ирназаров. – Ташкент, 2004. – 307 с.
9. Исмаилов, А. Кинотелеоператорское мастерство / А. Исмаилов. – Ташкент, 2010. – 420 с.
10. Каримов, А. Телевидение Узбекистана / А. Каримов. – Ташкент, 1973. – 63 с.
11. Кузнецов, Г. Телевизионная журналистика / Г. Кузнецов. – М., 2002. – 304 с.;
12. Курбанбаева, Н. Телевизионный театр Узбекистана : автор дис. ... канд. искусств. наук / Н. Курбанбаева. – Ташкент, 1995. – 17 с.
13. Маврулов, А. А. Культура Узбекистана на современном этапе: общее состояние, проблемы, тенденции развития (середина 70-х–1990 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. А. Маврулов. – Ташкент, 1993. – 57 с.
14. Медреймов, Т. История возникновения и развития средств массовой информации в Каракалпакстане в 1930–1990 гг. (радиовещание и телевидение) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Медреймов. – Ташкент, 1997. – 17 с.
15. Муминов, Ф. А. Журналистика ижтимоий институт сифатида / Ф. А. Муминов. – Ташкент, 1998. – 175 с.
16. Мухамедов, М. Телевидение асослари / М. Мухамедов, Ф. Файзиева, В. Абляева. – Ташкент, 2008 – 136 с.
17. Рахматуллаева, И. Узбекистон телевиденисида ешлар курсатувлари : автореф. санъат. фан. номз / И. Рахматуллаева. – Ташкент, 2007. – 24 с.
18. Султанов, О. Узбекистон телевиденисида кулги санъати : автореф. санъатшунас фан. номз / О. Султанов. – Ташкент, 2005. – 17 с.
19. Шейнфельд, Р. А. Роль телевидения в коммунистическом воспитании трудящихся : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. А. Шейнфельд. – Ташкент, 1975. – 17 с.
20. Эрназаров, Т. Э. Узбекская советская журналистика. 1924–1941 гг. / Т. Э. Эрназаров. – Ташкент, 1983. – 179 с.

Сведения об авторе

Юсупалиева Дилафруз Кахрамоновна – кандидат исторических наук, преподаватель Государственного института искусств и культуры Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан. sodirjonov@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 1 (383).
Philology Sciences. Issue 99. Pp. 155–160.*

HISTORICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF TELEVISION DEVELOPMENT IN UZBEKISTAN

D. K. Usupalieva

State Institute of culture and arts of Uzbekistan. sodirjonov@mail.ru

In the pages of this article reflects the critical analysis, particularly television history, assessment of works of researchers, both Uzbekistan and Russia, who have made a worthy contribution to the study of the history and development of the television industry in Uzbekistan. Describes a variety of genres television Uzbekistan, the specifics of the trends of the Soviet period for the development of television in the TV system of the Soviet Union and post-Soviet phase of development of the television industry in the Republic, its importance in the development of national and spiritual foundations and structural change in society.

Keywords: *socio-cultural processes, domestic teleindustriâ, technological progress, and scope and content of television programmes, the organizational structure of the tv Studios, historical and sociological analysis of the development of television, regional broadcasters in Uzbekistan, laws of MEDIA, television journalism.*

References

1. Abduazizova N. *Mustaqil Ўzbekiston zhurnalistikasi tarihi* [Mustaqil Tarikhi žurnalistikasi Course]. Tashkent, 2007. 309 p. (In Uzbek).
2. Asimov E.Ya. *Dejatel'nost' KPUz po usileniju roli televideniya v kommunisticheskom vospitanii* [KPUz Activities to enhance the role of television in Communist upbringing]. Tashkent, 1984. 17 p. (In Russ.).
3. Akbarov H. *Kino va televidenie olamida* [Cinema VA olamida television]. Tashkent, 1991. 208 p. (In Uzbek).
4. Bahriev K. *Ommavij ahborot vositalari faolijatinig hukukij asoslari* [Ommavij vositalari faoliätining asoslari hukukij Ahborot]. Tashkent, 2001. 17 p. (In Uzbek).
5. Yessenbayev Z.I. *Sredstva massovoj informacii i propagandy Uzbekistana* [Media and propaganda of Uzbekistan]. Tashkent, 1979. 122 p. (In Russ.).
6. Esin A.F. *Dejatel'nost' Kompartii Uzbekistana po povysheniju roli radioveshhanija i televideniya v kommunisticheskom vospitanii trudjashhihsja* [The activities of the Communist Party of Uzbekistan on enhancing the role of the radio and television in Communist upbringing workers]. Tashkent, 1977. 17 p. (In Russ.).
7. Esin A. *Radio i televidenie Uzbekistana: rost, dostizhenija, problemy* [Radio and tv of Uzbekistan: growth, achievements, problems]. Tashkent, 1975. 161 p. (In Russ.).
8. Irnazarov K.T. *Pressa i mezhnacional'nye otnosheniya: kritika stereotipov totalitarizma, analiz politiki nezavisimogo razvitija* [Press and interethnic relations: a critique of stereotypes of totalitarianism, policy analysis, an independent development]. Tashkent, 2004. 307 p. (In Russ.).
9. Ismailov A. *Kinoteleoperatorskoe masterstvo* [Kinoteleoperatorskoe skill]. Tashkent, 2010. 420 p. (In Russ.).
10. Karimov A. *Televidenie Uzbekistana* [Uzbek television]. Tashkent, 1973. 63 p. (In Russ.).
11. Kuznetsov G. *Televizionnaja zhurnalistika* [Television Journalism]. Moscow, 2002. 304 p. (In Russ.).
12. Kurbanbaeva N. *Televizionnyj teatr Uzbekistana* [Television Theater of Uzbekistan]. Tashkent, 1995. 17 p. (In Russ.).
13. Mavrulov A.A. *Kul'tura Uzbekistana na sovremennom jetape: obshhee sostojanie, problemy, tendencii razvitija (seredina 70-h–1990 gg.)* [Culture of Uzbekistan at the present stage: General status, problems and trends in development (mid 70 's-1990)]. Tashkent, 1993. 57 p. (In Russ.).

14. Medrejmov T. *Istorija vozniknovenija i razvitija sredstv massovoj informacii v Karakalpakstane v 1930–1990 gg.* [History of origin and development of the media in Karakalpakstan in 1930–1990 (radio and television)]. Tashkent, 1997. 17 p. (In Russ.).

15. Muminov F.A. *Zhurnalistika izhtimoiy institut sifatida* [Ijtimoiy sifatida Institute of journalism]. Tashkent, 1998. 175 p. (In Uzbek).

16. Mukhamedov M., Ablâeva F., Faizieva B. *Televidenie asoslari* [TV asoslari]. Tashkent, 2008. 136 p. (In Uzbek).

17. Rakhmatullaev I. *Uzbekiston televidenisida eshlar kursatuvlari* [Televidenisida kursatuvlari Yoshlar Uzbekistan]. Tashkent, 2007. 24 p. (In Uzbek).

18. Sultans O. *Uzbekiston televideniesida kulgi san#ati* [Televideniesida san"ati kulgi O'zbekiston]. Tashkent, 2005. 17 p. (In Uzbek).

19. Šejnfe'l'd R.A. *Rol' televidenija v kommunisticheskom vospitanii trudjashhihsja* [Television role in the Communist workers' upbringing]. Tashkent, 1975. 17 p. (In Russ.).

20. Ėrnazarov T.E. *Uzbekskaja sovetskaja zhurnalistika* [Uzbek Soviet journalism. 1924–1941]. Tashkent, 1983. 179 p. (In Russ.).

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

Л. А. Шкатова

РЕЦЕНЗИЯ на монографию

Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) : монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 296 с.

Актуальность рецензируемой монографии определяется потребностью современного российского общества в осмыслении своего духовного наследия, воплощенного в фольклорных текстах, в сбережении традиционных ценностей, отраженных в народном творчестве. Объектом исследования выступает фольклорное сознание, под которым автор предлагает понимать «идеальный объект как совокупность (систему) представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора» [С. 10].

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые теоретически обосновано содержание понятия «фольклорное сознание», определена его структура, способы и формы его объективации; охарактеризованы жанры прозаического фольклора и их эволюция; выявлена региональная и локальная специфика устной народной прозы Урала; установлено содержание онтологических и аксиологических констант фольклорного сознания; исследованы механизмы фольклоризации и мифологизации героев и событий местной истории на материале уральской сказочной прозы.

Цель исследования – показать непрерывность развития русского прозаического фольклора через выявление основополагающих категорий воплощенной в нем духовной культуры как констант фольклорного сознания.

Достижение этой цели обеспечивается, во-первых, значительным объемом проанализированных фольклорных текстов, в том числе собранных во время организованных автором на протяжении 25 лет ежегодных экспедиций по территории Южного Урала и впервые введенных в научный оборот. Во-вторых, достоверность результатов исследования подтверждается разнообразием привлеченных для целостного анализа фольклорного сознания методов, в том числе специальных: метода моделирования, историко-типологического, сравнительно-типологического, а также элементов

контекстуального, семантического и историко-этнографического анализа. В-третьих, соответствие современным изысканиям фольклористов обеспечил подход к анализу фольклорных текстов с позиций историзма и системности, опирающийся на солидную теоретическую и методологическую основу.

Структура монографии включает пять глав. В первой главе описывается фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности, оно рассматривается как духовная система, которую невозможно анализировать изолированно от других явлений бытия носителей фольклора.

Основное содержание фольклорного сознания отражается в образах, вокруг которых группируются мотивы, стереотипы, представления. Центральную проблему фольклорного сознания составляет отношение «человек-мир», анализ которого осуществляется с точки зрения коллектива, социума. Стереоскопичность видения мира в фольклорном сознании обусловлена совмещением исторического и мифологического осмысления действительности, благодаря чему возникает феномен народной истории.

Системообразующие основания в русском фольклоре представлены И. А. Головановым в виде пяти констант: пространство и время (онтологические константы), соборность, софийность и справедливость (аксиологические константы). В произведениях фольклорной прозы сюжет образуется мотивами, которые могут быть «местными» по применению и универсальными (наднациональными) по возникновению; мотивы не «привязаны» лишь к одному фольклорному жанру. Единство мотивов и образов зависит от коммуникативной ситуации, намерений рассказчика, его творческого потенциала, а также от общезначимой традиции. Автор отмечает актуализацию фольклорных мотивов в настоящее время на фоне рационально выстроенного, осмысленного и лично переживаемого рассказа.

Вторая глава монографии посвящена жанровой системе прозаического фольклора. Под жанром (в контексте фольклорного сознания) И. А. Голованов понимает «тип внутренней организации произведений, неразрывно связанный с воплощением и передачей в них содержания, за которым стоят коллективные представления носителей фольклора о реальности, ее интерпретации и оценки под определенным углом зрения» [С. 69].

Как особая разновидность фольклорной прозы в монографии рассматривается сказка; в плане решения вопроса о типологии жанров несказочной прозы предлагаются критерии разграничения преданий, легенд и быличек. Утверждается, что система жанров находится в постоянном развитии, они вступают в разнообразное взаимодействие, рассмотрение которого связано с изучением проблем исторической поэтики фольклора.

Третья глава носит название «Фольклорная проза Урала: соотношение общерусского, регионального и локального». В ней И. А. Голованов убедительно доказывает, что «региональный подход в фольклористике делает возможной реконструкцию особенностей национальной культуры в ее уникальном историческом развитии, позволяет воссоздать особый мир социокультурных ценностей, возникший на определенной территории» [С. 100–101].

Четвертая глава посвящена анализу констант фольклорного сознания в прозаическом фольклоре Урала. В ней рассмотрены онтологические константы пространства и времени, сложность и многомерность организации которых в фольклорном сознании связана с присутствием ему многообразия форм обобщения. Наиболее древней из аксиологических констант признается соборность, которая обозначает не только состояние души, но и духовный труд во имя блага общины.

Народное понимание мудрости воплощено в категории софийности, включающей как взаимосвязанные сущности Любовь, Красоту и Добро.

Процесс непрерывного духовного поиска и стабильность традиционного мировоззрения русского народа воплощаются при реализации константы справедливости. Образы «народных заступников» в уральской несказочной прозе и провозглашение торжества истины в сказках отражают стабильность мировосприятия, сохранение традиционных ценностей, передаваемых из поколения в поколение.

В пятой главе («Динамика фольклорного сознания в новейших записях сказочной и несказочной прозы») важной особенностью жизни современного носителя фольклора признается фольклоризация текущих событий, в том числе локального характера. «Старые» сюжеты сохраняются новыми поколениями рассказчиков, но в них вводятся новые имена, современные реалии и обстоятельства жизни, и, хотя прежние образы заменяются новыми, сохраняется связанная с ними система мифо-фольклорных мотивов.

Тяга сознания современного человека к непознанному объясняет фольклоризацию событий, в том числе местного значения. Носители фольклорного сознания не дублируют действительность, а постигают ее смысл, пытаясь удовлетворить интерес к необычному и снять страхи, преследующие жителей малых и больших городов, в том числе страх перед будущим.

Значительную роль в сохранении фольклорного сознания в настоящее время играют средства массовой информации, которые удовлетворяют интерес к необычному и странному в условиях недостаточной информации о событиях. Медийные тексты привлекают внимание к «пограничным» темам: жизнь – смерть, счастье – несчастье, здоровье – болезнь, приводя в движение архетипы сознания современных читателей. Региональные СМИ обращаются к местным достопримечательностям, которые дают основу для возникновения «слухов и толков», фольклоризация событий локального характера приобретает характер былички, и этот жанр в современных условиях является самым продуктивным жанром традиционного фольклора.

Проанализированные самозаписи информантов свидетельствуют о том, что они носят фольклорный характер и опираются на традиционные приемы и образы народного сознания, а установка на достоверность излагаемого является непреложным законом бытования фольклорных текстов несказочной прозы.

Наиболее важными для носителей современного фольклора являются константы соборности и софийности, которые особенно значимы в современных условиях, порождающих страх перед будущим и духовный кризис. Новейшие записи фольклорных текстов свидетельствуют о том, что для наших современников в век глобального прагматизма актуальны легендарные мотивы жертвенности, посвящения своей деятельности служению людям.

Взгляд на фольклор сквозь призму фольклорного сознания позволил автору монографии увидеть его системообразующие основания, реконструировать особенности русской национальной устно-поэтической традиции на примере уральского фольклорного материала и осознать, что основная функция фольклора – обеспечение устойчивости существования социума и человека как его части.

Труд Игоря Анатольевича Голованова – продолжение традиций уральских фольклористов, которые заложил известный ученый, филолог, фольклорист Александр Иванович Лазарев (1928–2001). В круг научных интересов профессора А. И. Лазарева входили народная традиционная культура, теория и методология фольклористики, типология литературного

фольклоризма, своеобразие языка фольклора, фольклор в контексте современного образования и культуры, этические и эстетические ценности фольклора, образовательные возможности фольклора в школе и дошкольных учреждениях. В этом году состоялись традиционные Лазаревские чтения, которые проводятся в Челябинске уже седьмой раз. Одним из основоположников и неперенных организаторов этих научных собраний фольклористов является доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного педагогического университета И. А. Голованов – ученик и последователь А. И. Лазарева, достойно развивающий и обогащающий новыми идеями уральскую фольклористику.